Андрей Ливадный

Экспансия. История галактики

Остров надежды

Annotation

2609–2717 гг.

Чудовищное наследие Галактической войны — кладбища кораблей, дрейфующие в космосе в местах сражений звездных армад. Миллионы тонн обломков, среди которых теплится не только кибернетическая жизнь… Могут ли дети, выросшие в тесных отсеках, среди владычества боевых машин, обрести свободу и вернутся к людям?

Андрей Ливадный Остров надежды (ЭКСПАНСИЯ: История Галактики — 8) (Остров надежды — 3)

Пролог

Музыка шла от неба…

Никогда больше он не слышал ее, но в подсознании двухлетнего мальчика она навсегда осталась такой — страшной, ревущей, смешанной с грохотом камней и смертным шелестом пепла…

Черные тени настигали его, неумолимые, как перст судьбы. Он бежал на слабеньких ногах и рыдал, пытаясь за слезами скрыться от ужаса, что падал с небес…

Что может быть страшнее этой беспомощности?

Забившись между двух камней, он продолжал плакать, а земля вздрагивала, принимая на себя вес звездных кораблей. Потом средь наступившей вдруг оглушающей тишины процокало злое стаккато пулеметной очереди, и все стихло — теперь уже навсегда.

Он перестал плакать, потому что устал. Сил на крик больше не осталось, и лишь его тело часто вздрагивало. Мир изменился. Никто не пришел взять его на руки, согреть своим теплом, накормить и обласкать. Он был еще слишком мал, его сознание только народилось и потому не могло постичь всего ужаса происходящего…

Он сжался в комок. От камней шел холод. Этот холод постепенно захватил крошечное тельце, и оно перестало вздрагивать. Синяя травинка, качающаяся на легком ветру, тяжелые шаги, бряцание металла — вот все, что он запомнил.

И еще большая обида на теплый мир, ставший вдруг чужим и холодным.

Он не слышал, как с ревом взмыли в небо корабли.

Он не слышал тишины, укутавшей дымящиеся руины тяжким саваном.

Он медленно и неосознанно покидал этот мир, замерзая меж двух каменных глыб, и синяя травинка, обожженная и сломанная, баюкала его своим мерным покачиванием.

Шел 2607 Галактического календаря.

Человечество рвалось к звездам…

* * *

…Тяжелые сапоги с хрустом давили рифлеными подошвами крошево битого стекла. Ствол импульсной винтовки заглядывал в темень

разгромленных коридоров, жадно обегал единственным черным глазом разоренные офисы.

— Сволочи… — сорвалось с чьих-то губ тяжелое, как плевок, слово.

Номад Берг устало присел на пластиковый подоконник.

Колония была мертва. Рудники взорваны.

В провалах выбитых окон завывал ветер. Горестное бессилие вдруг накатило на Номада, хотя он и не знал никого из погибших тут людей…

Он закурил, хмуро разглядывая остовы обгорелых механизмов, видневшихся из окна административного здания.

Номад уже пять лет наблюдал, как занимается пламя галактической войны. Старый скиталец постоянно находился в движении, перемещаясь из одной звездной системы в другую, и видел, как вторая волна Экспансии, выплеснувшаяся за границы Солнечной системы, разбилась о кольцо колоний.

Четыреста лет колонисты Первого рывка, брошенные Землей на произвол судьбы, боролись за выживание на чуждых планетах. И вот легендарная альма-матер дала о себе знать. Новые земляне были выходцами с самого дна зловонных клоак супермегаполисов. Старая родина действовала в лучших своих традициях. Миллионы не самых любимых ею сынов были вышвырнуты в космос. Земле, исчерпавшей все ресурсы, под благовидным предлогом было необходимо избавиться от них.

Вторая волна космической миграции человечества шла проторенными тропами, ведь силовые линии аномалии космоса не изменились, и в конце пути новые переселенцы неизбежно натыкались на одну из старых колоний.

Так возник конфликт. Цивилизации сорока семи планет, защищая свои миры, вновь вышли в космос.

…Номад выкинул окурок и криво усмехнулся, вспомнив, как власти некоторых планет еще не так давно называли их с Эрни преступниками. Видите ли, торгуют чем попало, да еще и уклоняются от налогов!.. Но он просто летает от планеты к планете на собственном, собранном из хлама корабле… Он не убил ни одного человека…

Номад вновь огляделся. Может быть, правы те, кто не желает компромисса?

В чем вина этих людей? Наверняка они не захотели принять новых колонистов с Земли. Но в Галактике тысячи незаселенных планет. Зачем Земле этот маленький планетоид и доставшийся потом и кровью рудник?

Ответ был очевиден для Номада. Война. Земля опять перенаселена, Солнечная система напоминает пустой, изъеденный червями орех. Они не

будут заселять дикие планеты. Они хотят неплохо жить сейчас…

Он сплюнул, встав с подоконника. Нужно убираться отсюда, пока не прилетели корабли Второй волны, которые возьмут в оборот осиротевшие рудники.

Выйдя на улицу, он прищурился от яркого света, падающего за горизонт диска звезды. Его напарник, Эрни Хьюго, в растерянности стоял около двух гранитных валунов.

— Ном, иди сюда! — позвал он.

Берг подошел, машинально озираясь вокруг. Его сильные руки сжимали теплый приклад винтовки. Он не верил этой тишине, ленивым струйкам дыма и мертвым телам.

Безумие охватило Вселенную.

Эрни тяжело и прерывисто дышал.

— Смотри! — выдавил он.

Номад шагнул к валунам, меж которых, скорчившись, лежало тельце ребенка.

Несколько секунд он в шоке смотрел на него, потом наклонился, отложив винтовку, и дрожащими пальцами коснулся щеки ребенка. Она чуть дрогнула под его ладонью, и Берг отшатнулся, словно обжегшись.

— Он жив?! — спросил присевший на корточки Эрни.

Номад кивнул, бережно поднимая застывшее тельце.

— Но что… что мы будем с ним делать? Он ведь почти грудной!

Номад не ответил. Он шел к кораблю, суетливо и непривычно прижимая к себе комок плоти, лихорадочно прикидывая, что на борту может послужить ему достаточно удобной постелью…

По щекам старого контрабандиста текли слезы.

Часть 1. Осколки

Я видел страх в глазах солдата,
Архангел с ликом сатаны
Сюда привел меня когда-то.
К осколкам ледяным войны.

И те, кто выжил, будут вечно
Завидовать своим врагам,
Чьи души кружат тут и там,
В безмолвном крике бесконечном…

«Я мыслю… следовательно — существую?

Это сказал не я. Я лишь поставил знак вопроса в конце фразы, немного изменив ее смысл.

У меня целый океан времени, чтобы размышлять. Хотя нет. Не океан. Маленькое озеро. Не так глобально, как первое, но вполне достаточно, чтобы утонуть, захлебнуться в запоздалом понимании вещей.

Смешно… Я сижу в тесной загерметизированной каморке на пустом ящике из под „ФЛАУ“-снарядов и пишу обыкновенным карандашом на обыкновенных листках. У меня нет будущего — я получил смертельную дозу радиации, и вряд ли протяну больше пяти-шести лет… Но даже этот срок кажется мне сейчас преувеличенно большим, если брать в расчет то, что таится в безмолвии вакуума, за хрупкими стенами моего укрытия. Мне смешно и горько потому, что я никогда не испытывал такого спокойствия и такой решимости жить, как сейчас. И никогда с такой убийственной ясностью я не понимал сущности людей.

Я не знаю, к кому обращаюсь — к самому себе или к тебе, человек, который держит в руках мой дневник… Ты мог прийти сюда только по двум причинам — либо ты исследователь, и прошли тысячи лет после моей смерти, либо ты бесстрашен. Если же ни то и ни другое, тогда беги. Знай — вокруг тебя ад. Он создан руками людей. Он — квинтэссенция смерти. И он как в зеркале отражает в себе темные закоулки человеческого сознания.

Впрочем, если ты ступил сюда — решай сам».

Глава 1

…Сизый, удушливый дым рваными пластами растекался по коридорам и палубам крейсера «Россия». Флагман флота Свободных колоний умирал тяжело, как и подобает кораблю его класса. Турбонасосы дико выли, пытаясь очистить удушливый воздух, но их мощности уже не хватало. Повсюду горели красные аварийные сигналы. Многие отсеки не открывались — за их дверьми царил вакуум, ворвавшийся в корабль через десятки пробоин.

Гравитация скакала, как заблагорассудится поврежденным генераторам, и потому продвижение группы десантников по главному коридору крейсера напоминало миграцию стада жабоклювов — люди то взлетали вверх, то падали, опять поднимались, чтобы быть брошенными на стену, и все это среди дыма, криков и беспорядочного огня импульсных винтовок, когда из боковых ответвлений появлялись штурмовые группы противника… или свои, ищущие спасения.

В этом аду все смешалось…

— Серега, через сотню метров поворот! — проорал Андрей в коммуникатор шлема, одновременно разворачиваясь, чтобы прошить огнем боковой коридор.

— Что там?

Ответ был едва слышен из-за злобного треска высоковольтной дуги его «ФЛАУ»[1]. Снаряды импульсной винтовки с воем пронеслись в теснине транспортного тоннеля, и через секунду из него, как из жерла мортиры, полыхнул огонь, усеяв пол коридора дымящимися обломками.

— Пятый орудийный комплекс. Внешние блистеры, если они еще целы.

— Будем надеяться.

Они продвигались прыжками, спина к спине, поливая из «ФЛАУ» боковые коридоры и неуклонно приближаясь к цели. Крейсер еще можно было вывести из боя. Центральный компьютер по-прежнему осуществлял контроль над основными системами корабля, но для перехода в гиперсферу было необходимо остановить бешеный танец маленьких космических истребителей, круживших, как осы, вокруг исполинского крейсера.

На остальных кораблях флота в этот момент происходило примерно то же самое. Битва была проиграна, и теперь судьба десятков планет зависела от того, удастся ли остаткам армады вырваться из кипящей бойни.

Никто, в том числе и трое пробивающихся к орудийному комплексу десантников, не сомневался — как только будет покончено с их флотом, крейсеры Земного альянса ринутся бомбить беззащитные планеты…

Бежавший позади Андрея Курт Шнельхер внезапно споткнулся. Он сам едва устоял на ногах, ухватившись за поручень. Крейсер содрогнулся от очередного удара.

«Черт, еще одно попадание!..» — со злобой подумал Андрей. Каждый такой удар уменьшал их шансы вырваться на гипердрайве. Он собирался ринуться дальше, к маячившим у поворота тоннеля массивным люкам орудийных башен, но в этот момент противоположная стена вдруг налилась темно-вишневым цветом и начала вспухать громадным пузырем.

— O, mein Gott…

Курт был прав. Им, похоже, оставалось только молиться…

Пузырь лопнул, разбрызгивая вокруг капли твердеющего металла. Андрей упал на пол и уцепился за крепежную скобу, чтобы рванувший в отверстие воздушный поток не вынес его в космос.

Смерч бесновался не больше двадцати секунд — Андрей следил за датчиками скафандра, пока не уверился, что в главном коридоре «России» воцарился вакуум. Андрей вскочил на ноги, и одновременно громадную пробоину заполнил тупой нос автоматического десантного рейдера. Это было худшее, что могло произойти. Он понял, что через несколько секунд в коридор повалят штурмовые роботы Земного альянса, и оглянулся.

Сергей уже расставил телескопическую треногу, и Курт трясущимися руками пристраивал на нее ствол тяжелого бластера.

— Беги! — приказал он.

Андрей замялся.

— Выполняй! Сбей истребители! — проорал Сергей, спуская гашетку.

Адское пламя заплясало по изуродованному коридору, ослепительным веером расходясь по броне рейдера. Первого появившегося в люке робота разнесло на куски.

Колебаться было бессмысленно, и Андрей побежал вперед.

«Только бы открылся люк», — мысленно молил он, ударяя ладонью по кнопке. Многотонный бронированный овал лениво вздрогнул и пополз в сторону. Эта живучесть боевых систем наполнила его идиотской гордостью за людей, строивших крейсер. Тот был способен драться даже изуродованный и расчлененный!..

Внутри орудийной башни горел свет. Андрей упал в кресло оператора, одновременно считывая информацию с двух главных мониторов. Накопители шестиствольного лазерного орудия были полны. Оно еще не

сделало ни одного выстрела. Несколькими переключениями он запустил программу автоматического заградительного огня, оставив на ручном управлении один ствол. Затем подключил толстый жгут интерфейса к своему гермошлему и взглянул на обзорный экран. Люк за спиной закрылся, и отсек стал заполняться воздухом из резервуара башни.

Теперь он сам был частью орудия. Два сенсорных рычага наводки выехали из пола, и Андрей привычно охватил гашетки расслабленными пальцами.

Виртуальная реальность…

Андрею вдруг захотелось рвануть кабель интерфейса, чтобы не видеть тысячи разрозненных точек — все, что осталось от семисот крейсеров флота Свободных колоний.

Перед ним раскинулась объемная панорама проигранной битвы. Все данные уже были обработаны компьютером орудия, и он видел мир объективами его видеокамер. Зрелище подавляло психику, но он заставил себя вновь взяться за рычаги, возбудив в сознании всю злобу, отчаяние и желание жить, что испытал за последние часы.

Орудийная башня вздрогнула — это гироскопы компьютера ориентировали ее в пространстве. Гулко завибрировали моторы подачи, и электронно-механический мир ожил. Из орудийного погреба эскалатор погнал вереницу вакуумных снарядов к двум батареям поддержки. Турельные пулеметы раскрыли диафрагмы видеокамер навстречу истребителям противника.

Андрея пробила дрожь, когда он увидел сигналы «Готовность» на мониторах шести лазерных комплексов «Прайд-12». Его возбуждала эта мощь, он становился сильнее, сидя в кресле оператора. И еще он испытывал жгучую горечь. Все смешалось в его душе в короткие секунды подготовки.

Гигантский суппорт плавно начал выдвигать башню в открытый космос. Один за другим оживали боковые мониторы, по мере того как открывались новые сектора обстрела. И одновременно на многоступенчатых консолях начали расцветать кровавые сигналы. На дисплеях побежали колонки цифр, на доли секунды прерываемые коротким и емким словом «ЦЕЛЬ».

Залп.

Визор гермошлема запульсировал. Андрей видел разлетающиеся в оранжевых сгустках взрывов куски брони. Точки гасли одна за другой, но им на смену появлялись новые. По отсутствию атмосферных выхлопов он понял, что ведет бой с автоматическими истребителями, на борту которых

царил вакуум.

Странные вещи порой творит сознание солдата. Через некоторое время Андрей уже не мог с точностью ответить на вопрос — является ли орудийный комплекс продолжением его воли или же его переполненный адреналином мозг лишь придаток этого бесчувственного, полыхающего огнем электронно-механического монстра.

Датчики накопителей энергии показывали половину боевой емкости. Он взглянул на счетчик снарядов. Орудийные погреба почти опустели. Андрей не поверил и посмотрел на хронометр. Он сражался почти тридцать минут!

В прицеле визора остались только две атакующие точки.

Он утопил клавишу на вспомогательном пульте, и по системе потек жидкий азот, охлаждая раскалившиеся отражатели орудий. Откинув лицевой щиток гермошлема, Андрей закрыл глаза и сжал виски. Его трясло. В голове кто-то пролил несколько капель расплавленного свинца. Такова была плата за сверхэффективную сенсорно-нейронную связь с компьютером башни. В моменты такой жуткой опустошенности он ненавидел машины и равно — создавших их людей. Но боль уходила, и он знал, что его вновь и вновь будет тянуть в рациональный и холодный мир виртуальной реальности.

Но это потом. А пока была страшная усталость и тяжкое отупение.

Андрей заставил себя открыть глаза и вызвать ходовую рубку «России».

Удивительно, но система интеркома работала. На мониторе связи появилось лицо второго вахтенного капитана.

— Пятый орудийный комплекс, лейтенант Воронцов, — устало доложил Андрей. — Сектор космоса в районе двигателей свободен от штурмовиков противника.

Капитан молчал, словно увидел безумца или выходца с того света.

«Черт побери, что должно произойти в рубке, если командир так смотрит на офицера, выполнившего приказ?.. Чем они там заняты?» — мысли роились среди боли и постэффектов боя, и вместе с ними росла злая обида.

— Отвечайте, капитан! — в бешенстве потребовал он.

Офицер молчал, и Андрей понял, что сейчас потеряет всякий контроль над собой. Перед глазами плавало видение изуродованных тел Курта и Сергея. Они отдали жизни, чтобы он прорвался, а этот…

Лицо вахтенного капитана исказила гримаса, в которой были гнев и страх. Животный страх перед какой-то неизбежностью…

— Поздно… — выдавил он, и от этого голоса мурашки побежали по спине Андрея. — Приготовься к смерти, сынок…

Монитор связи погас. Он сидел, совершенно ошалевший. Что за черт…

И в этот момент наступил СВЕТ.

Иначе это описать невозможно. Подходит только одно слово «СВЕТ». Он вспыхнул со всех сторон, так, что корабли, казалось, отбросили друг на друга резкие черные тени… Как будто гигантская фотовспышка осветила на мгновение происходящую во тьме драку.

Рука Андрея инстинктивно рванулась к пульту, но экран внезапно полыхнул белым огнем, раздался треск, в нос ударил специфический запах горящей изоляции… и вдруг все с грохотом и стенаниями рвущегося металла ухнуло куда-то в бездну…

Воронцов потерял сознание от внезапной перегрузки, но спасительное забытье длилось считанные мгновения. Автоматика боевого скафандра не могла позволить солдату валяться в беспамятстве, когда вокруг кипит бой, и острый укол инъектора сразу же привел его в чувство. К горлу подкатила тошнота от наступившей невесомости, но гораздо хуже было безошибочное ощущение чего-то страшного и непоправимого…

Андрей понял, что орудийную башню оторвало от крейсера.

В такие секунды главное — не потерять голову. Он поочередно включил телескопический обзор, сигнальный маяк и аварийный передатчик.

Тишина… Он еще и еще раз выходил на связь, пока наконец не понял бесплодности таких попыток.

Его отсек летел куда-то, беспорядочно вращаясь, экран радара был темен и пуст; ни единого шороха в коммуникаторе, ни команд, ни призывов о помощи. Лишь на приборной панели одна за другой вспыхивали красные предупреждающие строки:

«Термоядерный взрыв в пространстве. Суммарная мощность — 3 000 000 000 килотонн. Дистанция — 0,3 светогода. Время — минус семьдесят секунд».

«Вторичное излучение».

«Третичное излучение».

«Нагрев обшивки выше допустимого на 800 градусов».

«Функции защитного поля не восстановлены».

«Лазерное орудие — порядковый номер 5 — уничтожено».

«Система аварийного жизнеобеспечения включена».

«Ваш отсек преобразован в автономный модуль».

«Рекомендовано поддерживать предельный уровень личной защиты в течение пятидесяти часов».

«Угроза для жизни!»

Последняя надпись назойливо мигала.

* * *

Каждый из нас, прежде чем умереть, должен был сойти с ума. А ведь мы — я имею в виду целое поколение, — миллионы молодых парней на пятидесяти семи колонизированных планетах, — мы выросли, не зная боли и страха. Позже нас назвали «саженцами войны»…

Наверное, тому, кто прошел хотя бы одной, самой короткой тропкой галактической войны, уже невероятно трудно, почти невозможно верить, что мир был иным. Но я помню. Помню беззаботный смех матери, добрые глаза отца… Теплую воду пурпурного океана родной планеты. Помню свое ощущение безграничного покоя и счастья, какое бывает только у маленьких детей. Мир лежал у моих ног, такой огромный, удивительный и теплый. Он был моим.

И так было везде. Планеты, колонизированные в период Великой Экспансии[2], за четыре столетия окрепли, превратившись из диких и враждебных в развитые, цивилизованные миры. Мы были первым поколением, которому не нужно было бороться за выживание… но все наши мечты оказались втоптаны в грязь, смешаны с пеплом, заморожены вакуумом…

Я не обвинитель и не пацифист. Я профессиональный солдат, легализованный государством убийца, силой обстоятельств вырванный из порочного круговорота смерти и брошенный посреди ледяного, великого ничто подыхать и думать…

* * *

…Два часа назад он был молод и полон сил, и вот теперь умирал — медленно и страшно.

Его пересохшие губы что-то шептали, но за толстым стеклом гермошлема не было слышно ни звука.

Мониторы внутренней связи серебрились беспорядочным мерцанием точек… Многоярусные пульты управления потеряли свое многоцветье, экраны потускнели, подсветка панелей и датчиков погасла. Они умирали вместе с человеком.

Прошло всего несколько минут после того, как аварийный монитор выдал последнее сообщение. Сгоряча он не обратил внимания на

суммарную мощность взрыва, да и в любом случае она показалась бы ему нереальной — не было в составе обоих флотов оружия, способного вызвать такой взрыв, пока он вдруг не почувствовал, как тупая боль принялась выламывать его суставы.

Нет ничего хуже осознания неизбежности. В панике взгляд Андрея заметался по приборным панелям. Три миллиарда килотонн…

К горлу подступила тошнота. Суставы уже не болели — они пылали, как и все тело…

Андрей понял — приборы не врут и его отсек летит среди бушующего ада тяжелых частиц… и они каждую секунду неслышно пронзают его, разрушая клетки… Даже боевой скафандр был не в состоянии остановить всей радиации, и он стремительно превращался в эти секунды в кусок радиоактивного мяса…

Ужас сжал его горло ледяными, корявыми пальцами. Андрей вскочил, распахивая створки встроенных шкафов. В глубине одного ровно поблескивал ряд боевых скафандров высшей защиты. Он протянул руку, но в этот момент острая боль пронзила грудную клетку, и он повалился на пол, содрогаясь от внезапного приступа удушья.

И опять острые уколы инъектора вернули его в реальность.

Он никогда не был трусом. И по-настоящему страшно ему стало только сейчас. Страшно и отвратительно умирать…

Он собрал остатки сил и, приподнявшись, потянул на себя серые защитные оболочки. Гора скафандров накрыла его с головой, ослабляя беспощадный поток заряженных частиц, и он инстинктивно вполз в самую середину бесформенной груды…

Через несколько минут надежда сменилась отчаянием.

Андрей уже не мог шевелиться — он превратился в беспомощную куклу, в стороннего наблюдателя собственной смерти. Небытие накатывалось на него удушливыми черными провалами, чередующимися с минутами просветления, но и они были полны горячечного бреда. Говорят, перед смертью человек вспоминает жизнь… ничего подобного. Он все еще мучительно переживал свой последний бой…

Боль… Как больно… Его суставы выкручивало, тело жег огонь. Он хрипел, чувствуя на губах отвратительную, тошнотворную пену и… укол. Сознание взорвалось кровавым фейерверком и постепенно погасло, словно он упал в нежные объятия блаженной пустоты…

Он был… И в то же время не был…

Растерзанное сознание творит странные вещи.

…Огонь. Едкий запах горелой изоляции. Далекие взрывы и дрожь

корпуса гигантского звездолета…

…Черное ничто гиперсферы. Томительное ожидание перед боем. И почти как трубный глас архангела смерти — спасительное избавление от неизвестности — рев сигналов тревоги.

Они, затаив дыхание, следили, как их флот занимает позиции около мертвого, безымянного планетоида. На его орбите уже висела чудовищная бронированная сфера — звездная Крепость колонистов. На ней сейчас находился адмирал, и там же, в штабе флота, был сейчас отец Андрея.

Детекторы уловили возмущения пространства. Что-то пыталось вырваться в трехмерный континуум из адского Ничто, именуемого «гиперсфера»…

Андрей не знал, что это сражение войдет в историю как первый опыт «тактики прокола»… Он никогда не прочтет учебников, написанных для будущих поколений, но ему никогда не забыть, как голубые вспышки гиперпереходов внезапно засверкали прямо среди боевого построения флота Колоний…

В первой волне шли автоматические корабли-смертники. Около сотни ядерных взрывов расцвели в пространстве, превратив в обломки половину их флота, и вслед за ними, волна за волной, повалили боевые крейсеры Земли…

Сознание возвращалось к нему…

Он обливался потом, извиваясь от боли, пока по-настоящему не позавидовал мертвым. Боль огнем охватила все тело — нервные окончания погибали первыми, причиняя нечеловеческие страдания его мозгу.

Андрей возвращался в кошмарную реальность. Но у него больше не было желания жить. Зачем? Он ведь понимал — оторванная от корабля орудийная башня летит в никуда, в бездну, из которой нет возврата…

Он знал, как прервать эту пытку, но не мог дотянуться до личного бластера — гора скафандров намертво припечатала его к полу. Он захрипел и вдруг почувствовал, как горячие капли текут по щекам. Он не мог даже застрелиться…

Потом сознание вновь начало гаснуть. Его охватила чернота, в которой бешено вращалась светящаяся спираль. Она вкручивалась в воспаленный мозг, неся облегчение, и он тянулся к ней, страстно желая избавиться от непристойности собственной смерти… но тут, в который раз, сработали биосканеры боевого скафандра.

Зачем?!

Он проклинал пытавшуюся спасти его машину… Андрей хотел всего лишь умереть, но реаниматор был в состоянии выжать из замурованного в

скафандре солдата всю его жизнь, до последней капли…

Черная бесконечность протянулась из прошлого в будущее.

Спираль то появлялась, то исчезала.

Потом наконец наступил абсолютный мрак.

Глава 2

Андрей очнулся спустя семьдесят часов.

Открыв глаза, он долгое время лежал, бессмысленно глядя на внутренние датчики гермошлема.

«Я все еще жив…»

Трепетные огоньки индикаторов дрожали у отметки «ноль»: ресурс боевого скафандра исчерпан полностью.

Вокруг была темнота и вонь. Андрей пошевелился, и одеревеневшее тело отозвалось тупой болью. От движения куча скафандров чуть сместилась, и в поле его зрения попала полоска красноватого света.

Он задыхался от слабости и запаха собственного тела. Кое-как перевалившись на бок, он выкатился из груды скафандров в красноватый свет двух аварийных ламп, освещавших орудийную башню. Все экраны были мертвы, как и пульты управления орудием, лишь на резервном мониторе тускло светилось несколько строк: «Лазерное орудие — порядковый номер 5 — уничтожено».

«Ваш отсек преобразован в автономный модуль».

Андрей тупо смотрел на эти строки, на ощупь расстегивая замки скафандра.

Самое страшное, что только могло случиться, произошло именно с ним. За семьдесят часов его могли уже сто раз вытащить из изуродованной орудийной башни…

Он был списан в процент потерь и забыт.

Андрей настолько ослабел, что у него не было сил даже для отчаяния. Замки скафандра наконец поддались, и он, задыхаясь, содрал с себя герметичную оболочку вместе с комбинезоном и нижним бельем.

Он лежал на полу, чувствуя покалеченной кожей прохладу пористого пластика, и скупые слезы катились по его небритым щекам. В этот момент он ненавидел Фортуну, давшую ему шанс… Выжить ради того, чтобы умереть, — это могло показаться смешным, если бы не было так страшно и очевидно…

Его кожа обгорела, словно он лежал под лучами палящего солнца… Если не выбраться отсюда в ближайшие часы, то лучевая болезнь будет неизлечима. Ему срочно нужна квалифицированная помощь… Эта мысль помогла подняться на ноги и доползти до операторского кресла.

Он вскрыл неприкосновенный запас и сделал себе две инъекции —

обезболивающего и стимулятора.

Через несколько минут боль понемногу отступила. Пошатываясь, Андрей скормил утилизатору свой боевой скафандр и, надев чистый комбинезон, вернулся к терминалу компьютера.

Машина, как выражаются техники, «зависла». Картинка на экране не менялась. Тусклый свет аварийных ламп говорил об отсутствии энергии в накопителях либо об обрыве в цепях питания.

Он отыскал кнопку полного перезапуска всей системы, уповая на стандартное программное обеспечение. Если внутри электронных схем ничего не сгорело, то машина сама должна произвести диагностику повреждений и тестирование памяти… А если нет? Рука Андрея застыла над пультом. Это была русская рулетка чистейшей воды. Вот сейчас он сбросит те программы, что еще работают, чтобы запустить «зависшие» блоки, а если ничего не заработает вновь?

Свет на секунду мигнул, когда его палец утопил клавишу «Reset:».

Компьютер орудийной башни работал.

В углу центрального монитора промелькнули цифры тестирования памяти.

«Сбой питания».

«Ждите».

Он откинулся в кресле. Внутри многоярусных пультов управления и за пластиковыми панелями обшивки стен что-то жужжало и щелкало — это процессор машины, используя аварийный запас встроенных аккумуляторов, пытался найти неповрежденные цепи.

Свет вновь замигал, и вдруг ярко засияли обычные плафоны. С тихим щелчком включился регенератор воздуха, и по приборным панелям прокатилась конвульсивная волна огней. Орудийная башня оживала.

Андрей невольно подался вперед, игнорируя сообщения машины, когда один из секторов обзорного экрана вдруг начал наполняться звездами.

…Огромный, кроваво-красный спрут растекся в пространстве, затмевая своим свечением звезды.

«Пространственные координаты объекта совпадают с координатами планетоида Y-047».

Сообщение компьютера не оставляло места для сомнений. Клубящаяся спиралевидная туманность была остатками той безжизненной планеты на орбите которой в начале боя висела Крепость колонистов.

Планета была уничтожена!..

Не расколота ракетными ударами, не взломана гравитационными орудиями, а именно уничтожена…

Андрей не желал этому верить, но факты… Перед глазами вновь вспыхнул ослепительный свет, и он наконец понял, что означала та вспышка.

Планета была аннигилирована.

В полной прострации Андрей вновь повернулся к единственному уцелевшему обзорному экрану.

Туманность переливалась, по ее «щупальцам» зримо пробегали волны алого свечения. И на фоне этого знака вселенского апокалипсиса двигалось множество сверкающих точек. Их были тысячи.

Он понял, что тут не было победителей.

Перед его глазами проплывало кладбище обоих флотов.

* * *

«Выжить…» Эта мысль все настойчивее стучалась в сознание Андрея.

Он смотрел в стереообъем монитора и растворялся в окружающей модуль бездне; жуткое чувство потерянности и одиночества захлестнуло его, и это не было приступом агорафобии[3]… просто он вдруг перестал воспринимать себя винтиком огромной машины, — она была мертва, разбросана вокруг тысячами кусков металла и сотнями трупов. Цивилизация бросила его, ничуть не заботясь о дальнейшей судьбе Андрея Воронцова…

Он остался один.

Его окружали миллиарды километров холода и пустоты.

Андрей не хотел в это верить. Он не мог согласиться с безвыходностью своего положения и тем самым поставить себя перед неизбежностью новой агонии. Однажды пройдя через ужас медленной, осознанной смерти, он не допускал мысли о повторе.

«Сюда обязательно прилетят… Они обязательно вернутся, нужно только суметь дождаться!..»

Только много позже Андрей понял, что в тот момент упорно отказывался объективно оценить свое положение — он был ошеломлен, испуган, взвинчен. Он цеплялся за иллюзии… не принимая того, что трагедия этой битвы, этого флота навсегда останется его трагедией, а галактическая война уже укатила дальше, своей страшной Кровавой дорогой…

* * *

В каждом отсеке боевого звездолета имелся автономный запас продуктов, воздуха и воды. Та ситуация, в которой оказался Воронцов —

один, в дрейфующем обломке корабля, — была стара как мир. Вся история покорения космоса изобилует подобными случаями, с похожими началами, но разными концами…

Технически проблему выживания при крушении решили давно, еще лет двести назад, но все равно спастись удавалось немногим. Дело было не в технике, а в разуме человека. Теперь Андрей пожалел, что не боролся со сном на лекциях по космической психологии.

Прошло всего семь суток с того момента, как Воронцов очнулся среди тусклого сияния красных ламп, а он уже успел вкусить от прелестей полного одиночества.

Черт… В двадцать лет невозможно серьезно относиться к таким занудным дисциплинам и готовиться к полнейшей изоляции, когда жизнь еще только началась!..

Одно он помнил очень четко. «Не смотрите в одну точку» — прозвище преподавателя космопсихологии — часто повторял: «Двумя основными причинами психических отклонений в замкнутом пространстве являются потеря надежды и физическое бездействие. Именно поэтому погибают девяносто процентов спасшихся…»

Им постепенно овладевала злость. Андрей слишком хорошо понимал, что он не герой. Оказывается, это совершенно разные вещи — пасть в бою или сдохнуть от тоски, одиночества и неизлечимой в таких условиях лучевой болезни…

Не потерять надежду… Легко сказать. Он вышагивал по орудийной башне, ел, спал, пока к исходу седьмых суток не понял, что начинает сходить с ума. В свое время события захлестнули двадцатилетнего парня своим бешеным водоворотом, неумолимый вихрь войны промчал его сквозь четыре года жизни и внезапно бросил тут, среди мрака, холода и трупов…

То, что раньше лишь брезжило на пороге сознания, вызывая смутное беспокойство, вдруг стало очевидным, стоило лишь немного поразмыслить…

Андрей понял, что умрет, и тогда запретил себе думать. Он вскрыл все шкафы, вытряхнул на пол их содержимое и, сидя среди кучи барахла, изобретенного для того, чтобы молодым парням было сподручнее уродовать друг друга, выработал новую концепцию бытия.

Его злость нашла выход, и от этого стало чуть-чуть легче.

У него был набор стандартных инструментов, запасные части к системе наведения, кипа справочников и схемы…

Чтобы не сойти с ума от тишины и одиночества, он выдрал консоль

управления лазерным орудием и принялся за разборку.

Шли дни, и он начал терять ощущение времени. Копаясь в тонкой аппаратуре, Андрей уставал морально, но не физически. Тогда он вставал и начинав прыгать по тесному отсеку, отталкиваясь от стен, пока не выматывался окончательно. Иногда эти «тренировки» заканчивались приступами истерического смеха — он сам себе казался придурком, кривляющимся, как обезьяна… но кто мог его видеть и как по-другому двигаться, когда автономный гравитатор дает всего одну десятую привычной силы тяжести? По крайней мере, это помогало ему сохранить рассудок.

На самом деле ему было страшно. Он ненавидел себя за этот страх, но стоило вспомнить бесконечные часы агонии, как к горлу подкатывала тошнота. Он просто хотел жить. Он украдкой мечтал о том благословенном дне, когда сможет, вопреки всему, вернуться… Андрей грезил наяву о том часе, когда его нога вновь ступит на любую планету. Лишь бы над головой было небо, а под ногами земля…

Он работал, доводя себя до изнеможения, чтобы не думать, и все равно думал, мечтал и… работал.

Прошло девяносто два дня.

Он похудел, лицо приняло землисто-бронзовый оттенок. Руки Андрея были в ожогах и ссадинах, но теперь он досконально знал орудийную башню, в которой вновь функционировали радар и передатчик. Теперь он был уверен, что корабль спасателей не пролетит мимо, — его обязательно услышат, но он не заметил, как стал думать об этом совершенно равнодушно.

Чтобы закончить ремонт, ему осталось восстановить антенны.

Для этого он должен был покинуть отсек и выйти в открытый космос.

Облачившись в скафандр, который он заново укомплектовал и зарядил энергией, Андрей вышел из отсека в коридор, который когда-то вел на десятую палубу крейсера «Россия». Теперь от него осталось всего два метра — дальше проход закрывала аварийная переборка. Задраив ведущий в отсек люк, он включил откачку воздуха и подошел к герметичной перегородке. Впервые за три месяца одиночества он собирался покинуть свое убежище. Андрей нерешительно взялся за штурвал, и вдруг им овладело нетерпение. Лихорадочно открутив винтовой запор, он распахнул аварийный люк… и замер.

Впереди, насколько хватало глаз, расплескалась чернильная бездна — гигантское око Вселенной, равнодушно взирающее на него миллиардом зрачков. Он непроизвольно отшатнулся…

Дозиметр скафандра встревожено защелкал, выведя Андрея из прострации. Закрепив страховочный фал, он выбрался на поверхность. Быстро установив обе антенны, вернулся к люку, и только тогда позволил себе оглядеться.

Зрелище, представшее его глазам, угнетало и завораживало одновременно. Он стоял на бесформенном обломке корабля, у мрачного, уродливого провала. Поверхность орудийной башни покрывали потеки расплавленного металла, в нескольких местах наружу торчали взломанные при взрыве бронеплиты, и над всем этим царил скелет лазерного орудия. Прочнейшие балки его каркаса перекорежило, и оттого конструкция накренилась, став похожей на подбитую птицу. Две только что установленные антенны казались чужеродными вкраплениями среди царящего вокруг хаоса.

Пока Андрей рассматривал скелет орудия, что-то изменилось во мраке космической ночи. Согнутые опоры, казавшиеся серыми, вдруг окрасил нежно-розовый цвет, на глазах потемневший до вишневого. Андрей поднял глаза и понял, что происходит. Его обломок медленно вращался вокруг своей оси, и он только что стал свидетелем восхода туманности над смехотворно-близким горизонтом маленького небесного тела, в которое превратилась орудийная башня «России».

Однако это была только прелюдия. Внезапно во мраке один за другим стали вспыхивать яркие огни. Андрей внутренне содрогнулся от неприятной, но верной аналогии — это выглядело так, словно кто-то полоснул ножом по черному покрывалу пространства, и на нем проступили капли крови…

На самом деле он понимал: огни — не более чем обломки кораблей, освещенные кроваво-красным восходом туманности.

Их были тысячи, и в одном месте они уплотнялись, образуя неправильной формы шар. После нескольких минут наблюдений он понял — его отсек тоже сносит к этому скоплению, и в ближайшие недели он пролетит совсем близко от наводящего ужас сфероида.

По спине прокрался неприятный холодок. Что он мог противопоставить законам небесной механики? Рано или поздно его неуправляемый дрейф закончится столкновением с кладбищем изувеченных кораблей…

Он уже не отчаивался. Казалось, Андрей понемногу утратил подобные чувства. Каждый день, проведенный в борьбе с самим собой, изменял его отношение к превратностям судьбы, но это не было возмужанием — он попросту свыкся с постоянным чувством опасности, и

оно притупилось, потеряло остроту…

Несмотря на тревожное пощелкивание дозиметра и непроизвольный страх перед черной бесконечностью пространства, он пересилил желание юркнуть в спасительный отсек. Собственная беспомощность раздражала и отчасти придавала сил. Он почти физически ощущал свое одиночество.

Сделав неуверенный шаг вперед, он зацепил карабин страховочного фала за погнутую стойку орудия и начал осторожно карабкаться через баррикаду вставших на дыбы бронеплит.

Преодолев двенадцать метров исковерканной обшивки, он взмок и выбился из сил. На остекленевшей от адской температуры поверхности было практически не за что зацепиться, и Андрей постоянно рисковал сорваться. Волочившийся следом тонкий трос ничуть не придавал ему уверенности — бездна пространства пугала до тошноты, и Андрею казалось, что стоит потерять контакт магнитных подошв с металлической броней, и космос поглотит его, несмотря на страховку.

Наконец, в последний раз подтянувшись на дрожащих от усталости руках, он перевалил за торчащую из обшивки бронеплиту и увидел два оплавленных полушария, прилепившихся слева от орудия.

Это были резервуары со сжиженным азотом — его единственная надежда хоть как-то скорректировать дрейф своего обломка. Сжиженный газ был способен выполнить функцию простейших струйных рулей, оставалось только придумать, как выпустить его в нужный момент и в нужном направлении…

Андрей прополз еще несколько метров и тщательно осмотрел клапаны системы аварийного сброса азота. Они оказались оплавлены, как и вся обшивка. Перед глазами от напряжения мельтешили разноцветные искры. Привалившись спиной к выпуклому борту, он мрачно взглянул на сфероид, вновь поразившись этому ирреальному образованию.

Он еще не знал, что там ждет его судьба.

* * *

Обломки…

Тысячи тонн покореженного металла и расплавленного пластика…

В мрачном коридоре, среди плавающих в невесомости мертвых тел, кто-то нетвердой рукой вывел на стене: «Помоги нам бог…» Обломки крейсеров и транспортов, космических ремонтных баз и легких разведывательных кораблей, миллиарды киловатт энергии, тысячи рабочих часов, чьи-то страх и ненависть, любовь, мудрость и глупость — все смешалось в единой усыпальнице, как будто здесь расположилось

кладбище самих надежд человечества.

Обломки великой битвы — зловещий памятник тем, чьи тела, законсервированные вакуумом от тлена, обречены вечно плавать во мраке кораблей, ими же созданных. Не горький ли конец для существ, чей разум сумел постичь звезды, но оказался бессилен унять собственные амбиции?

Большинство обломков, подчиняясь гравитации туманности, собрались вместе. Их единение было столь же капризно и непрочно, как не скрепленная цементом кладка, — корабли находились в постоянном хаотическом движении, внутри незримой сферы, за границы которой им не позволяло уйти взаимное притяжение. Бесшумные столкновения были тем более зловещи, что оценить их силу казалось делом невозможным. Бронированные борта деформировались, надстройки сминались и обламывались. Иногда энергия столкновений плавила металл, и изувеченные звездолеты соединялись в местах удара. Некоторые корабли застревали друг в друге.

Казалось, жизнь навсегда покинула это место.

Но ведь кто-то вывел те слова…

* * *

Еще трижды Андрей выходил в космос, прежде чем сумел отвернуть один из кранов системы аварийного сброса азота. Скопление обломков приближалось. Сначала ему казалось, что отсек пролетит мимо, но по мере сближения с уродливым, сверкающим сфероидом его крохотный модуль все сильнее отклонялся к центру гравитации.

Вокруг начали появляться обломки. Они безмолвно проплывали мимо, оскалившись безобразными пробоинами, ввалившимися внутрь расплавленными бортами. Из десантного бота, словно изломанные руки, торчали погнутые стволы лазерных орудий. Следом за ним летел, медленно вращаясь, земной крейсер. Внимание Андрея привлекли распахнутые створы десантного шлюза и облако черных точек, парящее около него. Часть из них, из-за вращения крейсера, растянулась, окольцовывая корабль, словно порванные бусы…

Модуль начало разворачивать. Крейсер имел ощутимое, поле тяготения. Андрей приник к иллюминатору, решая, стоит ли бежать на поверхность, чтобы открыть вентиль. Траектория его движения вела к распахнутому шлюзу. Там должен быть кислород. От этой мысли ему стало хорошо. Кислород, еда, мощный передатчик и, может быть, люди!..

Следующий час прошел в томительном ожидании. Его отсек попал в гравитационное поле крейсера, и тот тащил его в космос, удаляясь от

массы обломков по вытянутому эллипсу. Черный провал десантного шлюза надвигался, неотвратимо, как судьба. Не выдержав, Андрей надел скафандр и выбрался наружу.

Эти дни заметно прибавили ему ловкости. Он вполне освоился с бескрайней бездной, кровавыми бликами и ощущением полнейшего одиночества. Закрепив страховочный фал, он включил магнитные присоски сапог и выпрямился, стоя на броне своего отсека.

Одна из черных точек летела прямо на него, да и другие начали отрываться от плотного скопления, обтекая по сторонам модуль, который входил почти что в центр облака. Андрей присмотрелся.

Сначала он различил руки, потом увидел отблеск на стекле гермошлема, и вдруг смутное видение укрупнилось во всех кошмарных подробностях. Он летел среди трупов…

Это были десантники. Корабль брали штурмом — серые спецназовские скафандры были раскроены лазерными лучами, и черная кровь ледяными потеками кристаллизовалась вдоль обугленных ран. Сквозь осколки лопнувшего забрала он видел молодые, изуродованные агонией лица и огромные пустые глаза…

«Космос был нам тесен…» — внезапно подумал Андрей, осознавая чудовищную нелепость и надуманность этой фразы. Они освоили крохотный клочок бескрайнего пространства, где есть еще тысячи девственных планет, и, едва покорив его, стали убивать друг друга, подчиняясь законам экономического и социального развития, а точнее, своей сущности, стадному инстинкту, отсутствию личного разума, когда кучка параноиков сшибала их лбами, заставляя молодых парней уродовать друг друга…

Он мог быть на месте этих десантников и плыть комком заиндевевшей плоти, став спутником изуродованного крейсера в безымянном секторе космоса.

Он больше не верил ни во что… Тела проплыли мимо, едва не задевая его раскинутыми руками, а следом уже надвигались новые, и еще десятки обтекали его со всех сторон.

Андрей уже не мог страдать — он лишь смотрел на них пустыми от боли глазами и понимал, что никогда больше не будет счастлив, даже если останется жив… Подобная память не умирает, и время бессильно против таких воспоминаний.

* * *

В глубинах боевого центра искалеченного крейсера щелкнуло

несколько реле. Люди погибли. Корабль разгерметизирован, почти начисто лишен энергии, но те, кто плавал сейчас в вакууме вокруг обломков своей твердыни, создали совершеннейшие системы уничтожения. Их машинам не было равных.

Цель, появившаяся в зоне действия последнего функционально пригодного сферорадара, была смехотворна — кусочек протоплазмы на металлическом обломке модуля лазерного орудия, но это была цель. Компьютер не ощущал разницы, и для него не существовало бесцельности действий. Он был запрограммирован и продолжал войну. Электромагниты точной наводки бездействовали, как и большинство вспомогательных сервомоторных систем, потому ствол вакуумного орудия, конвульсивно дернувшись, смог избрать лишь общее направление на цель. В беззвучии вакуума электронный затвор дослал первый снаряд, и борт крейсера в последний раз озарили отрывистые вспышки выстрелов. Пятый снаряд из обоймы перекосило, и он не пошел в ствол, но цель была поражена на девяносто процентов: атакующий боевой отсек получил пробоину, из которой вырвалась мощная струя газа, и реактивная сила поволокла его прочь от крейсера, в сторону шарообразного скопления поврежденных кораблей.

Был ли поражен управляющий модулем человек, компьютер не знал, но теория вероятности говорила не в пользу волочившегося позади модуля на страховочном фале кусочка протоплазмы.

В умирающем корабле включился диск-кристалл, занося в бортовой журнал очередную победу крейсера «НОРД» над кораблем противника…

Глава 3

— …Хью, давай уберемся отсюда! — отрезал Номад, отворачиваясь от экранов внешнего обзора.

Эрни Хьюго с удивлением посмотрел на напарника.

— С каких это пор ты стал бояться мертвецов, Ном?

Берг молча откатился в кресле к резервной панели и сделал несколько переключений. Затем протянул руку и взял чашку с кофе.

— Клянусь змееедами Прокуса, они причинили нам материальный ущерб, и мы вправе его возместить? — взорвался Хьюго. — Какого дьявола ты испугался?!

Кофе оказался слишком горячим. Номад сделал большой глоток и, обжегшись, сердито фыркнул, едва не подавившись. Поставив чашку на место, он угрюмо вперился в обзорный экран, в стереообъеме которого среди чернильной бездны пространства переливался всеми оттенками красного гигантский, клубящийся спрут. Эта ядерная клоака находилась точнехонько на месте облюбованного ими планетоида, где они с Хьюго устроили замаскированный склад товара.

Планета была аннигилирована, об этом однозначно сообщил бортовой компьютер, а на орбитах вокруг ее останков кружили тысячи металлических обломков…

Один из мониторов постоянно вырисовывал опознавательные контуры кораблей, по мере того как они проплывали в поле зрения двух бортовых телескопов.

— Эрни, ты понимаешь, что это значит?

Хьюго состроил рожу, означавшую наивное недоумение, но Номад не был расположен к обычной шутливой перебранке. В глазах космического бродяги таился неподдельный страх.

— Это галактическая война, Хью, — негромко констатировал он.

— Ну что ты паникуешь?! — вновь не выдержал Эрни. — Какого дьявола ты вдруг заартачился? Да, я вижу, от этой кучи металлолома прет радиацией на сотню парсек, ну и что? У нас есть защита, есть дезактиваторы, дистанционно управляемые роботы! Нет, ты только посмотри сюда! — Он ткнул пальцем в монитор, где в этот момент разворачивался контур и характеристики очередного изувеченного корабля. — Боевой крейсер Земли! Наша посудина трещит по швам, реакторы истощены, а тут… — Он блаженно закатил глаза. — Мы всего за

месяц отгрохаем себе такой крейсер, что чертям завидно будет! — Эрни еще раз Посмотрел на напарника и добавил уже безо всякой иронии: — Знаешь, Ном, люди получают только то, что сами заслужили. Если бы все работали, как мы с тобой, добывая кусок хлеба, им некогда было бы бить друг другу морды!..

Номад сокрушенно покачал головой, но так ничего и не ответил — его опередил бортовой компьютер. Как раз в этот момент передатчик их корабля, в автоматическом режиме менявший частоты связи, дошел до волны длиной 21 сантиметр[4], и в рубке внезапно забился сигнал:

— SOS!.. SOS!.. SOS!..

Хьюго быстро ввел несколько директив в компьютер, и уже вскоре бортовые радары взяли пеленг объекта.

— Аварийный передатчик скафандра, — разочарованно сообщил он.

— Найди его, — попросил Номад, пододвигая кресло к пульту управления.

— Да обыкновенный труп, ты же знаешь эту автоматику…

— Хью, найди мне его.

— Ну, как хочешь. Сейчас. Только потом мы полетим туда и слепим себе новый корабль, идет?

По мониторам рубки побежали сообщения:

«Идет поиск».

«Координаты цели».

«Увеличение квадрата».

«Объект обнаружен».

В объеме главного монитора материализовалось изображение.

Во мраке космоса, медленно вращаясь, проплывала изуродованная орудийная башня. Ее броня была оплавлена, фермы креплений лазерных орудий скручены и покорежены, а сзади, за обломками гигантских полозьев суппорта, по которым некогда башня выдвигалась из корпуса космического корабля в космос, на тонком, едва различимом тросе волочилось человеческое тело в боевом скафандре. Аварийные проблесковые маяки на плечах и гермошлеме мерно вспыхивали ослепительными зелеными искрами.

— Ты смотри, сигнал зеленый! — удивился Хью. — Рванули?

Номад угрюмо кивнул, повернувшись к панели управления маломощными ионными двигателями. Он и сам не мог понять, откуда у него внутри это чувство надвигающейся беды…

* * *

Его разбудила музыка.

В это трудно было поверить. Мозг Андрея еще находился в плену травматических воспоминаний, но сквозь круговерть сошедших с ума звезд и остервенелых вспышек вакуумного орудия он воспринимал иную реальность: приглушенную музыку, негромкие голоса и сладостный запах антисептика…

Он приоткрыл глаза.

Полумрак. Запах дезинфектора стал резче. Сквозь поляризованную стену пробивался тусклый свет.

За стеной двигались две смутно очерченные тени.

Резкое движение. Силуэт мужчины застыл в напряженной позе. Длинный стержень в его руке приподнялся. Почти одновременно Андрей услышал сухой щелчок, как будто столкнулись два шара из кости, затем мягкий, приглушенный удар и тонкий зуммер…

Андрей привстал. Укрывавшая его ткань соскользнула на пол. Он не сомневался, что находится в воображаемом мире. Разум подсказывал очевидную вещь — он погиб, и его тело летит в пространстве, среди вечного холода, но умирающий мозг соткал для него этот странный, призрачный мир… Эти тени…

Пол был холодным. Он сделал несколько неуверенных шагов и приоткрыл дверь.

В нос ударил запах сигаретного дыма.

Он зажмурился от яркого света, а когда открыл глаза, то со всей очевидностью понял, что либо сошел с ума, либо действительно умер.

В центре восьмиугольного помещения расположился обыкновенный, обтянутый зеленым сукном бильярдный стол. У дальнего конца стола, опираясь на кий, стоял космический волк из детских снов — седые, обвислые усы, наголо бритая голова, покрытая ровным бронзовым загаром кожа, замшевая жилетка, небрежно прикрывающая мускулистый торс…

— Ну, ну… только ты полегче, парень… — раздался за спиной Андрея смешок.

Тысячи мыслей вихрем пронеслись в голове Воронцова.

Эти люди не были призраками.

Все реально!..

Его спасли!

Он почувствовал холод, и до него внезапно дошел смысл сказанного. Опустив глаза, он несколько секунд смотрел на свое абсолютно голое тело и вдруг расхохотался, хрипло и облегченно. Его спина коснулась пластикового косяка, и он бессильно сполз по нему, сотрясаясь от

душивших его всхлипов.

Несколько мгновений они ошарашенно смотрели на Андрея, пока губы Номада не тронула улыбка; потом он не выдержал и тоже фыркнул. Через секунду к ним присоединился Эрни.

— Ну вы даете, мужики… — простонал он, доставая новенький комплект полетной формы. — Держи, — он протянул сверток Андрею и махнул рукой по направлению второй двери. — Душ там, в конце коридора, — пояснил он. — Справишься?

Андрей кивнул.

— Давай, вали. Знакомиться будем за обедом.

* * *

Робот-бегунок ловко передвигался по темным коридорам погибших кораблей. Он был прост и функционален. Электронная память машины содержала единственную задачу — отыскать неповрежденный двигатель заданной конфигурации, демонтировать его и доложить на корабль.

Пока что поиски были безуспешны. Бегунка не интересовало ничего из происходящего вокруг, он даже не вел записи единственной, укрепленной на паукообразном теле видеокамерой.

А зря. Вокруг него, в зловещем мраке залов и переходов, в провалах между кораблями и на покоробленных внешних палубах понемногу закипала разбуженная его перемещением жизнь.

Тысячи боевых машин ждали в холоде и тиши вакуума своего часа. На их контрольных панелях уже много месяцев тлели искорки индикаторов у надписей «Активация». Они были готовы вступить в бой, когда чудовищный взрыв аннигилированной планеты положил конец обоим флотам, превратив в обломки могучие звездные корабли. Но боевые машины в большинстве своем уцелели. Они лишились руководства — с момента активации больше не поступало никаких команд из компьютерных центров базовых кораблей. Но каждый из роботов имел автономную программу, которая автоматически запускалась спустя определенный период времени. Машины были слишком дорогими и сложными, чтобы люди допустили их простой. При программировании использовался огромный опыт войн. Допускалась возможность гибели командного состава или всего подразделения, в которое входила та или иная боевая машина. И тогда вступала в действие автономная программа, основанная на принципе сигнала «свой — чужой». Все объекты, не подающие сигнал «я свой», автоматически заносились в каталог целей. Затем по степени их активности определялись приоритеты. Потом следовало стандартное предупреждение

и предложение о сдаче. Если после этого не поступало сигнала «я свой» либо активность объекта не становилась равной нулю, включалась фаза активных действий, и боевая машина приступала к исполнению своей основной функции — уничтожению техники и живой силы противника.

Эта фаза могла быть приостановлена или прервана в трех случаях:

Уничтожение всех целей.

Приказ о прекращении боевых действий из командного пункта.

Полный расход боекомплекта и энергоресурса.

Конечно, те, кто проектировал боевые машины, не рассчитывали на такое невероятное стечение обстоятельств, как полное уничтожение всех командных центров с обеих сторон. Тысячи активированных боевых машин с работающими автономными программами ждали своего часа. Нужна была любая цель, чтобы сорвать первый камушек, который тронет за собой лавину.

Таким камушком и стал бегунок.

* * *

Настроение у Андрея было паршивым.

Он просмотрел всю память бортового компьютера, но не нашел в ней ничего похожего на звездную Крепость. Ни один обломок не подходил под заданный им компьютеру контур. Значит, отец жив. Именно орбитальная станция несла на борту оружие, уничтожившее планету, в этом мог усомниться только ребенок, не имеющий никакого представления о технике.

Андрея в данный момент не трогал сам факт существования аннигиляционной установки. Все, что предсказано и обосновано теорией, рано или поздно воплощается на практике. Колонисты создали его и в критический момент боя применили новое оружие, чтобы уничтожить флот Земли.

Маленькая поправка — сотни растерзанных кораблей колонистов, бившихся в тот момент в космосе, были принесены в жертву. Тысячи отчаявшихся солдат были брошены в ядерный котел решением нескольких человек, среди которых был его отец!

Может быть, Андрей нашел бы в себе силы оправдать этот поступок… если бы высшие офицеры разделили общую участь или хотя бы послали сюда спасательные корабли… Но нет, они ударили в планету и скрылись в гиперпереходе, спасая собственные шкуры, и не послали сюда корабли, в страхе запятнать свою репутацию…

«Отец… Как ты мог? Как ты можешь после этого дышать, жить,

смотреть в глаза матери?.. Ты помнишь, как говорил мне: „Сын, пора становиться мужчиной“. Я стал им, а ты?! Ты подставил меня, списал в процент потерь, а сам остался жить… Ради какой цели? В чем находишь ты оправдание и в чем ты его найдешь, когда я вернусь?..»

В этот момент Андрей хотел одного — вернуться и узнать, что орбитальная станция испарилась в пламени полного ядерного распада, не оставив ни одного обломка, или по крайней мере, что его отец выполнил свой долг, уйдя из жизни после бессмысленной, пирровой победы…

…Андрей не знал, что этому не суждено сбыться.

Бегунок уже сделал свое дело и деловито радировал о найденном двигателе, но на протяжении его пути через сфероидальное скопление обломков, в темных глубинах боевых палуб уже зажглись инфракрасные прожектора, и боевые машины тронулись вслед паукообразному роботу…

Спустя пятьдесят минут локального времени отряд роботов Земного альянса в поисках бегунка поднялся на боевую палубу крейсера колонистов, где в обманчивом оцепенении ждали своего часа десятки машин Свободных колоний.

Данте не подозревал, что так начинается ад.

* * *

Никогда Номад Берг не чувствовал так остро свою уязвимость.

Двигатели его корабля были демонтированы, и впервые за многие годы тот не мог сорваться с места по первому приказу хозяина.

Рассуждения Хьюго о том, что десять часов, необходимые для доставки и монтажа новых силовых установок, — это не срок, мало утешали Номада. Он боялся этого места и не пытался скрыть свой страх. Все вокруг пропиталось страданием и смертью. Тысячи мертвых тел плавали в темных коридорах и отсеках изуродованных кораблей…

Номад встал из-за пульта управления, со злостью посмотрев на ровную шеренгу мониторов. Все было готово к приему двигательной установки, и оставалось самое мучительное — ждать. Прошло уже три часа с того момента, как Хьюго с командой роботов исчез в недрах сфероида.

Номад раздраженно закурил и вышел в центральный салон.

Андрей томился ожиданием, сидя у прозрачной скорлупки реанимационной камеры, которую Хьюго приспособил для двухлетнего малыша. Мальчик спал, смешно раскинув руки, и его посапывание наполняло грубое и функциональное пространство отсека каким-то трогательным уютом.

Номад застыл в дверях. Сутулая фигура Андрея резко диссонировала с безмятежными чертами ребенка, словно между ними была незримая стена.

Он вздохнул, направляясь к бару.

— Выпьешь?

Не дождавшись ответа, он налил два бокала и протянул один Андрею.

Тот взял, равнодушно глядя в пол.

— О чем задумался, солдат? — спросил Номад, стараясь разогнать гнетущую тишину, и тут же пожалел о своем ироничном тоне. В глазах молодого парня вспыхнуло вдруг такое яростное пламя, что Берга по спине продрал ледяной озноб.

— Мы все погибнем… — выдавил из себя Андрей.

Ему безумно хотелось жить, но он-то, знал, что война охватила весь освоенный людьми космос. Ни он, ни кто-либо другой уже не могли остановить бешеного танца смерти. Лавина галактической войны сметет человечество, оставив, лишь единицы таких, как он, — постаревших без времени ребят, обожженных и наделенных запоздалым пониманием сути вещей.

— А как хочется жить… — яростно выдохнул он.

Номад хотел возразить, но осекся. Он понял, что не знает нужных слов.

— Оставайся с нами, — наконец нашелся он. — Подумай, ведь тебе не хочется вновь стать одним из миллионов, идущих на смерть.

Андрей поднял голову.

— Спасибо. — В этом слове прозвучала горечь. Он опрокинул в себя содержимое бокала и, закурив, откинулся на спинку кресла, чтобы дым не летел к колыбели.

— Мы все эгоисты, — внезапно сказал он, словно продолжая оборванную мысль. — Мы как чума. И только, вляпавшись в дерьмо, начинаем барахтаться, постигая извечные ценности, которые открыты за тысячи лет до нас…

Номад вдруг разозлился:

— Это ты, философ, извини, загнул. Ты не забудь, что защищал свои планеты. А если не веришь мне, посмотри на пацана. Я видел его родителей, расстрелянных в упор! Пацифизм тоже хорош только до определенной степени… В этот момент корабль потряс удар. Реанимационную камеру качнуло. Номада сбило с ног, и его проклятия смешались с плачем проснувшегося мальчика. Палуба под ногами вибрировала.

— Скафандры! — приказал он, вскочив на ноги.

Андрею не нужно было повторять дважды. Корабль еще раз тряхнуло. Где-то гулко взвыла сирена.

Когда он вбежал в салон с тремя гермокостюмами высшей защиты, Номада там уже не было, лишь малыш заходился беспомощным криком в своей колыбели. Схватив цилиндр индивидуальной аптечки, Андрей сделал ему укол снотворного и стал натягивать скафандр. Пока он возился с креплениями, ребенок в последний раз судорожно всхлипнул и затих, безвольно опустившись на дно реанимационного саркофага.

Андрей бережно поднял маленькое тельце и уложил его во второй скафандр. Включив автоматическую подачу кислорода, он убедился, что все работает исправно, и наглухо застегнул крепления. Скафандр слегка надулся, вспыхнул голубой индикатор на предплечье, что означало нормальную герметизацию.

Теперь уже по всему кораблю неистово выли сигналы тревоги.

— Номад, что у тебя, ответь! — спросил Андрей, включив коммуникатор.

— Не могу разобраться. Вижу какой-то отблеск на броне соседних кораблей. Хьюго не отвечает. Радар показывает приближение шести объектов… О, черт! У них характеристики планетарных танков!

Андрея передернуло.

Закрыв забрало своего гермошлема, он прикрепил скафандр с малышом на грудь, стянув его пустые рукава самоклеящейся лентой, и выскочил из салона.

Он был на полпути к рубке, когда корабль снова тряхнуло. Андрей упал на спину, чтобы не придавить ребенка, скорее почувствовав, чем услышав протяжный вой уходящего наружу воздуха. Противоположная стена вдруг начала удаляться, по полу обозначился ровный, расползающийся срез, в котором одиноко сверкнула звезда…

Лазерный луч развалил посудину свободных торговцев пополам…

Поднявшись на ноги, Андрей ощутил невесомость. Отключились генераторы искусственной гравитации. Оттолкнувшись от пола, он пролетел последние несколько метров и втиснулся в полуоткрытую дверь рубки.

Тело Номада плавало в вакууме, окруженное ореолом алых капель. Рядом парили вывалившиеся из пирамиды импульсные винтовки.

Ноги подкашивались от ярости, бессилия и непонимания, но мышцы действовали помимо разума. Схватив проплывавшую мимо винтовку, он вылетел в коридор и заскользил вдоль стены по направлению к шлюзу.

Берг умер от мгновенной декомпрессии. Его легкие просто

взорвались.

Андрей нырнул в черноту и включил передатчик.

— Хьюго, где ты?!

— А, черт… — донеслось сквозь помехи. — Я тут, рядом с кораблем. На нас напали боевые машины!

— Уходи! — крикнул Андрей в коммуникатор, мгновенно сообразив, что случилось. — Спрячься где-нибудь и не шевелись. Выключи все системы скафандра, кроме подачи кислорода и обогрева! Ребенок со мной, я найду тебя!

Тишина.

Затем в коммуникаторе что-то прохрипело, и в уши Андрея ударил истошный вопль.

Он вынырнул из шлюза во мрак, освещаемый вспышками стационарного лазера. В вакууме кипел бой. Шесть боевых машин сошлись в смертельной схватке, полосуя друг друга лучами лазеров, и среди этого хаоса плыл изуродованный двигатель, и рядом — обезглавленное человеческое тело…

Андрей вновь остался один.

Он рванулся к ближайшей пробоине и скрылся в недрах корабля. Разворачиваясь в узком коридоре, он задел грудью за переборку и почувствовал, как зашевелился внутри второго скафандра беспомощный комок.

Их было двое.

И они были обречены.

Часть 2. Сфероид

Кровавый шар во мраке ночи
Парит по воле мертвецов,
Обитель смерти. Кто захочет
Взглянуть в безносое лицо?

Кто сможет под огнем машин
Средь холода стальных развалин,
Оставшись навсегда один,
Сказать: «Я жив. И я нормален»?

Глава 4

Впереди царил мрак.

Семка приподнялся на локтях и глянул поверх нагромождения покореженных балок. Бледный луч фонаря выхватил из тьмы серые бронеплиты палубы звездолета. Взгляд мальчика скользнул по ним, отметив сохранившиеся кое-где осколки облицовочного пластика, несколько изувеченных взрывом силовых установок, и остановился на огоньках звезд, которые были отчетливо видны сквозь уродливую пробоину в борту корабля.

За несколько минут наблюдения ни одна тень не заслонила звезды, и он решил, что можно двигаться дальше.

Покинув укрытие, Семка в плавном прыжке преодолел отделявшие его от пробоины метры, пристроился у ее края и осторожно выглянул наружу.

На несколько секунд он ослеп — в глаза ударил отраженный от металлической равнины красноватый свет пульсирующей во мраке космоса туманности. Семка напрягся, стараясь слиться с серым фоном брони, — в эти секунды мальчик всегда оказывался беспомощен, из-за заклинивших светофильтров старенького гермошлема, починить которые оказалось выше его сил…

Наконец глаза свыклись с ярким мерцанием, и Семка начал узнавать знакомые очертания некоторых вершин.

Это было жуткое, жалкое и одновременно — завораживающее зрелище. Огромный сфероид, у поверхности которого он находился, сиял в красном свете туманности, словно кристалл со множеством граней, составленных из сотен покалеченных космических кораблей. Семка не понимал, что, по сути, это скопление хлама, собранного воедино силами гравитации. Корпуса кораблей щерились безобразными пробоинами, выставив наружу остовы механизмов или хрупкую паутину переломанных антенн…

…Очень давно тут сошлись в схватке два космических флота, и уничтоженная планета, все еще умирающая в виде клубящейся, кровавой туманности, была немым свидетелем и одной из многих жертв того боя…

Отец говорил ему, что победителей не было, но Семка не понимал смысла этих слов.

Шло время, и разрозненные осколки битвы, подчиняясь законам

небесной механики, начали собираться вместе. Те, что имели высокие кинетические скорости, навсегда покинули систему погибшей звезды или стали ее дальними спутниками, но основная масса кораблей образовала неправильной формы шар диаметром около ста километров.

Так в глубинах космоса возник этот мир, краткая история которого полна трагизма, беззвучных катастроф, взрывов и столкновений. Прошло много лет, прежде чем он обрел некоторую стабильность: обломки крейсеров сбились наконец плотнее, и новоявленная планетка закружила по эллипсу орбиты вокруг клубящейся ядерной клоаки, увлекая за собой длинный хвост более мелких обломков…

…Семка не собирался задерживаться у пробоины дольше, чем того требовала безопасность. Открывшиеся его взгляду дикие картины вздыбленного стального ландшафта ничуть не тронули воображение мальчика — он нашел знакомые ориентиры и осторожно двинулся вперед. Семка не знал истории возникновения туманности и металлического шара, и ему не было до них никакого дела.

Что-то жуткое и нереальное проглядывало в маленькой фигурке, торопливо пробирающейся по разрушенным палубам безвозвратно погибших кораблей; в вечной тишине, мраке и холоде космической ночи, снедаемый голодом и беспокойством, он шел слишком уверенно и осторожно… Искореженные переборки, узкие вертикальные шахты, темные залы с застывшими механизмами — это был его мир, мир маленького мальчика и холодного металла.

Сегодня ему исполнилось двенадцать лет, и, как никогда за последние дни, он чувствовал собственное одиночество и бессилие. Осунувшееся лицо за прозрачным пластиком шлема ясно хранило следы перенесенных страданий…

Семка сделал несколько шагов и остановился, ухватившись левой рукой за свисавшую с потолка коридора балку. В правой руке он сжимал снятый с предохранителя плазменный излучатель MG-90. Мальчик почувствовал впереди опасность, но никак не мог понять, откуда она может появиться. На глаза навернулись слезы — свыкаться с мыслью о полном одиночестве было жутко…

Несколько секунд он настороженно вглядывался в темные глубины простирающегося перед ним зала. До дома оставалось пройти всего несколько сот метров. Этот путь был отлично знаком ему, и внешне все вроде бы выглядело как всегда, но первое правило, которое он усвоил в сознательной жизни: «не доверяй спокойствию и пустоте», уже давно вошло в разряд бессознательных привычек. Семка машинально поднял с

пола кусок трубы и швырнул его вперед.

Бесконечность полусферического зала внезапно озарила серия голубых молний; труба брызнула каплями расплавленного металла и испарилась.

Счет пошел на секунды.

Гибкое тело метнулось под защиту полуразрушенного пульта. Пальцы сами сжали гашетку, и плазменный разряд разнес несколько кубических дециметров металла там, откуда по трубе ударила очередь.

Упав на пол, мальчик не остановился, а перекатился дальше и нырнул в вертикальную шахту как раз в тот момент, когда новая серия вспышек разнесла пульт, за которым он прятался секунду назад.

Пролетев несколько метров, Семка притормозил падение, и, как оказалось, вовремя: вертикальный тоннель внезапно оборвался, и он повис, чудом уцепившись за крепежную скобу. Тусклый конус света от фонаря выхватил из мрака фрагмент грузового отсека. Лететь предстояло еще метра три, и мальчик не колеблясь разжал пальцы.

Этот зал был ему знаком. Уверенно свернув в проход между пустыми стеллажами, он боком влез в шахту грузового лифта. В этот момент в его душе не было ничего, кроме ненависти, которая вытеснила все остальные чувства. Яркие всплески энергетических разрядов, беззвучно разлетающиеся осколки пульта, внезапность атаки — все это напомнило ему об утрате. Перед глазами Семки встала похожая картина, намертво впечатанная в память: вспоротый выстрелами мрак, гротескные очертания боевого робота и заслонившее его, Семку, сгорающее в плазменном вихре… Он не знал, сколько прошло времени после гибели отца… Память мальчика хранила в себе лишь отрезок бесконечности, наполненный болью утраты, одиночеством и горем…

Наверное, он дошел до предела морального истощения: инстинкты отступили, и сейчас ему было безразлично — жить или умереть… Этот робот мог оказаться тем самым, что убил отца!..

Цепляясь одной рукой и ногами за скобы, он вскарабкался по стволу шахты и выбрался на палубу, где минуту назад был атакован. Его душили ненависть и слезы. Гибкий, как кошка, решительный и быстрый, как воплощение смерти, несчастный и не осознающий полной меры своего несчастья двенадцатилетний мальчик скользнул вдоль стены, и мрак, хозяин этих залов, сомкнулся за его спиной…

Фонарь шлема был предусмотрительно погашен, и Семка различил впереди тусклое, красноватое пятно. Это светился нагретый металл. Пятно медленно удалялось, по диагонали пересекая помещение. Мальчика

охватила дрожь. «Значит, я попал!» — подумал он, прислонясь к стене и поднимая MG.

Серия голубых солнц вспорола тьму. Впереди взметнулась стена беззвучного пламени. Семка инстинктивно зажмурился, чтобы сберечь глаза, и не видел, как из расстрелянного мрака вырвались очереди ответного залпа, превратив часть стены в фонтаны горячих брызг.

Он уцелел, но был окончательно ослеплен и на несколько секунд вообще потерял способность двигаться. Внезапно впереди вспыхнули три прожектора, раскроив вязкую тьму косыми столбами света, и из глубин зала на Семку двинулось чудовище…

Раскаленные стены и прожектора давали теперь достаточно света, чтобы скорчившийся на полу мальчик мог разглядеть, кого он только что пытался свалить из своего ручного бластера…

Трехметровая квадратная платформа свободно скользила в нескольких сантиметрах от плоскости палубы, не касаясь ее ни одной своей частью. На ней когда-то помещались четыре покатые башни плазмотронов — теперь же их осталось только три, и одна из них, наполовину срезанная очередью, источала малиновое сияние.

Вообще, конструкция выглядела порядком потрепанной: половина заслонок и люков сорваны, из пусковой шахты торчала направляющая, на конце которой косо застыла ракета, пластины радарных антенн смяты. Броня машины, местами пробитая и оплавленная, давно утратила первоначальный блеск, но три пулеметных гнезда исправно ворочали стволами, синхронно с единственной уцелевшей видеокамерой, выискивая цель, и Семка вдруг с ужасом понял — ему несдобровать, потому что из глубин зала надвигался Автоматический Планетарный Разведчик, и, несмотря на потрепанный вид, он относился к разряду самых крупных и смертоносных роботов…

Мальчик отполз в сторону, продолжая наблюдать за исполином. Перед глазами все еще плавали цветные круги, но он уже мог различать окружающие предметы. Справа от него находилась шахта лифта, слева — пышущая жаром стена, впереди робот, а сзади короткий тоннель, ведущий к маленькой загерметизированной комнатке, где последние несколько лет жили они с отцом… От этого воспоминания разум мальчика вновь захлестнула жгучая ненависть ко всем механическим созданиям. Он вскинул оружие, но тут же опустил его. Уничтожить разведчика одним выстрелом он не мог, а на второй у него уже не будет времени — электронная реакция робота все равно что смертный приговор…

Оставался один путь — бежать, пытаться оторваться от машины в

недрах кораблей, стараясь увести его как можно дальше от дома…

Мысли, вихрем промелькнувшие в голове мальчика, выразились одним действием — он привстал и, распластавшись в прыжке, нырнул в шахту грузового лифта. Сзади полыхнул сдвоенный взрыв, но Семка уже благополучно падал внутри широкого, темного тоннеля, и выстрел робота не достиг своей цели. Кубарем скатившись на нижнюю палубу, мальчик бросился бежать. Запоздалый страх гнал его вперед и вперед, по узким коридорам и огромным, темным залам, пока Семка окончательно не потерял ощущение времени и расстояния.

Наконец он остановился, тяжело дыша, и, ухватившись за стену, чтобы не упасть, прислонился забралом шлема к переборке. Вибрации не ощущалось, и он немного успокоился:.. Напряжение схлынуло, ноги мальчика подкосились, и он, непроизвольно всхлипнув, едва не рухнул на пол. Взглянув на датчик кислорода, он понял, что должен возвращаться во что бы то ни стало, и почувствовал себя еще хуже. Он задохнется, если не доберется до дома…

Такие случаи уже бывали, тогда они с отцом приползали буквально на последних глотках кислорода. Но сейчас он остался совершенно один и не представлял, в какую сторону ему идти…

Единственный путь вел на поверхность сфероида. Только там Семка мог сориентироваться и определить направление движения.

Измотанный и подавленный, он добрался до верхнего слоя кораблей и осторожно выглянул из люка. Вокруг, на много километров вперед и в стороны, раскинулся хаос металлической равнины. Багровая туманность по-прежнему клубилась над близким горизонтом, расцвечивая броню кораблей опалесцирующими пятнами. Равнодушные звезды холодно взирали на стальной шар из бездны пространства, сплетая причудливые узоры созвездий. Семка вылез из люка и еще раз осмотрелся по сторонам. Незнакомые очертания изуродованных звездолетов подействовали на него угнетающе. Он понял, что окончательно заблудился…

Мальчик сел на выступ люка, прислонившись спиной к обшивке, и бессильно опустил руки.

Семка толком не знал названий чувствам.

Он боролся всю свою жизнь. Сначала это была борьба с одиночеством и скукой, со стенами маленькой комнаты и запертым люком. Но скука кончалась, люк в конечном итоге открывался, и на пороге неизменно появлялся отец. Он приносил с собой еду, запах пота от сползавшего с него, как шкура, гермокостюма, усталую улыбку и слова… Отец очень много говорил с ним, рассказывая удивительные истории о совершенно

невозможных местах. Сначала Семка думал, что он бывает там во время своего отсутствия, но потом, когда подрос и вместе с ним начал выходить наружу, понял, что рассказы отца не больше чем вымысел, — во время их блужданий по сфероиду он ни разу не встретил такой огромной, наполненной кислородом комнаты, по полу которой текла бы вода, называемая «рекой»…

Зато он научился иной борьбе. В неполные пять лет Семка узнал настоящую цену глотка воздуха и крупицы пищи. Он научился ходить во мраке залов, стрелять по любому движению, отыскивать склады, вскрывать двери с помощью своего бластера… Очень часто ему казалось, что они с отцом играют в простую игру с элементарными правилами: выстрелить первым, суметь отыскать склад, вовремя отреагировать на отблеск брони робота. Жизнь была простой и понятной. Он не чувствовал обездоленности, не понимая, что ведет жестокую, на пределе сил, борьбу за выживание, — он просто не представлял другой жизни, а сказки отца об иных мирах не находили никакого подтверждения в мрачных лабиринтах кладбища кораблей.

Семка еще ниже опустил голову, уткнувшись забралом шлема в согнутые локти. Одиночество и безысходность переполняли его душу, подкатывая к горлу жарким, соленым комом… Ему незачем больше бороться, все кончилось в тот момент, когда он пытался заставить отца заговорить, с ужасом заглядывая сквозь оплавленное стекло его шлема в побелевшее лицо…

«Сынок… — вынырнуло из глубин памяти другое воспоминание, от которого вновь что-то сжалось в груди, — запомни, здесь нельзя сдаваться. Каждая секунда — это борьба. — Он вдруг вспомнил, что рассмеялся от этих слов, а отец помрачнел, и в его глазах блеснула влага. — Как жаль, сынок, что для тебя это норма… — отвернувшись, прошептал он с непонятным Семену отчаянием. — Я не смог дать тебе иной судьбы…»

Багровая туманность уже коснулась своим краем линии горизонта, и эта часть сфероида стала быстро погружаться в чернильный мрак космической ночи. Холодные звезды еще четче проявили свой рисунок. Они не знали человеческих страстей. Им было все равно, когда здесь взрывались и гибли эскадры могучих кораблей, и так же безразличны они остались сейчас, когда обессиленный и измученный мальчик наконец поднялся и медленно побрел по искромсанной поверхности затерявшейся в глубинах космоса стальной планетки, созданной диким безумием его предков, которых он никогда не знал… как не знал и их войны…

Стрелка манометра на кислородном баллоне неумолимо клонилась к

нулю.

Он шел наугад, уже не делая попыток отыскать знакомые ориентиры. Окружающий ландшафт был однообразен и представлял собой сплошное нагромождение различных надстроек древних звездолетов. Изредка ему попадались проплешины голой, потемневшей брони или настоящие заросли антенн, среди которых прятались вогнутые чаши локаторов и покатые купола рубок управления.

Заметив в одной из них пробоину, Семка заглянул внутрь. Луч фонаря осветил несколько пультов, покрытый паутиной трещин частично обвалившийся обзорный экран и ряд кресел, в крайнем из которых вполоборота сидел законсервированный вакуумом труп в скафандре.

Сердце мальчика радостно дрогнуло. Он пролез в дыру и склонился к свесившейся из кресла фигуре.

Увы, оба баллона на трупе были пусты. Его гермошлем раскололся от удара о пульт, резервуары смялись, и весь кислород из них улетучился много лет назад, в момент катастрофы.

Семка вздохнул и повернул назад. Родившаяся было надежда угасла. Вид мертвого человека не разбудил в нем никаких эмоций — все составляющие сфероид корабли были забиты беспорядочно разбросанными телами, и мальчик, до гибели отца, никак не связывал их с понятием «жизнь» — для него они были лишь частью интерьеров, не больше…

Покинув рубку управления, он остановился у ее подножия, с усталым безразличием рассматривая подобранную около кресла импульсную винтовку. Счетчик зарядов застыл на отметке «5». Это было хорошее оружие, но слишком тяжелое и громоздкое для двенадцатилетнего мальчика. Семка повернулся, собираясь положить свою находку, и в этот момент сбоку по нему ударил залп трех вакуумных пулеметов.

Его спас выступ надстройки, который моментально снесло шквалом огня. Семка отпрянул под защиту купола, успев заметить уродливые очертания Планетарного Разведчика.

Он закричал. Зло, хрипло, совсем не по-детски. Любая мать сошла бы с ума, заглянув в тот момент за прозрачное забрало шлема, — такая мука была в перекошенных чертах детского лица…

Проснувшаяся ярость, помноженная на доведенный до рефлекторного уровня навык, сделала свое дело: ствол тяжелого импульсного оружия описал короткий полукруг и резко вздрогнул, выплюнув в робота пять кумулятивных зарядов — весь магазин.

Башни плазмотронов разнесло вдребезги, платформа покачнулась,

брызнув осколками брони, и тяжело рухнула среди хрупкого леса антенн, подминая под себя локационную систему древнего корабля. Два пулеметных гнезда смолкли, и лишь третье с механической размеренностью продолжало слать пулю за пулей в неподатливую броню рубки управления.

— Фрайг!.. — сквозь зубы выругался мальчик, поднимая MG. Останки Разведчика потонули в беззвучной голубой вспышке.

Семка развернулся и зашагал прочь. Скоротечная схватка заставила его собраться, и депрессия отступила. Он должен бороться!.. Взгляд, брошенный на манометр, заставил ускорить шаг — запаса воздушной смеси хватит часа на два, и за это время он должен отыскать полный резервуар. Дойдя до ближайшего люка, он в последний раз взглянул на льдистые россыпи звезд и с отчаянной решимостью полез вниз.

Этот корабль принес ему неожиданный и неприятный сюрприз. Склады, которые он нашел, оказались пусты. Здесь явно кто-то побывал задолго до его появления — все ценное было вынесено со скрупулезной тщательностью, оставался лишь никому не нужный хлам. Единственное, что он нашел, — это взорвавшаяся банка консервов, которая, попав в вакуум, не выдержала давления заключенного в ней воздуха. По стенкам жестянки размазались остатки содержимого, и потому мальчик сунул ее в карман.

Пустые склады наполнили его тревожным предчувствием.

Он знал, что роботы никогда не разоряли грузовых отсеков — их интересовали лишь энергоблоки. Правда, отец постоянно твердил, что где-то обязательно должны уцелеть еще какие-то люди, но Семку это не интересовало. Он попросту не понимал стремлений отца. Во-первых, им было хорошо вдвоем, а во-вторых, мальчик не верил в существование «других людей»… Однако отец так и не оставил своей идеи: иногда, в припадках странной грусти, он уходил на поиски, но всегда возвращался ни с чем…

…К исходу второго часа он осмотрел три корабля и перебрался в четвертый. Еще через некоторое время мальчик неожиданно вышел в огромный, абсолютно пустой, как показалось, зал и в этот момент почувствовал первые признаки удушья. Он понял, что наступает конец, и отчаяние, так долго сдерживаемое в глубинах сознания, наконец вырвалось на волю… Семка остановился, сделав панический вдох, со страхом ожидая, что тот будет последним… Перед глазами замельтешили разноцветные пятна, и предметы вокруг начали терять свои очертания…

Он пошатнулся, но устоял на ногах. «Здесь что-то не так», — со

слабой надеждой подумал он, осматривая пустое пространство, но сделать шаг вперед, оказалось выше его сил. Он уже испытал первый спазм удушья, и ужас сковывал руки и ноги — Семка стоял, парализованный мыслью о том, что сейчас задохнется… Все тело сотрясала крупная дрожь: он хотел жить, и его легкие отчаянно требовали воздуха!..

Он провел непослушным, шершавым языком по пересохшим губам. Сквозь выпуклое стекло шлема он видел лишь враждебную, вязкую тьму, в которой маячило несколько более светлых пятен. Или это ему кажется? Семка выпустил воздух из груди и осторожно вздохнул. Мундштук кислородного аппарата послушно выдал очередную порцию смеси, хотя на датчике уже горел красный сигнал.

Он сделал неуверенный шаг в сторону пятен и внезапно заметил, что все помещение носит следы жестокой схватки: дальнюю стену и часть пола покрывали язвы застывших ожогов, а серые пятна оказались изувеченными корпусами боевых машин. Семка не знал, что принесет ему это открытие, пока случайно не наткнулся на бледное пятно света. Он присмотрелся, и вдруг до помутившегося сознания мальчика дошло, что он уже несколько секунд стоит и смотрит на стену, где рядом с полураспахнутым люком тускло светилась неровная, фосфоресцирующая надпись:

«Граница герметизированных помещений».

Герметизированных!.. Это слово Семка знал очень хорошо, и сейчас оно показалось ему чудом. Судорожно вздохнув, он побежал.

За люком не было воздуха, там оказался расстрелянный тамбур, который занимал развороченный корпус робота и два начисто сожженных человеческих тела: Семка не мог поверить, что надежда оказалась напрасной. Преодолев препятствие, он бросился дальше, уже потеряв контроль над своими действиями. Пробежав целую анфиладу полуразрушенных залов со следами жестокой борьбы людей и машин, он внезапно оказался в тупике коридора…

Глава 5

Живительный воздух тягуче и сладко вливался в располосованную спазматической резью грудь.

Семка открыл глаза. Шлюзовая камера была полна дыхательной смесью, внутренний люк распахнут, и за ним виднелся фрагмент ярко освещенного коридора. Последним воспоминанием, которое сохранила память, было удивление, когда тупик превратился в открывшийся люк. Еще он помнил спазм удушья и собственные пальцы, рвущие замки шлема, как только наружный люк встал на место…

Некоторое время он просто лежал на полу, с наслаждением вдыхая сладковатый от обилия кислорода воздух. Силы постепенно возвращались к нему, а вместе с ними пришло беспокойство, которое через минуту уже стало невыносимым. Несколько раз всхлипнув, он заставил себя встать и, подобрав оружие, шагнул в ослепительное сияние ярко освещенного коридора.

Проход оказался коротким, всего несколько метров. Его стены и потолок, образующие арочный свод, мягко сияли. В противоположном конце Семка увидел еще один распахнутый люк.

Крадучись подойдя к нему, мальчик, изнывая от тревоги, заглянул в следующее помещение.

Его самые худшие предположения оказались верны… Он отпрянул от люка, но идти было некуда! Кислородный баллон пуст, и, чтобы выбраться отсюда, он сначала должен найти ему замену… Набравшись решимости, Семка вновь заглянул за край люка.

Коридор продолжался, рассекая огромную комнату на две половины, но его стены стали прозрачны, и сквозь них были отчетливо видны машины!.. Они работали. По блокам электронной аппаратуры метались замысловатые сполохи сигналов, тускло светила пара экранов, механические части с монотонной размеренностью совершали наборы одних и тех же движений.

Семка, сжав в побелевших пальцах мокрую от пота рукоять «MG», шагнул в проем люка и остановился, скованный мистическим ужасом, — пройдя всего несколько метров, он оказался один на один с огромным количеством работающих машин, которые с самого рождения были для него синонимом слова «смерть»…

Чудом удержавшись от выстрела — затронуть такую громадину было

бы безумием! — он рванулся вперед, вихрем пролетел по коридору и выскочил в следующее помещение.

Здесь было так же светло и тихо. Чистый воздух струился из неведомых источников, и разгоряченное лицо ощущало его прохладные токи. Вдоль стен прямоугольного зала стояли высокие стеллажи с ровными рядами книг и кассет микрофильмов. Посредине возвышался странный аппарат с несколькими экранами на консоли управления и двумя креслами. Быстро проскользнув мимо неподвижной машины, Семка замер на пороге следующего зала, чувствуя, что находится на грани нервного срыва. Он впервые в жизни попал в такое жуткое и непонятное место…

Следующее помещение резко отличалось от двух предыдущих. Ему еще не приходилось видеть такого упорядоченного скопления вещей: стол, мягкие кресла, длинный диван, высокие шкафы с прозрачными створками — все это не казалось здесь лишним, наоборот, делало комнату теплой и уютной… Но это чувство лишь на мгновение мелькнуло в душе и тут же умерло, раздавленное защитными рефлексами, — Семка по-прежнему чувствовал себя комком воспаленных нервов, и его разум был лишь придатком зажатого в руке оружия.

Пока он обводил взглядом стены, на которых висело несколько странных изображений в темных рамках, в центре комнаты возникло движение.

Он резко повернулся, подавшись назад и вскинув «MG» на уровень груди, но палец так и застыл на гашетке, чуть не дослав ее в положение «огонь».

У низкого дивана стояло удивительное существо, сотканное из света, улыбки и испуга. Семену хватило одного взгляда, чтобы понять, — перед ним «человек»!

Это открытие потрясло мальчика до глубины души. Он оцепенело рассматривал маленькую фигурку, рассыпанные по плечам белокурые пряди волос и голубые, испуганные глаза… Тонкий нос с трепещущими ноздрями и кривящийся в беспомощной улыбке рот совсем не портили этого лица. Она смотрела в черный зрачок ствола и молчала, оцепенев так же, как и он…

— Ты кто?! — наконец раздался в вязкой тишине комнаты осипший от волнения голос.

— Семка… — секунду помедлив, так же хрипло и неуверенно ответил он.

Оба — и он, и она еще не оправились от паралича и могли только разглядывать друг друга — Семка со смертельной настороженностью в

глазах, она — со страхом и безмерным удивлением.

— А меня зовут Яна… — она сделала неуверенный шаг навстречу и вдруг протянула маленькую руку с бледными, дрожащими пальчиками.

Сердце мальчика мучительно сжалось. Он слишком хорошо знал этот жест, которым обычно встречал отца. Принять его — значило открыться, стать безоружным и беспомощным. Но перед ним человек!.. Лицо Яны не было ни злым, ни опасным. Одного с ним роста, она стояла совершенно открыто и протягивала руку.

Ствол бластера медленно опустился. Неловко стащив перчатку, Семка осторожно коснулся ее руки. Яна вздрогнула и сжала его ладонь.

Хаос стальных лабиринтов дал трещину. В этом мире существовал еще один человек, и Семка чувствовал тепло его руки…

Яна не двигалась, она лишь нерешительно подняла глаза и вдруг, заметив перемену, спросила:

— Что с тобой?! Почему ты плачешь?

Если бы он мог ответить на этот вопрос… Семка был всего лишь двенадцатилетним мальчиком, лишившимся отца и заблудившимся среди руин древних звездолетов… Где-то должен был наступить предел его выносливости, и он наступил, ноги мальчика подкосились, и слезы, горячие и горькие, хлынули по щекам. Яна испуганно отпустила его руку, а он не мог остановиться, сотрясаясь от рыданий. Он наконец понял, сколько времени провел без сна, без еды и что значило для него почувствовать простое тепло человеческого тела, с которым он простился навсегда… Слезы обжигали лицо, но он не стеснялся их, а чувствовал невероятное облегчение, безоговорочно поверив в реальность существования Яны…

Теплая ладонь осторожно коснулась его щеки. Семка открыл глаза, и она отдернула руку, не решаясь прикоснуться или задать еще один вопрос. Что-то в ее облике насторожило Семку.

— Почему у тебя нет оружия?! — внезапно спросил он.

— Оружия? — переспросила Яна, и по ее губам скользнула удивленная улыбка. — А зачем? Ты разве не знаешь, что женщины не носят оружия?

На мгновение Семке показалось, что он ослышался.

— Женщина?! — Его глаза сверкнули безумной радостью. — Значит, ты моя мама?!

Яна опешила. Наконец, видимо разобравшись в смысле его слов, она отрицательно тряхнула головой и сказала:

— Нет, я не могу быть твоей мамой. Я женщина… то есть — девочка, но ты наверняка старше меня! Сколько тебе лет?

— Двенадцать… — машинально ответил он, не в силах бороться с разочарованием. Отец всегда говорил, что его мама была женщиной!..

Он поднял глаза и спросил:

— Разве, кроме мамы, могут быть еще какие-то женщины?

— Не знаю… — растерянно ответила Яна. Для нее слово «родители» не имело никакого практического смысла, а появление Семки поставило в тупик одиннадцатилетнюю девочку, которая уже давно пришла к самостоятельному выводу о том, что люди существуют только в книгах и на кристаллах видеотеки, хотя Андор не соглашался с ней, рассказывая о ста двадцати колонизированных человечеством мирах.

— А ты видел когда-нибудь людей? — вырвалось у нее.

Осунувшееся лицо мальчика исказила тень страдания.

— У меня был отец… — тихо произнес он.

Яна почувствовала острый укол жалости и поняла, что причинила ему боль, хотя никто не учил девочку распознавать подобные вещи. Преодолев страх, она присела рядом с ним.

— Ты хочешь есть? — спросила она первое, что пришло в голову.

— Что? — Семка еще не справился с потрясением и не расслышал вопроса, думая об отце.

— Ты хочешь… есть? — сглотнув, повторила Яна.

Семка увидел ее испуг и молча полез в карман. Достав взорванную банку консервов — свою единственную пищу на этот момент, он протянул ее Яне:

— Вот, возьми…

Она осторожно взяла изуродованную жестянку, на стенках которой еще оставалось немного бурой массы, повертела в руках растерянно понюхала и скривилась, не в силах скрыть удивления.

— Ты это ешь?! — Казалось, она была потрясена и готова расплакаться или рассмеяться.

Семка взглянул на нее и хмуро кивнул. Он не видел тут ничего смешного или странного.

Она попыталась улыбнуться и сказала:

— Пойдем, я что-нибудь приготовлю.

Он не стал возражать. Спазмы голода уже притупились и не так назойливо терзали его желудок, но от разговора о еде он почувствовал слабость.

Яна взяла его за руку и повела к выходу. Все внимание Семки вдруг сосредоточилось на теплой и чуть влажной ладони девочки. Он никогда не думал, что это так приятно — чувствовать жизнь…

Короткий коридор привел их к площадке, в стенах которой он насчитал пять плотно закрытых люков. Над головой тихо шуршал регенератор воздуха, выбрасывая в потолок прохладную, живительную струю.

Помещение, куда они вошли, было меньше всех других, но все же намного просторнее его комнатки. Здесь могло свободно разместиться человек пять…

Семка сел в удобное кресло за овальным столом и с любопытством осмотрелся. Помимо знакомого ему ядерного термостата, он заметил множество других устройств, которые оставались для него загадкой. Расстегнув гермокостюм, который бесформенной грудой ополз на пол, Семка наблюдал за девочкой, которая возилась с блестящей машиной. Два цилиндра соединялись посредством множества шлангов с силовым генератором и прозрачной сферой, на основании которой он прочел: «Приемная камера синтезатора продуктов. Работать только при закрытой оболочке!»

Наконец машина утробно заурчала. Семка испытал беспокойство, когда на консоли управления вспыхнули огни, но Яна не обратила на это никакого внимания. Она нажимала какие-то кнопки, ставила тарелки, что-то резала, украдкой поглядывая в его сторону, пока у него не закружилась голова от обилия всевозможной еды и необыкновенных запахов, наполнивших помещение.

Сев за стол, Яна взяла вилку, но, пока Семка пытался насытиться, она едва прикоснулась к своей тарелке. Ее глаза не могли оторваться от осунувшегося лица мальчика. Он был выше и явно сильнее. Его кожа имела странный бронзовый оттенок. Яна не знала, что это обыкновенный космический загар…

— Откуда ты? — невольно вырвалось у нее.

Рука Семки застыла в воздухе. «Откуда ты…» Он внезапно понял, что не может ответить.

Яна откинула золотистую прядь волос, упавшую на глаза, и сказала:

— Ты вошел через главный шлюз. Но я не знаю, что за ним. Я никогда не выходила отсюда.

Семка едва не выронил вилку.

— Ты знаешь… Я не могу… — Яна с трудом подбирала слова. — Я рада… что ты пришел. — По ее щекам вдруг потекли слезы, но она улыбалась.

Счастливые часов не наблюдают… Ни он, ни она не могли дать названия тому, что творилось внутри. Время остановилось. Они упивались

самой возможностью говорить, видеть друг друга — это было непередаваемое счастье после безмерного одиночества, хотя девочка не знала и сотой доли тех бед, которые составляли его жизнь. Они говорили, порой едва понимая друг друга, как будто два существа с разных миров.

В другое время это заставило бы Семку задуматься, но сейчас он чувствовал, как жестокий мир стального шара превращается в нечто далекое и нереальное…

Яна встала и начала убирать тарелки, когда за спиной мальчика раздался шелест отодвигаемого люка.

Это было словно удар электрического тока. Семка вскочил, молниеносно развернувшись, и замер. В его глазах застыл ледяной ужас смерти.

В дверях стоял робот!..

Он был до дрожи похож на человека, но сходство не могло обмануть мальчика — это была машина! Его рука рванулась к поясу, но пальцы впустую схватили воздух — бластер остался в комнате… Тысячи мыслей пронеслись в его сознании и ушли, как вода в песок, оставив одну:

«Попался… Оружия нет… забыл… Смерть… Убить… Убить!»

— Доброе утро, Андор! — вплелся в его растерзанные мысли голос Яны. Она спокойно продолжала убирать посуду.

— Доброе утро, Яна, — ответил робот низким, приятным голосом, и при этом его стальные губы очень правдоподобно шевельнулись. Он повернулся к мальчику: — Доброе утро, сэр! Позвольте узнать, как вас зо…

В этот момент Семка ударил.

Он прыгнул, и его ноги впечатались в лицо-маску, опрокинув машину на пол. Одна рука врезалась в стальную грудь, до остервенелой боли в костяшках пальцев, вторая охватила то, что было у робота горлом, и застыла в вечном удушающем захвате.

— Беги!!! — неистово закричал он, надеясь, что Яна поймет его и успеет ускользнуть, пока он держит робота прижатым к полу.

Девочка не шелохнулась. На ее лице мгновенный испуг сменился безграничным удивлением.

— Что ты делаешь?! — в замешательстве воскликнула она. — Отпусти Андора, сейчас же!

Робот под ним несколько раз слабо дернулся, как будто проверяя прочность сжимавшего его тела, и вдруг рывком встал.

Семку отбросило в угол, но так расчетливо и аккуратно, что он даже не ушибся. Он в ужасе зажмурился, пытаясь слиться со стеной в безотчетном ожидании смерти.

— Сэр, могу я узнать, чем вызвано ваше недовольство? — вместо выстрела пророкотал над ухом тот же голос.

Мальчик заставил себя открыть глаза. Робот стоял перед ним, опустившись на колени.

— Вы не ушиблись? — осведомился он.

Сзади раздался всхлип. У Яны сдали нервы…

Семка смотрел на коленопреклоненного робота и не верил ни одному своему чувству. Вселенная рухнула. Он только что ударил робота, но тот в ответ не убил его!.. Подобное несоответствие попросту не укладывалось в Семкиной голове — оно было чуть выше понимания мальчика, научившегося ходить и стрелять практически одновременно.

— Семка! — ломкий от напряжения голос Яны рвало участившееся дыхание. — Поверь, Андор не сделает тебе ничего плохого! — Она подошла к роботу и взяла его за руку. — Смотри, он не страшный! Андор — мой учитель! Он кормил меня, когда я была совсем маленькой! Он рассказывал мне про людей… — Она не выдержала и расплакалась.

Семка очень хотел поверить ей, но он не мог ничего поделать со своими чувствами! Стоящий перед ним на коленях робот оставался для него роботом, и от такого соседства его сердце сжимал мучительный холод.

Взгляд мальчика скользнул по хромированному корпусу Андора, но не нашел никаких следов оружия. «Похоже, Яна говорит правду!..» — растерянно подумал он. Робот без оружия! Такое дикое несоответствие с его жизненным опытом окончательно смешало все его мысли. Это было так нелепо, что он едва не рассмеялся.

— Я никогда не смогу причинить вреда человеку, — нарушил тишину ровный голос машины. — Даже если вы, сэр, прикажете мне.

Андор поднялся с колен и демонстративно отошел в сторону.

Семке казалось, что он сойдет с ума. Он ни на секунду не выпускал андроида из поля зрения. Его била нервная дрожь, и в душе царил настоящий ад.

— Что это за слово, «сэр»? — спросил он, вставая с пола, чтобы нарушить тягостную тишину.

— Это вежливая форма обращения к мужской половине человеческого рода, — спокойно пояснил Андор. — К женщине обращаются «леди».

Острая жалость шевельнулась в груди Семки. Ну почему?.. Зачем он должен был появиться и встать между ними?..

— Я ухожу, — отрезал он, подбирая скафандр.

— Почему?! — жалобно вскрикнула Яна, дернувшись, словно ее ударили. — Ты не веришь мне?..

— Не знаю…

Он повернулся и вышел.

Вернувшись в центральное помещение, он схватил «MG», и его пальцы до боли впились в холодный пластик гашетки.

В комнату вошла Яна.

— У меня кончился кислород, — хмуро сказал Семен, стараясь не смотреть на появившегося в дверях робота. Каким-то образом эта машина была дорога Яне, и теперь, когда в его руках оказалось оружие, он боялся еще больше расстроить ее, пристрелив андроида.

— Пойдем… — тихо позвала Яна.

Из тамбура вело еще четыре двери, и девочка открыла одну из них, за которой виднелись высокие стеллажи, уставленные запечатанными контейнерами. Семка вошел следом за ней и остолбенел.

Это была сокровищница…

Взгляд мальчика завороженно скользил по аккуратным шеренгам рассортированных по размерам скафандров. Унифицированная модель, состоявшая на вооружении солдат с Земли. До сих пор ему приходилось лишь слышать о них от отца…

— Работают? — с дрожью в голосе спросил он.

Брови Яны удивленно взметнулись. Она не могла понять его чувств. Девочке не доводилось бороться, она ни разу не задыхалась, не слепла из-за заклинивших светофильтров, не латала скафандр, не замерзала насмерть из-за отказавшего термостата…

— Конечно, тут все исправно, — ответила она. Яна никогда не заходила в склад, здесь хозяйничал Андор, но девочка была уверена в своем роботе. — Ты можешь брать все, что тебе понадобится, — добавила она, исподволь наблюдая за Семкой.

Он не смог удержаться от соблазна. Хотя какой соблазн? Его скафандр давно трещал по швам, они с отцом так долго искали подходящий размер, но так и не успели… Сколько раз Андрей мечтал добыть сыну такой костюм, снабженный преобразователем!.. Семка не знал об этом, но помнил, как отец терпеливо и настойчиво рассказывал о принципе работы этого прибора, описывал экипировку… Теперь мальчик уверенно взял в руки удивительно легкий и прочный скафандр, почувствовав, что знает его весь, до последнего проводка и индикатора… Отец продолжал помогать ему, даже после смерти.

Яна смотрела, не понимая, почему он вдруг застыл, словно его душа покинула склад и была где-то далеко… Он вздрогнул, отогнав видение, и повернулся. На лице Семки читалась мука.

— Почему?.. — запинаясь спросила она. — Зачем ты уходишь?

Семка вздохнул и стал угрюмо натягивать скафандр. Пристегнув оружейный пояс, он сунул в него «MG» и шевельнул плечами, не чувствуя привычного веса кислородного баллона. Палец нашел кнопку преобразователя. Секунда — и его легкие наполнила дыхательная смесь, которую прибор вырабатывал из заряженных в обоймы сухих таблеток. Одного умещавшегося в ладони столбика хватало на сутки дыхания…

Раньше Семка не удалялся от дома дальше двух-трех километров, за исключением экстренных случаев. Единственного баллона, который подключался к его легкому скафандру, хватало всего на семь часов. Теперь же ему был открыт весь мир!..

— Спасибо.

Сердце Семки рвалось на части.

Яна не выдержала и вновь разрыдалась.

— Почему?.. — упрямо повторила она сквозь слезы.

Он не мог выразить словами своих чувств. Он и сам не понимал того, что гнездилось в голове и груди. Он просто знал, что должен уйти из места, где обитает машина. В какой-то момент он решил остаться, но сердце сжал такой холод, что он едва не вскрикнул.

Двенадцать лет жизни среди вакуума и не утихающей битвы кибернетических систем. Взрослые, выросшие на планетах, сходили с ума. Он вырос тут. Он был частью этого уродливого, невозможного мира, и с первыми проблесками сознания усвоил страшные правила игры. Теперь он хотел, но не мог их нарушить. Чтобы взглянуть на ситуацию с «нормальной» точки зрения и осознать ее, поверить Яне, ой должен был сойти с ума. И забыть об отце.

Внезапно он вздохнул, словно нашел выход, и, схватив еще один скафандр, протянул его девочке.

Она испугалась, но быстро взяла себя в руки.

Дрожащие пальцы Яны сразу же запутались в замках и застежках. Семка помог ей одеться, тщательно проверил работу систем жизнеобеспечения и сам закрыл ее шлем.

— Пойдем, — проговорил он в коммуникатор, взяв ее за руку.

Яна кивнула, не в силах говорить. Возможно, впервые в жизни ей было по-настоящему страшно.

В дверях отсека появился Андор. Он молча наблюдал за приготовлениями, пока Семка сгружал в ранец обоймы с кислородными таблетками и компактные заряженные энергоблоки.

— До свидания, сэр, — спокойно проговорил Андор, когда они

направились к шлюзовой камере. — Яна, ты вернешься?

— Конечно, Андор… — ответила она, хотя в тот момент сама не очень-то верила этим словам.

Они миновали шлюз.

Яна действительно никогда не покидала защищенных апартаментов. Семка видел, как лицо девочки побледнело, едва они ступили во мрак и пошли сквозь анфиладу разрушенных залов.

Дыхание Яны стало частым и прерывистым. Ее била дрожь, чувствовалось это через толстый материал перчаток.

Фонари их гермошлемов резали тьму, выхватывая из нее холодящие душу подробности бушевавшей здесь схватки между людьми и боевыми машинами.

Наконец впереди показался тамбур, возле которого задыхавшийся Семка увидел спасшую его фосфоресцирующую надпись. Она была нанесена и с внутренней стороны, но тут буквы светились красным, словно предрекая смерть всякому, кто перешагнет порог овального люка.

«Граница герметизированных помещений»

Семка подозревал, что поступает жестоко, но он не знал другого способа рассказать ей о своих чувствах.

Он завел девочку в тамбур. Яркий свет двух фонарей вырвал из мрака жуткое содержимое тесной кабинки.

— Вот… — хрипло проговорил Семка, когда она сдавленно вскрикнула, увидев два обугленных тела. — Так случилось с моим отцом!.. — едва сдерживая душившую его ненависть, выдавил он. — И они тысячи раз пытались сделать такое со мной!..

* * *

Обратный путь оказался долог.

Впервые в жизни он не спешил домой. Не верилось, что несколько часов назад он задыхался, а теперь мог вообще не беспокоиться о кислороде. Ничто не ограничивало его. Стоило коснуться языком кнопки, расположенной внутри гермошлема, и патрубок послушно выдавал порцию воды или пищевую таблетку…

И все же на душе Семки скребли кошки.

Еще вчера подобный скафандр был пределом его мечтаний. Тогда почему он не чувствовал себя счастливым?..

Сотни новых вопросов терзали его разум. Мир вокруг неуловимо менялся, привычные концепции бытия дали трещину и теперь медленно разрушались под напором повзрослевшего разума.

Только он еще не осознавал этого…

Сказки отца о людях внезапно обернулись реальностью.

Откуда взялась Яна? Кто те люди, что погибли, защищая ее убежище? Кто такой Андор и как вообще может существовать робот, не пытавшийся убить его? Быть может, он неисправен?

Семка медленно брел в мрачных недрах изуродованных кораблей своих предков и впервые пытался постичь окружающий его мир кладбища звездолетов…

Коридор изогнулся.

Семка прошел поворот и оказался перед разрушенной дверью. Массивная плита, сорванная с направляющих в момент гибели корабля, пролетела несколько метров и косо вонзилась в стену коридора, у самого потолка, так и оставшись торчать в ней. Выше и ниже плиты змеилась широкая трещина. По ее краям, полузатянутый внутрь, располагался разный хлам: несколько кресел, какие-то тряпки, дискеты, бумаги, части приборов и оружия…

Подойдя ближе, он заметил среди других предметов впечатанное в трещину человеческое тело в разодранной полетной униформе. Остекленевшие глаза хранили предсмертную муку…

Семка непроизвольно попятился, внезапно подумав, что где-то точно так же плавает в вакууме труп отца.

И вдруг… он с леденящей ясностью понял — все наполняющие сфероид мертвые тела были когда-то живыми!..

Это потрясло его до глубины души.

Сознание мальчика не могло охватить всей чудовищности окружающей его реальности, но и того понимания, что забрезжило перед ним, хватило с избытком.

Он долго и бесцельно брел по запутанным переходам, машинально перепрыгивая из одной пробоины в другую. Привычный и понятный мир стального лабиринта внезапно изменился, словно с него содрали личину обыденности. Почему он раньше не задумывался над этим?.. Семка чувствовал, как что-то новое, страшное и непонятное вторгается в его жизнь, сделав ее еще более неуютной, сложной и одинокой, словно ему было мало иных бед…

Он должен будет повзрослеть, чтобы понять — именно в тот момент, после смерти отца, встречи с Яной и Андором, его разум заработал внезапно и болезненно, цепко выхватывая из памяти все, что так старательно пытался внушить ему Андрей и что в конце концов поможет ему сложить хрупкую и страшную мозаику понимания окружающего его

мира…

…Три последующих дня прошли в заботах. Семка добрался домой. Он долго отсыпался в своей каморке, потом сделал несколько вылазок до ближайших складов, чтобы пополнить запасы пищи и воды, но из его действий ушел обычный азарт борьбы.

Он не мог понять своего состояния и злился.

Несколько раз, бросив все, он поднимался на поверхность сфероида и подолгу сидел, глядя на кровавую туманность, вздыбленные контуры боевых кораблей и далекие искорки звезд.

Сердце Семки глодала тоска, ведь он знал, что где-то рядом есть еще одна жизнь. Даже мысль об Андоре уже не так тревожила мальчика.

«Я убью его», — подумал Семен, решив таким образом проблему робота.

Наконец, к исходу третьего дня, он не выдержал и пошел.

Глава 6

— …Семка! Сема!.. Как я рада, что ты вернулся!..

Яна налетела на него как вихрь, бросилась на шею, и копна ее шелковистых волос накрыла гермошлем мальчика золотым дождем.

Он на секунду растерялся, но искренняя радость мгновенно сломала хрупкий лед настороженности. Семка откинул забрало шлема. Люк за его спиной автоматически стал на место.

Глаза Яны сияли.

— Мы с Андором так волновались… — призналась она.

Мышцы мальчика напряглись. Правая рука машинально легла на рукоять «MG».

— Где он?

Яна невольно проследила взглядом за его рукой, и в глазах девочки мелькнул страх.

— Не знаю. Он ушел и не сказал, когда вернется.

Пальцы Семки соскользнули с рукоятки оружия. Какая разница? Он больше не даст застать себя врасплох, и в его сознании участь андроида была предрешена. Сейчас ему не хотелось думать о роботе, радость Яны переполняла его пьянящим и незнакомым ощущением счастья. Это было новое, приятное и странное чувство, нечто более сильное, чем глоток кислорода или удачный выстрел…

— Ты больше не уйдешь? — с плохо скрытой тревогой спросила Яна.

— Нет, — мотнул головой Семка. — Я насовсем.

Он снял гермошлем и вслед за Яной прошел в центральный салон. На столе у распахнутого шкафа лежала открытая на середине книга. Рядом стоял бокал с розовой жидкостью. Яна села на диван.

— Я так боялась… — сказала она, наблюдая, как Семка расстегивает крепления скафандра. — Андор говорил, что ты обязательно вернешься, но я не верила ему…

Семка нахмурился. Мысль о роботе становилась навязчивой, как зубная боль.

Несколько секунд они молчали, не в силах справиться с обуревавшими обоих чувствами и не зная, что сказать друг другу. Оба были слишком взрослыми для своих лет. Их повседневные проблемы раздавили бы своим грузом любого десяти-двенадцатилетнего ребенка. Но подсознательно они оставались детьми. Их мир был прост до абсурда и в то

же время — мучительно сложен. Им были незнакомы увертки взрослых людей — они не умели лгать, их сознание не было замусорено теми комплексами и условностями, что веками вырабатывала цивилизация…

Они могли говорить только то, что чувствовали… и это делало души ранимыми, как оголенный нерв. Жизнь обоих дала трещину, привычный мир рушился, чтобы восстать синтезом двух душ, слиянием двух опытов и двух личностей…

Яна смотрела, как Семка складывает скафандр. Он вторгся в ее жизнь, которая протекала среди нереальной смеси образов, взятых из фильмов и книг. Он разрушил ее мир, показал пустоту и мрак, что царил за такими хрупкими и ненадежными стенами ее жилища.

Ей было страшно до слез. Она сама не помнила, как вернулась тогда домой, но тишина и пустота после исчезновения Семки оглушили ее…

Он тоже пережил нечто подобное. Мальчик не мог ответить на вопрос, почему его тянуло сюда как магнитом, и вот сейчас эта напряженная тишина больно била по обоим…

Они были слишком чисты, наивны, мудры… и жестоки — два кусочка живой протоплазмы, затерявшиеся в необозримом мраке Вселенной, среди пустоты, холода и смертельного хаоса металла…

Слабая улыбка тронула губы Семки. Черты его лица вдруг разгладились, он хотел что-то сказать, но Яна, заметив перемену, не смогла сдержать клокотавших где-то у сердца чувств. Радость, облегчение, непонятная горечь и уж совсем странная для десятилетней девочки нежность — все выхлестнулось наружу одним порывом — она вдруг подбежала к нему и, обхватив руками шею Семки, прильнула, сотрясаясь от рыданий.

Он испугался и чуть отстранился, взглянув в ее лицо.

Яна счастливо улыбалась, а по щекам текли слезы.

* * *

Утром, еще до того, как в отсеках, сменяя тусклое ночное освещение, начали разгораться плафоны дневного света, она проснулась. Некоторое время Яна лежала, веря и не веря в то, что случилось вчера.

Потом она почувствовала беспокойство. Андор ушел, и его нет уже два дня. Ее наставник и раньше надолго покидал защищенные апартаменты, но Яна не беспокоилась за него, ведь она не знала, что находится там, за главным шлюзом. Вернее, она знала это теоретически, но одно дело слышать, а другое — увидеть собственными глазами.

Она вздохнула и встала. Заглянув в соседнюю комнату, она несколько

минут стояла в полной темноте, прислушиваясь к прерывистому дыханию Семки. Потом пошла на кухню и стала готовить завтрак. Впервые в жизни Яна не знала, даже не могла предположить, что сулит ей наступающий день. А вдруг Семка снова заставит ее надеть скафандр и перешагнуть порог главного шлюза? Ей было страшно… Сотни прочитанных книг настойчиво стучались в ее сознание. То, что раньше было вымыслом, декорациями, медленно, но неумолимо обретало реальные черты. Есть другие люди. Есть огромные шары, называемые планетами. Она не единственная в своем роде, ее комнаты не центр Вселенной…

И тут же ее мысли перескочили на Андора. Где он? Она искренне беспокоилась за своего учителя.

А родители? Семка говорил, что у него был отец, которого убили боевые машины. Где же тогда ее папа и мама?

И вдруг…

Яна едва не упала. Ее ноги ослабли от чудовищной мысли. Папу Семки убили роботы… А если и ее родителей тоже? Чьи обгоревшие тела он показывал ей в изуродованном тамбуре?..

Мир сфероида вторгался в ее сознание.

…После завтрака Яна затащила Семку в библиотеку. Он пошел неохотно. Андор не появлялся, но в этих комнатах было достаточно других машин, которые внушали ему опасения, в том числе и тот неподвижный аппарат, что стоял в библиотеке.

Яна искренне смеялась, не понимая, как можно бояться универсального библиотечного процессора.

Они были как две половинки одного громадного сознания. Половина Семки вмещала в себя весь практический опыт выживания в нечеловеческих условиях сфероида. Его разум хранил лишь те знания, что удалось почерпнуть в процессе борьбы. Яна же знала очень многое, она была буквально переполнена различной информацией, но погибла бы, едва покинув эти стены.

Яна подошла к компьютеру, который занимал весь центр комнаты. На его консолях весело перемигивались огни, но четыре монитора против четырех кресел оставались темны. Семка с опаской обошел аппарат, на всякий случай положив руку на рукоять оружия, но Яна спокойно открыла центральную панель и достала из ниши тонкий пластиковый обруч, от которого к машине тянулись провода.

— Надень это, — попросила она. — И сядь в кресло.

— Зачем? — напрягся Семка.

Яна улыбнулась. На ее щеках появились ямочки.

— Не бойся. Я хочу показать тебе людей. Я учусь с помощью этого обруча.

После секундного колебания мальчик послушался. Ему не хотелось огорчать Яну отказом. К тому же он постоянно держал правую руку на «MG», так что этой машине лучше не пробовать оживать или выдвигать какое-нибудь оружие…

— Закрой глаза, — посоветовала Яна, опускаясь в кресло напротив. Она еще не понимала, что совершает переворот в его жизни, откуда же ей было знать, какими способностями обладает привычный для нее процессор…

Семка надел обруч и прикрыл глаза. Что-то едва ощутимо кольнуло в виски.

Он не видел, как осветился центральный монитор и на нем, сменяя друг друга, пробежали непонятные сообщения. Яна и сама впервые видела такое:

«Тест потенциального интеллекта — 170 баллов».

«Тест реальной информированности — 28,1 баллам».

«Личность протестирована. Антистрессовый показатель — 127 единиц».

«Активирована программа автоматического обучения».

В этот момент что-то острое кольнуло Семку в руку, он хотел вскочить, но почувствовал, как по телу разливается приятная слабость. И в тот же миг в его голове вдруг зазвучал мягкий женский голос:

— Расслабьтесь. Не открывайте глаза. Сейчас вы прослушаете краткий курс истории Галактики. Информация будет записана непосредственно в вашу память…

Последующее он помнил смутно. Семка чувствовал, что абсолютно утратил волю.

Яна не удивилась, заметив, что он впал в транс. Она лишь расстроилась, что некоторое время не сможет разговаривать с ним. Девочка сама уже не раз проходила через подобное и потому не волновалась.

Первичное обучение длилось четверо суток. Семка ел, спал, почти не осознавая этого, и вновь возвращался в кресло, которое на самом деле было очень сложным аппаратом медицинской диагностики и жизнеобеспечения.

Тонкая автоматика обучающего комплекса не могла сделать его гением. Определив потенциальные возможности его мозга, процессор машины попросту перекачал в него определенный объем знаний, как общеобразовательных, так и специализированных. Машина не преследовала никакой цели, она была похожа на волну, накатившую на

пустынный пляж, где, полузарывшись в песок, лежал пустой сосуд… она наполнила его до краев и отхлынула, безразличная к тому, что станет теперь с содержимым и самим сосудом…

…Яна неслышно вошла в библиотеку.

Семка сидел в кресле перед терминалом компьютера. Пальцы мальчика побелели, впившись в подлокотники.

Яна осторожно обогнула комплекс аппаратуры.

Семка спал. Его волосы спутались, голова бессильно свесилась набок. Сердце Яны тревожно сжалось. Ей вдруг вспомнились его рассказы о машинах, и она испуганно посмотрела на сияющие хромом и полированным пластиком панели обучающего библиотечного процессора.

Если… Если эта машина причинила Семке вред…

Страх когтистыми, холодными пальцами коснулся ее груди. Яна не была лишена воображения. Слушая рассказы Семки, она как будто смотрела фильм…

Она растерянно огляделась. Что, если с мальчиком что-то случилось? Андора нет уже больше недели. Она останется одна…

Страшный, мрачный, чудовищный мир разверзся ледяной пропастью, в которой ворочались зловещие тени боевых машин…

Семка слабо вздохнул. Веки мальчика задрожали.

Он открыл глаза.

Яна сидела на подлокотнике его кресла, бледная как лист бумаги. Ее губы дрожали.

— Что с тобой? — с тревогой спросила она.

Семка с трудом приходил в себя.

— Голова болит… — пожаловался он, сжав руками виски в тех местах, где вонзались электроды мыслеобруча. Перед ним весело перемигивалась огнями контрольная панель обучающего устройства. Он смотрел в яркие огоньки, впервые в жизни не испытывая перед ними подсознательного страха, и силился вспомнить, вернуть себе ощущение реального времени…

Двое детей и машины…

Одни пытались убить, другие помогали выжить, третьи не делали ничего… Но все они так или иначе властвовали над их судьбой… Именно это понял Семка. Но почему? Его потрясло откровение, что все машины, как и сам стальной шар, созданы людьми.

В этот момент он не смог бы выразить словами то, что чувствовал. Понимание пришло, сделав его еще взрослее, состарив душу мальчика на десяток лет, но все происходило на уровне подсознания. Наружу рвались

лишь обида, растерянность и злость. Он начал понимать сущность кладбища кораблей как места, созданного жестокостью и безумием. Места, изначально не предназначенного для жизни.

Они с Яной были рабами машин. Каждый их вдох, каждая секунда жизни может быть дана и отобрана электронно-механическими монстрами.

— Нет!.. — непроизвольно прошептал он.

Яна удивленно повернулась.

Семка окончательно пришел в себя. Он не верил и не хотел верить, что отец был одним из тех, кто обрек его на такую жизнь. И он не был рабом машин. Он их хозяин. Он из расы создателей.

Мальчик не мог и не собирался облекать свои мысли в слова. Он чувствовал все, о чем думал. Он испытывал боль, и из нее рождалось ощущение несправедливости, униженности, и оно, в свою очередь, как цепная реакция, будило другие, более неприятные и болезненные ощущения…

— Пойдем обедать, — позвала Яна, перебирая пальцами его спутанные волосы.

Семка полулежал, почти утонув в непомерно большом и мягком кресле.

— Мне не хочется. Может, попозже?

Яна кивнула, искоса взглянув на мальчика. Она как будто впервые увидела это задумчивое лицо. Она не обиделась и не удивилась, по себе зная, как трудно порой возвращаться в реальность после инъекций антистрессового препарата, который вводила автоматика жизнеобеспечения. Она сама много раз приходила в себя в этом же кресле, чувствуя, как голова пухнет от массы новой информации. Она не знала лишь той разницы, что разум Семки, ориентированный на выживание, уже успел увязать все новое, что узнал о мире и людях, со сфероидом и сделал очевидные выводы, которые никогда не приходили ей в голову.

— Ну ладно, — она вздохнула и неслышно, как и вошла, выскользнула из библиотеки.

Семка не заметил ее ухода.

Он встал и подошел к полкам, на которых длинными рядами стояли книги. Сейчас, несмотря на опустошенность и головную боль, ему хотелось самому, без посредства машины воспринять какую-нибудь информацию. Он бегло просмотрел корешки, но ни один не привлек его внимания, пока взгляд мальчика не наткнулся на толстую стопку пластбумаги, скрепленную самоклеящейся лентой.

«Бортовой журнал, —

прочел он. —

Колония „Остров Надежды“. Начат 10.07.2607 по Галактическому календарю».

Он вернулся за стол и с замиранием сердца перевернул первую страницу. Что-то подсказывало ему, это именно то, что он бессознательно искал на книжных полках.

Глаза мальчика скользнули по отпечатанным на принтере строкам:

«10 июля 2607 года. Нас тридцать два человека. Двадцать девять мужчин и три женщины. Это все, что осталось от экипажей полутора тысяч звездолетов, принимавших участие в битве…»

Семка не заметил, как с головой погрузился в чтение.

Ему казалось, что он видит их — непримиримых врагов, которые сумели не только встретиться в недрах сотрясающегося от взрывов и столкновений сфероида, но и протянуть друг другу руку.

Скользя взглядом по ровным строкам, он познал бездну их отчаяния, муки и надежды, ведь только такая жизнь была близка и понятна ему.

Они приварили друг к другу несколько более или менее целых кораблей, соединили их тамбурами, загерметизировали и назвали свой маленький мирок средь бурлящего ада Островом Надежды.

Он читал и непроизвольно представлял их в этих стенах, словно эти люди вдруг вернулись сюда, проходя перед мысленным взором мальчика вереницей призраков…

Они не опустили руки. Страница за страницей он наблюдал их борьбу, конфликты, дружбу, любовь и ненависть. Люди, брошенные посреди Великого Ничто, постепенно понимали всю чудовищность своей войны, словно пелена в муках падала с их глаз.

«19 декабря 2607 года. Наконец отыскали и с трудом отбуксировали к базе пригодный к ремонту корабль. Это малый рейдер типа „LX“. Придется очень многое переделывать на борту, восстанавливать все внешние коммуникации, локационную систему и т. д. Работы по горло. Сфероид продолжает трясти, но уже реже. Мы почти не отходим от базы, даже в поисках этого корабля не решились отойти далеко. Сергей уже предупредил всех об активированных боевых роботах, на которых наткнулся во время

своих вылазок. Слава Богу, он кибернетик и успел обезвредить машины, иначе бы всем нам — крышка. Страшно подумать, сколько боевых машин стоят вот так в ожидании своего часа.

Нужно убираться отсюда, чем быстрее, тем лучше. Это место не просто нагоняет дрожь, оно вопит на весь космос о том, что мы — безумны».

И все-таки это случилось. Они не знали, кто или что послужило первым камушком, сорвавшим лавину, но спустя три месяца, в самый разгар работ по восстановлению рейдера, сфероид потрясли первые взрывы войны машин. Люди принялись лихорадочно действовать. Они ускорили ремонтные работы, одновременно возводя защитные сооружения вокруг колонии, но бои между машинами уже охватили весь сфероид, и разрозненные группы роботов то и дело прорывались через защиту, сея разрушение и смерть.

Это была жестокая и неравная борьба… Семка с трудом мог представить те дни, когда машины кишели повсюду. На его памяти их было уже не так-то и много — взаимное истребление между роботами шло именно тогда, когда разыгралась трагедия Острова Надежды.

Люди, населявшие крохотный мирок, страстно хотели жить, но гибли… Они верили, что вырвутся, и сражались, пока их не осталось всего двое. Ими были родители Яны, чьи сожженные тела он видел в тамбуре, рядом с изуродованной боевой машиной…

Семка перевернул последнюю страницу. Он был раздавлен…

Только сейчас он окончательно понял, откуда взялась Яна и кто он сам. Его отец пережил трагедию, худшую, чем судьба Острова Надежды. Ведь он был один.

А мама?

Семка сокрушенно покачал головой в ответ своим мыслям. Он ничего не знал о ней…

Повернувшись в кресле он хотел встать, но его взгляд вдруг уперся в застывшую на пороге библиотеки фигуру.

Это был Андор.

Реакция. Мышечная реакция, без участия разума, выработанная годами борьбы… «MG» легко выскочил из захватов силовой кобуры, и короткий ствол взметнулся вверх.

Андроид не дрогнул. Он стоял в дверном проеме, удивительно, до дрожи похожий на человека, но в то же время сверкающий сталью, как самая смертоносная из машин.

— Здравствуй, Андор, — произнес Семен, опуская оружие.

— Здравствуйте, сэр! — Андроид перешагнул порог библиотеки. — Я рад, что вы вернулись.

Семка знал, что не будет стрелять.

Андор сел в кресло напротив. Мальчик смотрел на отливающую серебром броню, лицо с человеческими чертами, знак на груди, означающий саморазвивающуюся киберсистему последнего поколения, и самые противоречивые чувства шевелились в его душе.

«Кто он?.. — думал Семка, продолжая разглядывать робота. — Друг?.. Враг?.. Или раб?..»

— Почему ты ушел? — спросил он у андроида.

— Я знал, что вы уничтожите меня, — не колеблясь ответил Андор.

Рука Семки невольно скользнула к поясу.

— Ты уверен, что я не пристрелю тебя сейчас?

— Нет, — покачал головой Андор. — Вы стали другим. Раньше вами руководили инстинкты. Теперь вы владеете информацией и способны объективно…

— Мной руководил жизненный опыт! — прервал его мальчик. — Ты никак не согласуешься с ним. И, пожалуйста, обращайся ко мне, как к Яне.

Семка смертельно устал. «Почему я сижу и беседую с ним?» — с тоской подумал он и исподлобья взглянул на андроида. Ясно, что этот робот отличался от всех других. Но все равно он — машина. Сознание мальчика временами пробуксовывало, у него еще не было достаточного опыта логики, Семка делал первые шаги, осваивая самый совершенный во Вселенной инструмент выживания — вооруженный знаниями разум…

— Я радикально отличаюсь от всех других моделей, — словно заглянув в его мысли, произнес Андор, нарушив затянувшуюся паузу. — Тебе не стоит опасаться меня, — добавил он. — Я уже говорил, что не способен причинить вред человеку.

Семка невольно усмехнулся.

— Пресловутые законы робототехники? — спросил он. Среди знаний, полученных от обучающего устройства, была и такая чушь.

Андор понял его усмешку.

— Законы робототехники были выведены очень давно, на планете Земля, и они были хороши до тех пор, пока оставались законами для людей. Но люди сами презрели их, создав боевые машины, и для меня они не играют никакой роли. Дело не в законах, а в психологии искусственного разума.

— Ты — искусственный разум?!

Андор взглянул на мальчика немигающими, выпуклыми глазами. В этот момент казалось, он мучительно хочет, чтобы его сталепластиковое лицо было способно к мимике.

— Я — опытная модель, — подтвердил он. — Мои создатели не успели довести до конца начатый эксперимент — они погибли во время битвы. Меня создавали как развивающуюся кибернетическую систему, предназначенную для разведки очень дальних звезд и планет. Я должен был постоянно обновлять свои знания, принимать самостоятельные решения, но не больше… Наверное, те, кто создал меня, не предполагали, что со временем я начну чувствовать.

Семка недоверчиво покачал головой.

— Слишком невероятно… — прошептал он, обращаясь к самому себе, словно мыслил вслух.

— С точки зрения известных технологий — да. Позитронный процессор, имитирующий человеческий нейрон, — это сложнейшее устройство, занимающее объем в кубический метр. Но я функционирую на ином принципе. Во мне впервые применен фотонный процессор на основе микролазеров. Боюсь, что эта технология навсегда похоронена тут… — он выразительно похлопал себя по хромированному черепу.

— Ты переживаешь? — переспросил Семка. Он интуитивно выбрал именно это слово.

— Да. Но, конечно, мои чувства заметно отличаются от человеческих. Они… холоднее, рациональнее… ведь я машина!

На несколько секунд в библиотеке наступила тишина. Слишком неожиданной и новой была информация.

— Но ты воспитывал Яну! — в замешательстве воскликнул Семка, словно найдя внезапное подтверждение слов Андора. — Какая тут рациональность? Почему ты сделал это?

— Скажи, ты любил своего отца?

— Конечно!

— А кто, по-твоему, мои родители?

Семка не нашелся, что ответить на этот бессмысленный, как показалось, вопрос.

— Люди, — пояснил Андор.

Рука мальчика впилась в подлокотник. Одни звезды ведали, как ему было тяжело… Новая информация, новые проблемы… и, как оказалось, он должен научиться решать их!

И вдруг он понял, что хочет этого. В его жизни появился новый смысл. Он больше не был зверьком, затравленным мальчиком, прячущимся

в темных переходах от металлических монстров. Он был Человеком!

Андроид встал.

— Мне кажется, Яна ждет тебя обедать? — полуутвердительно произнес он. — Мне бы хотелось, чтобы ты познакомился с системой обороны колонии…

— Хорошо, — Семка решительно встал и взглянул на Андора. — Ты посидишь с нами за столом?

Андроид кивнул, и мальчику вдруг показалось, что его стальные губы тронуло слабое подобие улыбки.

Глава 7

Робот убегал.

Его изношенные узлы и расхлябанный корпус грозили рассыпаться в прах, но блок логической оценки ситуаций, в который когда-то был заложен программный эквивалент человеческого инстинкта самосохранения, гнал его вперед и вперед, в бесплодных попытках оторваться от противника.

Коридоры, залы, отсеки, шахты, пробоины, груды хлама, человеческие тела и скелеты механизмов — все мелькало перед единственной уцелевшей видеокамерой некогда грозной боевой машины.

Внезапно поисковый радар поймал цель. Взметнулись фонтанчики искр при торможении о бронеплиты палубы, рывками повернулась орудийная башня, но алая точка уже исчезла.

Компьютеру машины потребовалось две миллисекунды, чтобы проанализировать движение цели. Турель вакуумного орудия еще раз дернулась, и шквал бронебойных снарядов смел переборку, за которой скрылся человек.

Это было зрелище, достойное кисти импрессионистов. Уродливый робот стоял посреди полуразрушенного реакторного зала, настороженно вращая лопастью поискового радара. Гротескная поза боевой машины почему-то наводила на мысль о неврастении — если этот монстр мог бы напрягаться и испытывать страх, то он вкусил бы его в полной мере — даже его процессор не мог дать однозначного ответа — поражена цель или нет. Четвертый раз он сталкивался с противником, боезапас таял, а алая точка каждый раз избегала уничтожения, словно издеваясь над логикой боевой машины, основанной на практицизме кратчайших расстояний.

Робот не знал, что имеет дело с Человеком.

Развороченная стена испускала ровное красноватое сияние, тускло освещая зал.

Яна облизнула пересохшие губы, заметив, как Семка сделал предупреждающий знак и шагнул вперед. Импульсную винтовку он держал стволом вниз, словно перед ним не возвышалась громада боевой машины.

Вакуум не способен передать звук, но Яне казалось, она слышит надсадный вой сервомоторов, когда орудийная башня начала описывать смертельный полукруг. Механический монстр пришел в движение, и ни один нормальный человек не успел бы среагировать, но для Семки машинное время уже давно не являлось чем-то сверхъестественным. Его

мозг, как и тело, умел жить миллисекундами, он отчетливо видел конвульсивные движения механических членов, и два черных зрачка вакуумной турели не успели захлебнуться огнем — приклад импульсной винтовки дважды ударил в плечо, и орудийная башня разлетелась в клочья, подорвавшись на остатках собственного боекомплекта. Робот дернулся, следующий выстрел заставил его завертеться на месте. Центральный процессор машины отметил разрушительную вибрацию, когда в район двигателя дважды ударило что-то тяжелое, и внешние датчики отключились, не выдержав перегрузки. Теперь компьютер мог воспринимать мир лишь посредством видеокамеры, объектив которой показывал фрагмент его собственной брони, по которой бегали сполохи статического электричества…

На фоне призрачно-красного пятна расплавленной стены появились две тени. Они приблизились.

— Рассыпался… — пришел сигнал на радиочастоте.

Яна улыбнулась.

Семка повернулся, подобрал пустой магазин и, передернув затвор «ФЛАУ», заглянул в развороченное электронное нутро робота. Среди расколотых плат метались зеленоватые искры, местами они били в корпус, но некоторые находили окольные пути и вливались в пульсирующие зеленым огнем цепи управления. Процессор машины перестраивался, пытаясь продублировать утраченные функции.

Яна проследила за его взглядом и потянулась к блоку питания машины.

Рука Семки мягко отстранила ее.

— Ты что? Он же пытается восстановить цепи!

— Пусть живет. — Семка указал на развороченный двигатель, порванные гусеницы и останки орудийной башни. — Он больше не сможет убивать.

Яна представила себе боевую машину, обреченную думать в темноте и безмолвии разрушенного зала. Решения Семки иногда казались ей странными.

Он повернулся. Бледное лицо Яны, освещенное зеленоватыми вспышками, отражало недоумение, хотя ее глаза еще лихорадочно блестели. Ей нравилась погоня, но она не понимала того особого чувства, которое испытывал Семка, уничтожая машины. Хотя охота уже не доставляла ему прежнего удовольствия — он уже давно доказал себе и им, кто настоящий хозяин сфероида.

— Пойдем домой, — предложил он, окончательно утратив интерес к

агонизирующим обломкам машины, — Андор, наверное, уже заждался.

— Постой, — Яна потянула его за рукав, — я не понимаю…

Семка пожал плечами.

— Они больше не властны над нами.

Яна прижалась своим шлемом к его лицевому щитку, пытаясь заглянуть в глаза.

— И ради этого ты рискуешь?

Он усмехнулся. Разве жизнь можно назвать риском?

За их спиной во тьме злобно светился красный глаз боевой машины. Семка знал, что будет дальше. Процессор робота будет биться в бесплодных попытках восстановить контроль над разбитыми сервомоторами, пока не иссякнет его энергия. Тогда зловещее сияние сканера потускнеет и погаснет. Это была его месть, если в отношении машины можно применить человеческие мерки…

— Пойдем, — вновь повторил он, взяв Яну за руку.

Теснина технического коридора вывела их к вертикальной шахте, которая тянулась до самой поверхности сфероида. Выход был безопасен — его скрывала полуразрушенная рубка управления со множеством пробоин, через которые открывалась панорама простирающейся на десятки километров вокруг металлической равнины.

Семка помог Яне подняться в рубку и застыл, метр за метром осматривая близкий горизонт сфероида. Она присела рядом, тоже вглядываясь в даль. Рука Яны лежала на прикладе импульсной винтовки. Все происходило совершенно обыденно, как сотни, если не тысячи раз до этого дня. Рубка была их любимым местом в этой части стальной планетки. Яна уже давно освоилась с феерическими красками металлического острова, но каждый раз ее взгляд находил для себя что-то новое, словно она постепенно, шаг за шагом, постигала его суровую красоту.

Спиралевидная туманность тусклым пятном вставала над исковерканной линией близкого горизонта. В угольно-черном, бездонном небе неподвижно повисали сгустки звездного света, и на их фоне быстро двигалось несколько алых капель — маленькие спутники сфероида.

Ниже, под основанием купола рубки, плавно выгибалась к близкому горизонту исковерканная равнина, от которой в чернь бездны кое-где вздымались остовы надстроек или целые корпуса погибших кораблей.

Это был их мир… их Остров Надежды. Пять лет назад они встретились в его населенных механической смертью недрах. Это казалось чудом — два ребенка выжили и повзрослели, превратившись в юношу и девушку. Ростки жизни, обожженные ядерным безумием, загнанные в

границы герметичных помещений, пробились к свету, презрев теорию вероятности.

Они были бесконечно счастливы и несчастны одновременно. Семка и Яна любили друг друга сильнее, чем брат и сестра, сильнее, чем юные возлюбленные, — они попросту были двумя частями одного целого, с недоумением и содроганием вспоминая то время, когда жили порознь…

Семка закончил осмотр, и они, покинув рубку, вышли на поверхность сфероида. До места, где начинался безопасный туннель, к их жилищу оставалось минут десять ходьбы. Его глаза по привычке фиксировали каждую деталь, малейшее движение или изменение в знакомом ландшафте, но это происходило почти неосознанно и не мешало думать. В последнее время он все чаще и чаще чувствовал неудовлетворенность. Чем больше он читал, тем теснее казался ему стальной шар Острова Надежды. Здесь не было иных красок, кроме кровавого сияния туманности, не было простора, кроме необъятной бездны космоса… он пытался представить себе живые планеты, где обитали миллионы людей, но воображение билось как птица в клетке, вновь и вновь возвращаясь к реальности стального лабиринта.

Выживание уже несколько лет как перестало быть для него сверхзадачей, и мысли мальчика все чаще обращались к звездам, тем более он отлично знал, что составляющие сфероид корабли когда-то перемещались в пространстве…

* * *

Как приятно вернуться домой!

Семка перешагнул порог шлюзовой камеры и, отстегнув гермошлем, замер.

Что-то было не так!

Его разум еще не успел вычленить причину неосознанной тревоги, а рука уже машинально легла на рукоять «MG», он шагнул вперед, прикрывая своим телом Яну, и прислушался.

Тихо шипел воздух, нагнетаемый под уплотнитель внутреннего люка, ритмично постанывал требующий замены клапан в одном из насосов регенератора, изредка попискивали сигналы на различных контрольных панелях, но это были привычные звуки… в которые вплетался совершенно чуждый этим помещениям низкий, утробный гул, доносящийся со стороны библиотеки.

Пальцы Яны впились ему в плечо. Она тоже слышала глубокий, угрожающий, полный скрытой энергии монотонный звук…

— Что это? — едва слышно спросила она.

— Не знаю, — покачал головой Семка, делая шаг вперед по прозрачному тоннелю, за стенами которого работала автоматика жизнеобеспечения. Ему вдруг вспомнилось, как он впервые попал сюда и точно так же, крадучись, шел по этому коридору…

Гул продолжал нарастать, словно где-то работал готовый взорваться генератор неведомого поля, напряжение росло, оно висело в воздухе, становясь почти осязаемым, и вдруг…

Басовитое гудение прорезала звонкая и чистая нота.

Звук трепетал в воздухе, отражаясь от стен, колеблясь, меняя интонацию, пока не перерос в четкий, гармоничный ритм.

Пальцы Семки разжались, и «MG» скользнул в захваты силовой кобуры. Неисправные генераторы не способны синтезировать музыку. Он сделал последний шаг, отделявший его от библиотеки. Мелодия пульсировала, вливаясь в него, нежная, бархатистая, как наполненный льдистыми звездами мрак космоса, сильная и неукротимая, как вспышка термоядерной реакции, зовущая, терзающая и вопрошающая, как неистребимое движение разума…

Посреди библиотеки стоял Андор.

Мелодия лилась из скрытых динамиков, заставляя едва ощутимо вибрировать переборки.

Семка молча пожал протянутую руку и посмотрел в глаза андроида. В его взгляде был немой вопрос и немного укора. Робот был непредсказуем и слишком сильно полагался на разум своих юных хозяев.

— Это симфония Космоса, — негромко пояснил андроид. — Она была написана много веков назад на планете Земля, исторической родине людей. Я разыскал ее среди фонотеки одного крейсера…

— Андор, ты прелесть! — воскликнула Яна. Ее глаза сияли.

Мелодия была повсюду. Она лилась из отсека в отсек вслед за двумя молодыми людьми и роботом-андроидом.

Они сели за стол, но Семка вдруг почувствовал, что не может ни говорить, ни есть.

Он непроизвольно отложил вилку и поднял глаза, полные невысказанной муки. Терзавшие его душу сомнения и неудовлетворенность внезапно обрели форму отчетливой мысли, и подсознательный страх перемен умер в груди, раздавленный щемящим чувством близкой, но неизбежной утраты и еще чем-то глухим и неукротимым, что крепло в его сознании под воздействием симфонии космоса.

Ностальгия по звездам, которых он никогда не знал.

Неукротимое буйство человеческой натуры, влечение, заставлявшее

первых пещерных людей задирать голову и вглядываться в бездонный колодец Вселенной.

И мучительный, ноющий в груди вопрос: кто они, люди, позволившие механическим созданиям издеваться над своими детьми?..

Реальность Острова Надежды вновь дала трещину, но теперь уже под напором повзрослевшего разума.

Не говоря ни слова, он встал из-за стола и почти бегом выскочил из отсека.

Все произошло так быстро, что Яна опешила. Она вскочила, чтобы догнать, но Андор мягко остановил девушку.

— Я знаю, куда он пошел. Дай мне несколько минут, — попросил андроид.

* * *

В сознании машины тоже могут жить свои призраки. Тем более если эта машина разумна. И становление ее разума происходит в условиях экстремальных, когда все критерии истинности, порочности и справедливости становятся лишь условностью, игрушкой характеров и обстоятельств.

В этом смысле Семка и Андор были похожи. Разум обоих родился и вырос тут, среди мертвых.

Андроид навечно запомнил первый проблеск своего сознания.

«Активация! Активация! Активация!..»

Команда билась в цепях управления фотонного процессора.

Сказать «открыл глаза» было бы глупо. Он не был человеком. Он просто увидел свет.

Тесный отсек, заваленный лазерными дисками, кристаллами памяти, листами бумаги и деталями приборов. Свет был тусклым и красным.

«Авария» — вспыхнула надпись на внутреннем дисплее. Это процессор за несколько наносекунд произвел молниеносный анализ окружающей обстановки и сделал соответствующий вывод.

Он повернул голову. В поле зрения видеокамер, расположенных за фасетчатыми обзорными линзами, попал стоящий перед ним на коленях человек. Он был молод. Одежда на нем была испачкана кровью, волосы растрепаны, а в глазах светился лихорадочный блеск. Он явно находился под воздействием сильного обезболивающего препарата. Рукой человек зажимал рану на животе.

— Прошу команду приоритета! — услышал он голос и понял, что это говорит он сам!

Человек захрипел; его голова конвульсивно дернулась, мутный взгляд наполненных болью и страданием глаз сосредоточился на андроиде.

— Работает… — с мученической гримасой выдавил он. Несколько секунд человек хрипло дышал, пытаясь унять бившую его дрожь.

«Агония», — выдал беспристрастное резюме внутренний дисплей.

— Ты мое детище… Я отдал тебе половину жизни. Жаль, что не смогу видеть, что из тебя получится… Видишь, как меня… — хриплый шепот человека навечно впечатывался в ячейки памяти, — идиоты… Они аннигилировали планету… — Человек из последних сил в муке подался к самому лицу андроида. — Нарекаю тебя «Андор». Вся информация о мире, все мыслимые и немыслимые знания в тебе… Базовая команда — жить!

Он повалился набок. На губах человека выступила красная пена.

Ему было тогда всего девяносто секунд от момента активации. Его создатель, наверное, и сам не представлял всех возможностей фотонного процессора, обмен сигналами в котором происходил со скоростью света. За десять секунд были инициализированы все системы, еще за двадцать прочитаны и логически обработаны гигантские базы данных… На сто десятой секунде Андор обрел сознание…

Он опустился на колени перед умирающим человеком.

Тот, словно почувствовав, в последний раз открыл глаза.

— …Команда… приоритет… жить… — едва слышно прохрипел он.

Глаза создателя закрылись.

Он умер, и Андор остался один.

На семьсот двадцатой секунде своего сознательного существования он вышел из отсека, чтобы вступить в безумный мир кладбища кораблей.

* * *

Узкий коридор привел андроида к тупику. Глухую стену покрывал сложный узор ломаных линий. Андор вытянул руку и обвел часть из них, образующих буквы «О» и «Н». Остальные линии были не более чем бутафорией.

Раздалось шипение сжатого воздуха, и часть стены отъехала в сторону, открыв вход в шлюзовую камеру. Внутренний люк был распахнут. Перешагнув порог, андроид оказался в кольцевом коридоре, по внутреннему периметру которого через равные интервалы располагались ведущие в отсеки двери. Часть облицовки стен отсутствовала, обнажив змеящиеся пучки кабелей и переплетение труб.

Андор остановился у двери с надписью: «Ходовая рубка». Фотоэлемент и сервопривод не работали, кодовый замок был просто

вырезан сваркой. Отодвинув половину двери в сторону, он вошел в рубку штурмового рейдера «LX».

Семка стоял спиной ко входу, уперевшись руками в полуразобранный пульт управления. Перед ним серебрился мелкими вспышками экран монитора. На полу были разбросаны отпечатанные на принтере схемы электрических соединений.

— Зачем ты пришел? — не оборачиваясь, спросил он.

Андроид присел на край навигаторского кресла.

— Я думал, тебе понадобится помощь…

Семка повернулся и исподлобья взглянул на него.

— Зачем ты обманываешь меня? Ты мог бы давным-давно восстановить этот корабль! Сколько лет ты провел в бездействии, даже словом не обмолвившись о его существовании!

По бесстрастному лицу андроида невозможно было определить, что творится в этот момент в его логических цепях, но Семка внезапно почувствовал, что там идет борьба…

— Ты хочешь вернуться к людям?

Семка побледнел.

— Неужели ты думал, что я буду всю жизнь гоняться за роботами по свалке кораблей? Зачем тогда ты настраивал обучающий процессор на мои биоритмы? Лучше бы я ничего не знал!..

Андор встал и подошел к разобранному пульту. С каждым годом он все больше и больше походил на человека. Они думают, что он их учитель… Нет, Семка рано или поздно постиг бы этот мир и без участия андроида. Андор, как никогда прежде, чувствовал свою раздвоенность. Он не был роботом и не был живым существом. Не будь Яны и Семки, он давным-давно сошел бы с ума.

— «Ожидание праздника всегда лучше самого праздника», — процитировал он, перебирая затянутыми в пластик пальцами контакты пульта. — Тот мир, куда ты хочешь вернуться, породил роботов-убийц и этот сфероид… К тому же существует высокая вероятность, что цивилизация погибла в результате галактической войны!..

Семка облизал внезапно пересохшие губы.

— Мы… — он с трудом подбирал слова, — мы… исчерпали себя тут!

Андор ответил не сразу. Как будто ему понадобилось время, чтобы собраться с мыслями, но это было смешно. Семка знал о быстродействии его мозга.

— Я не мог навязывать тебе свою волю, — наконец произнес он. — Конечно, ты прав, я был в состоянии за эти годы привести здесь все в

порядок. Но я не имел права делать это. Сейчас я вижу — ты вырос. Все, что ты делал, — ты делал сам. Да, я давал тебе возможность получить информацию, но не больше. Ты личность. Ты сам принимаешь решения. Ты нашел этот корабль по дневникам Острова Надежды. Ты пытался разобраться в нем. Тебе быстро приелась охота за боевыми машинами. Ты Человек. А я лишь твое создание…

Семка в изумлении смотрел на андроида.

— Извини, — наконец произнес он. — Эта музыка… Она добила меня.

Подчиняясь безотчетному порыву, он положил руку на плечо Андора.

Робот повернулся. Уже не в первый раз Семке казалось, что он мучительно хочет ожить…

— Ну что, мужчины, посекретничали? — раздался за спиной голос Яны.

Семка вздрогнул от неожиданности и повернулся. Яна стояла в дверях ходовой рубки и улыбалась, глядя на них. На щеках девушки обозначились ямочки.

— Я, между прочим, играла здесь в куклы лет семь-восемь назад, — не выдержав, рассмеялась она.

Семка посмотрел на нее, почувствовав облегчение.

— Мы должны попытаться. У нас просто нет иного выхода, — заключил он.

Глава 8

Яростный, пульсирующий в затянувшейся агонии, кроваво-красный спрут растекся в пространстве, вонзая жгучие щупальца протуберанцев в усыпанный бриллиантовыми россыпями звезд мрак. Вокруг него по вытянутой и нестабильной орбите стремительно несся собранный из металлических частичек чуть приплюснутый шар, увлекавший за собой тысячекилометровый хвост мелких, тускло мерцающих обломков.

Это был их мир… Их Остров Надежды.

Теперь он медленно скатывался на экраны заднего обзора.

Семка оторвался от приборных панелей, чтобы в последний раз взглянуть на крохотную планетку, которая долгие двадцать лет была его домом.

Они не знали, что ждет их впереди. Возможно, Андор, сидящий в соседнем кресле, прав и цивилизация погибла, спалив себя в горниле галактической войны. Тогда они с Яной, возможно, станут единственной надеждой на ее возрождение. А может, все сложится иначе и их ждут цветущие миры… но, как бы там ни было, они никогда не забудут свой Остров.

Слова были совершенно лишними. Рука Семки легла на стартовый рычаг. Через стекло гермошлема он видел, что глаза Яны полны слез.

Через мгновение корма звездолета внезапно засияла рукотворным солнцем, затмив свет агонизирующей туманности, и корабль начал ускоряться, превращаясь в ослепительную точку.

Их путь лежал к звездам.

Часть 3. Стеллар

Мы возвращались, чтобы жить.
Мы были легкими, как тени,
Но, видно, злое провиденье
Хотело путь наш предрешить.

Кострами смерти вспыхнул космос,
Молча над участью планет,
И сотни кораблей, как косы,
Несли лишь смерть. Да будет СВЕТ
Аннигиляции ниспослан,
Богам, которых больше нет!..

Глава 9

— …Эй, Джонни, посмотри-ка, что за чертовщина! Во наглец!

Дежурный навигатор склонился к дисплею. Алая точка еще не успела оторваться от нижней кромки экрана — объект, о котором так восторженно отозвался его напарник, находился очень далеко, почти на пределе восприятия их радаров.

— Нет, ты смотри, что вытворяет компьютер! Да это ж бред какой-то!

Джон Селк и сам не понимал, в чем дело. Получив сигнал от объекта, бортовой компьютер их крейсера автоматически запустил программу поиска и идентификации, и вот теперь на информе вырисовывалась какая-то нелепейшая конструкция. Похоже, он впервые наблюдал «зависание» такой мощной кибермашины — компьютер не выдал идентификационную карту, беспорядочно выбрасывая на дисплей контуры и обводы разных кораблей.

Навигатор не волен принимать решений. Он почтительно коснулся клавиши интеркома:

— Сэр, докладывает дежурный. На радаре неопознанный объект искусственного происхождения. Классификации нет. Вооружен.

— Иду.

По обводам крейсера Конфедерации солнц пробежали цепочки тревожных огней. В ангарах, у сомкнутых створов огромных шлюзов, стартовые плиты пришли в движение, поднимая звено космических истребителей. В орудийных башнях операторы впихивали свои тела в кресла и включали приборы.

Объект приближался. Старший вахтенный офицер в ходовой рубке долго смотрел на монитор.

— Орудиям отбой, — приказал он. — Посмотрим, что покажут умножители.

Мощные электронные телескопы начали свое неторопливое движение, нащупывая объект. Наконец на экранах ходовой рубки проступило изображение приближающегося корабля.

— Не гиперсферный… — прокомментировал навигатор, с неподдельным интересом вглядываясь в экран.

Огромный дискообразный корпус был залатан в нескольких местах приваренными к обшивке плитами керамлита. Лес антенн топорщился в разные стороны, между ними угадывались закрытые орудийные порты.

Параболические антенны не вращались, не было видно ни одного навигационного огня, да и чаша фотонного отражателя, вынесенная за днище на телескопических опорах, казалась матовой и давно утратившей свои функциональные способности.

— На сигналы не отвечает. Мертв, — высказал предположение первый пилот.

— Как сказать… Может, это уловка?

— Довольно неуклюжая. Малейшее поползновение, и мы разнесем его на куски.

Корабль-пришелец медленно вращался, и в поле зрения телескопов попала огромная пробоина, скрытая ранее чашей фотонного отражателя.

— Ого. Крепко ему досталось.

— Параграф сорок шестой устава космической службы. Мы обязаны исследовать его и пометить как собственность конфедерации с помощью радиомаяка. Все находки и документы передаются в архив Стеллара, — подытожил старший вахтенный офицер. — Поднимайте десантную группу. Любопытно будет взглянуть, что там внутри.

* * *

Командир группы быстрого реагирования Сергей Снегов любил подобные задания — он был романтиком по натуре, да и не часто удавалось вот так спокойно, без шквала лазерного огня, покидать борт крейсера.

Малый рейдер мягко отвалил от причальной штанги.

— Всем пристегнуться, — не оборачиваясь, буркнул пилот, работая переключателями. — Поехали.

Черная громада чужака росла в стереомониторах. Некогда это был грозный боевой корабль — их сняли с вооружения около полувека назад.

— Базовый разведчик класса LX, — определил Сергей, — но круто над ним поработали…

— Смотрите, — в голосе Суханова послышалось уважение, — а он бился когда-то насмерть!

Бронеплиты обшивки пришельца были оплавлены и иссечены лазерными разрядами. Часть надстроек сметена, словно нихромом по пластику, ровный срез обнажал непривычный глазу ракурс — вид сверху на боевые отсеки, пульты, помятые кресла операторов, пустые глазницы мониторов. Теперь, когда они подлетели почти вплотную, стало ясно, почему бортовой компьютер не смог определить класс корабля, — это был странный гибрид, созданный на базе LX, с добавлением целых модулей от совершенно других конструкций и снабженный к тому же архаичным

фотонным парусом, хотя отсеки гиперпривода были видны и казались неповрежденными.

— Зависай у пробоины, — приказал Сергей пилоту рейдера. — Мы пошли.

Группа молчаливо и слаженно покинула свои места.

Командир первым коснулся обшивки чужого корабля. Детекторы движения молчали. Ствол импульсной винтовки смотрел во мрак провала. Туда же спустя мгновение ударил прожектор. Сергей нырнул вниз.

— Похоже, метеорит. — Ладонь десантника в перчатке скользнула по заплавленному краю. — Лазер бы сработал аккуратнее.

— Энергетическая активность в цепях! — доложил компьютерный техник.

Они стояли у изгиба длинного коридора, который опоясывал внутренний периметр корабля. По одну сторону через равные промежутки шли двери. Сергей с трудом отодвинул одну из них.

Ходовая рубка. Луч прожектора разогнал мрак, скользнув по темному экрану телескопического обзора, и замер, высветив три кресла за пультом, в одном из которых возвышалась неподвижная фигура робота-андроида.

— Пусто. Здесь все обесточено.

Они вышли в коридор. Одна за другой вскрывались двери отсеков.

— Склад какой-то, — не выдержал Гордон. — Тут продуктов лет на двести!

Они шли дальше. Коридор плавно изгибался. Сергею казалось, что они шагают по самой истории — брошенный корабль, фигура андроида перед пультом, забитые консервированными продуктами отсеки — все это выглядело жутковато и загадочно. «Узнаем ли мы правду о тех, кто летел на нем?» — подумал он.

Очередная дверь открылась сама. Ствол импульсной винтовки взметнулся вверх.

— Это и есть источник энергии, — произнес за его спиной Хоули.

Две сиротливые зеленые лампочки горели на двух полусферах низкотемпературных капсул гиперсна. Сергей осторожно подался вперед и замер, пораженный увиденным.

Перед ним, под прозрачными колпаками, в зыбком тумане консервирующего газа, лежали юноша и девушка.

* * *

Два корабля, некоторое время дрейфовавшие в жесткой сцепке, медленно расстыковались. Щель между ними становилась все шире, она

наполнялась звездами, пока в провалы грузовых шлюзов втягивались рукава переходных туннелей, но вот они закрылись; борт крейсера озарили вспышки навигационных дюз, и он начал разворачиваться. Через минуту гигант включил маршевые двигатели и начал стремительно удаляться от небольшого темного диска, который, беспорядочно вращаясь, продолжил свой неуправляемый дрейф в глубинах пространства. Кто знает, какая судьба ожидала этот собранный из различных модулей корабль, уже дважды выполнивший свою миссию и вот теперь окончательно покинутый людьми?

Капитан Ганс Фрайенберг еще несколько минут наблюдал, как вспыхивает среди узоров созвездий искра установленного на нем проблескового маяка, пока тот не затерялся среди россыпей звезд.

— Судьба… — философски вздохнул он, тут же забыв о покинутом осколке прошлого. У него было слишком много проблем дня сегодняшнего, чтобы развивать эту тему.

Крейсер «Ио» приступил к боевому патрулированию заданного сектора пространства.

В лаборатории компьютерный техник досадливо поморщился, отключая многочисленные тестеры, соединенные интерфейсами со вскрытой черепной коробкой андроида. Хоули впервые столкнулся с машиной, оказавшейся не по зубам бортовой аппаратуре, и пять часов бесплодных попыток оживить робота убедили его в бесполезности подобного занятия.

— Ни черта не понимаю, — откровенно признался он своему помощнику, младшему технику, с равнодушным видом копавшемуся в интегральном затворе автоматической пушки. — Первый раз сталкиваюсь с таким «глухим» случаем.

Он с досадой захлопнул черепную коробку робота.

— Нет, ты посуди сам, — не унимался Хоули, — порт ПЗУ[5] вроде стандартный, но доступа к внутренним файлам не добиться никакими способами!

— А питание?

— Да все в порядке. У него встроенный миниреактор, так что напряжение есть. — Хоули вытащил последний разъем. — Погоди, — пригрозил он, сматывая интерфейсы, — вернемся на базу, я тобой займусь…

Спустя час капитан Фрайенберг зашел в медицинский отсек корабля.

— Ну что, Володя? — спросил он, остановившись у двух прозрачных

сферических камер, где в физиологическом растворе безвольно застыли увитые проводами и облепленные датчиками юные тела спасенных. — Как они?

— Девушка в коме… — вздохнул дежурный. — А парень вроде выкарабкивается.

Капитан нахмурился.

— Как думаешь, надежда есть?

— Трудно сказать. Их бы обоих на Стеллар.

— Невозможно. Нас никто не снимет отсюда, — он устало потер подбородок. — Черт, ты прав. Наше оборудование не предназначено для реанимации после столетнего сна… Попробую связаться с базой.

— Вот, передайте на Стеллар, — Владимир протянул капитану кристаллодиск, — это кодированная запись биоэлектрической активности мозга юноши. Он приходит в себя, и какие-то воспоминания рвутся наружу. В лабораториях Джедиана как раз занимаются этими проблемами. К тому же на основании этой записи можно будет судить — нет ли тут попытки скрытого проникновения.

— Да, ты прав, — вновь согласился Ганс, — я, честно говоря, тоже допускал такую возможность. Нелишне будет узнать, кто они такие, прежде чем наступит пробуждение. — Он спрятал кристаллодиск в карман униформы и повернулся к выходу. — Держи меня в курсе, — уже с порога напомнил он.

* * *

За несколько мгновений до пробуждения он почувствовал страх. Что-то пугающее копошилось в черноте небытия — зловещая тень на фоне смутного сознания.

Он тихо застонал. Десятки датчиков на оперативной панели тотчас отреагировали — вспыхнуло несколько ламп, и вверх взметнулись кривые, отмечающие активность нервных и мышечных тканей.

Веки чуть дрогнули и приоткрылись. Он находился внутри небольшого, замкнутого пространства. Тело покрывало липкое, теплое желе. Остро пахло озоном и лекарствами. Вокруг клубился молочный туман, из которого к телу тянулось множество проводов и трубок.

Случилось именно то, чего он подсознательно боялся всю жизнь. Внезапно материализовавшийся кошмар из прошлого мгновенно захлестнул пробудившийся разум — он понял, что находится внутри какой-то машины!.. Мускулы рефлекторно напряглись, глаза расширились, он выгнулся и задрожал в безуспешной попытке вырваться из цепких объятий

сковывавших его захватов.

Датчики на панели издали серию тревожных сигналов, и синусоиды графиков вздыбились, отмечая всплеск жизненной активности.

Он еще плохо понимал, что делает, — почти все реакции проходили на рефлекторном уровне. Он окаменел в попытке вырваться, когда из тумана, по ту сторону пленившей его машины, внезапно возникло бородатое лицо человека!

Тело юноши вдруг безвольно опало, он рухнул назад, в жесткий пластик реанимационного ложа, не смея оторвать глаз от смутных контуров человеческой фигуры.

Владимир, оценив состояние пациента, пробежал пальцами по клавиатуре компьютера. В тело впились инъекторы, и спустя несколько мгновений синусоиды датчиков вновь поползли вниз.

Глаза юноши бессильно закрылись, но угасавшее сознание сопротивлялось, удерживая одну мысль: «Человек… Люди… Я вернулся!..»

Глава 10

— …Чудовищно…

Джедиан Ланге выключил монитор и порывисто встал. Психоанализ и нейрохирургия были его призванием, но сегодня первый раз в жизни он пожалел, что не стал каким-нибудь клерком или рядовым техником.

— Мне нужна аудиенция у командующего! — требовательно проговорил он, склонясь к интеркому. — Немедленно. Речь идет о его семье.

Где-то в глубинах кибернетического мозга Стеллара заработал микропроцессор личного секретаря адмирала. Прошло десять или пятнадцать секунд — время нешуточное для машины, — и в динамике раздался отмодулированный женский голос:

— Вам назначено на одиннадцать тридцать.

Джедиан взглянул на хронометр. Одиннадцать двадцать пять. Старик все еще ценит своего внучатого племянника. Сунув в стол кристаллодиски, Ланге скинул халат и выскочил из кабинета, исчезнув в лабиринте подземных коммуникаций Главной базы космического флота Федерации.

Адмирал Воронцов ждал его в своем кабинете. Он прожил двести один год, и только личным медикам командующего было известно, чего больше в организме этого человека — живой плоти или искусственных тканей. Основатель Форта Стеллар и автор военной доктрины Конфедерации солнц сидел в жестком диагностическом кресле.

— Джед, мальчик мой, что случилось?

Джедиан склонил голову в почтительном приветствии.

— Адмирал…

— Не нужно. Нас не слышат. Налей себе выпить, ты нервничаешь.

— Есть от чего, дедушка. — Джедиан судорожно глотнул тоник и протянул старику стереоснимок, сделанный с компьютерной модели. — Вам знакомо это лицо?

Никто в обитаемых мирах никогда не видел и не мог представить подобного. Губы человека, о котором ходили жуткие легенды, который не признавал никаких эмоций, вдруг затряслись, и на глазах Воронцова выступили слезы.

— Андрюша…

— Дедушка, вы уверены?

— Где он?! Он жив?! — безумно выкрикнул адмирал, но тут же взял

себя в руки. — Этого не может быть… Вы, верно, нашли его тело или какой-то архивный снимок. Жестоко, Джед… — упрекнул он.

— Нет. Не жестоко. Этот снимок — компьютерная модель воспоминаний юноши, найденного неделю назад в криогенной камере мертвого корабля времен Первой галактической. Он родился и вырос на кладбище звездолетов, оставшемся на месте той битвы, в которой, как считалось, погиб Андрей Воронцов. Вся память этого юноши несет в себе это лицо — лицо его отца!

— Ты можешь дать полный отчет? — справившись наконец со своими чувствами, спросил адмирал. — Расскажи мне все, что узнал, до мельчайших подробностей, но прежде ответь — что Андрей?!

— Ваш сын и мой дядя мертв… — собравшись с духом, ответил Джедиан. Он недолюбливал деда за жестокую бескомпромиссность и побаивался вспышек его гнева. — Он погиб за восемь лет до того, как его сын покинул кладбище кораблей на собранном из различных обломков звездолете. Им не удалось подчинить гравипривод, и потому они использовали фотонную тягу. Курс был избран на ядро Галактики…

— Как погиб мой сын?

Джедиан побледнел под ледяным взглядом деда, в котором ясно читалась безумная боль. Он был хорошим психоаналитиком и ясно представлял последствия.

— Андрея застрелил робот, — ответил он. — Судя по воспоминаниям, которые мне удалось считать с коры головного мозга моего кузена, — это была боевая машина класса «PLENET», состоявшая на вооружении флота Свободных колоний.

Адмирал скрипнул зубами. Воспоминания, такие отчетливые, роились в нем, унося последние силы, оставляя лишь пустоту и боль.

Он сам приговорил Андрея…

— Николай Ильич, мы вырвались! — Старший офицер флагманского крейсера Владимир Воронцов прикрыл дверь каюты и взглянул на сгорбленную спину командующего.

Корабль маневрировал, и звезды на обзорном экране исполняли бешеный и понятный одним навигаторам танец. Командующий повернулся и угрюмо посмотрел на офицера.

— Чему вы радуетесь, позвольте узнать?

«Старый дурак!» — раздраженно подумал Владимир, незаметно ослабив кобуру бластера.

— Адмирал, я потерял в этом бою сына, а вы, похоже, — разум, — резко ответил он. — Наш долг продолжать борьбу!

Старого адмирала ударил озноб. Он был раздавлен. Чудовищность схватки и цифры потерь не укладывались в его голове. Он видел взрыв, в котором за мгновение погибли миллионы — стоило понять ужас этой цифры — людей, и он уже не хотел продолжения. Не хотел вместе с безумцами ринуться бомбить планеты, закрепляя стратегический успех…

— Там остались люди… — медленно проговорил он, — и машины. Наш долг — вернуться и попытаться спасти хоть кого-нибудь, а не воротить новые горы трупов!

— Там не осталось никого! Ни одно живое существо не выжило там, где испарялся металл! — балансируя на грани истерики, выдавил из себя офицер. — Все корабли, у кого выстояли силовые поля, уже дали о себе знать, а что до активизированных роботов, уцелевших в обломках, — мне плевать на них! Отдавайте приказ!

— Вы безумец, Воронцов!

— А вы трус и мертвец! — Владимир поднял бластер. — Мой сын отдал жизнь за это дело, и я отомщу за него! Мы сомнем Землю, пока не поздно, пока не собраны новые силы!

Командующий отвернулся к экранам.

Владимир не стал стрелять в спину.

— Вы арестованы. Я принимаю командование флагманом!..

Это было так давно… Первые шаги трудной карьеры к званию командующего…

Собственно, тогда он верил во все, что делал…

* * *

…Джедиан оторопело смотрел на командующего, лицо которого напоминало в эти минуты маску смерти.

— Оставь меня! — внезапно потребовал тот, всплыв из омута воспоминаний. — Нет, постой! Где сейчас этот молодой человек?

— Его зовут Семка. Он на борту патрульного крейсера «Ио», который блокирует наиболее вероятное направление…

Воронцов побледнел. Что это, судьба?.. Или запоздалая расплата за предательство?..

— Я понял, — оборвал он Джедиана. — Срочно свяжись со старшим офицером базы и от моего имени потребуй, чтобы «Ио» вернули назад. Пусть заменит его любым кораблем, на свое усмотрение…

Несколько мгновений он молчал, словно за эти минуты растерял всю присущую ему энергию, и Джедиан вдруг понял, насколько все-таки стар сидящий перед ним человек…

Лицо старика исказила судорога.

— Он должен выжить, даже если это невозможно! — В голосе адмирала прорвались привычные властные нотки. — Во что бы то ни стало! Ты понял?!

Джедиан кивнул.

На пороге он задержался. Долгие годы он боялся этого человека и раболепствовал перед ним. Джедиану вдруг безумно захотелось еще раз увидеть, как судорога комкает это бесстрастное лицо…

— На столе кристаллодиск с записью воспоминаний, — напомнил он. — Посмотрите его, дедушка…

Дверь плавно встала на место, оставив командующего наедине с собственной памятью и сиротливым диском, от которого он не мог отвести глаз, хотя боялся этой пластины больше, чем смерти.

Он понимал: содержимое диска — страшнее, чем смерть.

Глава 11

Немногочисленный экипаж патрульного крейсера «Ио» был занят по горло, поэтому при пробуждении Семена присутствовал лишь Владимир Юсупов — бортовой медик корабля.

Юноша лежал, укрытый одной простыней, и исподволь следил, как незнакомый мужчина в белом комбинезоне вышагивает по модулю, снимая показания многочисленных приборов.

Владимир закончил проверку и вернулся к столу, на котором был установлен переносной компьютер. По привычке, прежде чем сесть, он взглянул на своих подопечных. Восковое тело девушки по-прежнему медленно вращалось в струях физиологического раствора, а вот парень лежал с открытыми глазами, устремив колючий взгляд на его пояс.

— А, ну наконец-то! — Он поправил кобуру с неизменным «стоун-игл». — Я уж думал, ты собрался проспать до самого Стеллара.

Семен попытался что-то сказать, но из горла вырвался лишь мучительный вздох.

— Спокойнее, парень, спокойнее. — Владимир взял тампон и смочил пересохшие губы Семена. — Не все сразу. Ну-ка, выпей, — он вложил ему в рот янтарный шарик, который тут же лопнул, обдав небо и горло щекочущей прохладой.

Семен судорожно сглотнул.

Его губы зашевелились. Он силился что-то сказать, пока не выдохнул:

— Яна…

Володя придвинул кресло, попутно нажав клавишу интеркома.

— Так, давай по порядку. Я понял твой вопрос. Не напрягайся, все хорошо.

Семен откинулся на подушку, прикрыв глаза. Он был настолько слаб, что постоянно балансировал на грани потери сознания.

— Ты слушаешь?

Ответом послужил едва заметный кивок.

— Так вот, ты среди друзей. Мы случайно наткнулись на дрейфующий в космосе корабль и высадили на него десантную группу. У вас произошла авария в одном из отсеков или было столкновение с метеоритом — мы так до конца и не разобрались. Но факт, что корабль мертв, в борту огромная пробоина, все накопительные силовые установки пусты, за исключением двух резервных, от которых питался криогенный отсек, откуда извлекли

тебя и твою спутницу. Больше на корабле не было никого, за исключением нефункционального робота-андроида неизвестной модели.

При этих словах Семен открыл глаза. В них читался немой вопрос.

— Успокойся, он тут, на борту, но, кажется, наш техник сломал об него все свои зубы, — улыбнулся Владимир.

Семен кивнул, снова прикрыв веки.

— Что с Яной? — едва слышно прошептал он.

Владимир ответил не сразу.

— Видишь ли, процесс анабиоза очень сложен. Вас заморозили в камерах очень старого образца, они настолько стары, что наша бортовая аппаратура пробуждения и реанимации практически несовместима с режимами их работы. Поэтому мне приходится быть вдвойне осторожным. Видишь, ты уже очнулся, но твой организм сильнее… В общем, девушка жива, мы поддерживаем функции всех органов ее тела, но, боюсь, до окончательного пробуждения еще далеко.

Он снова открыл глаза и мучительно покосился через плечо, пока его взгляд не нашел прозрачную двухметровую сферу, в которую было заключено тело Яны.

— Как тебя зовут? — поспешно встрял Владимир, пытаясь отвлечь его от этого зрелища.

— Семен…

— Отлично, а я — Владимир. — Он дружески сжал его плечо. — Не волнуйся, она выкарабкается, — как можно бодрее проговорил он. — Вот увидишь. Дай мне немного времени, и я разберусь с вашими проблемами.

Голова Семена упала на подушку.

— Я буду ждать… — прошептали потрескавшиеся губы.

Через несколько минут, обессиленный, он уснул.

Владимир отодвинул кресло.

— Слышали? — спросил он.

— Да, — прозвучал в интеркоме ответ капитана. — Парень говорит на интерангле со старорусским акцентом. По-моему, в нашем секторе нет таких миров.

— Да, но он проспал больше ста лет.

— Скорее всего он из другой части Галактики. В любом случае — это не попытка внедрения на наши планеты. Скорее — отзвук Первой галактической. Их корабль собран из модулей боевых кораблей тех лет. Похоже, жизнь круто обошлась с этими ребятами.

— Да, капитан. Скажите, со Стеллара ничего?

— Еще рано, Володя. Мы выйдем в точку барражирования через пять

часов. Следующий сеанс связи оттуда. Будем надеяться, что они расшифровали сделанные тобой записи.

Последующие за этим разговором пятеро суток капитан Ганс Фрайенберг лишь урывками вспоминал о спасенных: «Ио» вышел в заданный пространственный куб с длиной ребра в два световых года и приступил к патрулированию. Этот район считался одним из наиболее опасных в случае внезапного прорыва кораблей противника, и в задачу крейсера входило вовремя обнаружить точку выхода вражеских кораблей из гиперсферы и постараться связать их боем до подхода основных сил флота.

«Ио» был кораблем-смертником.

Шел десятый год Второй галактической войны, Свободные колонии, победив Землю, делили сферы влияния.

Жизнь…

Семен лежал под тонкой простыней, всем телом впитывая прохладу свежей постели.

Конечно, космический корабль — это лишь частица того мира, куда он стремился, но какая!.. Все ощущения были новыми. Стоило открыть глаза — и взгляд упирался в мягкое сияние потолочных панелей. От пола исходило тепло. Шелест регенераторов воздуха не стихал ни на секунду. Это был полностью исправный корабль, не обломок, а настоящая частица большого мира, поднявшаяся в космос по воле людей, а не беспомощно дрейфующая в космических течениях.

Он повернулся. Безжизненное тело Яны по-прежнему оплетали провода и шланги систем жизнеобеспечения. Владимир что-то писал, сидя за столом.

Беспомощный вид девушки разбудил дремавшую тревогу и боль. Ему было бы легче, будь рядом с ним Андор. Но как Семен ни старался, он не мог вспомнить, как они с Яной оказались в криогенных камерах и почему андроиду пришлось отдать им всю свою энергию…

Владимир закончил писать и повернулся.

— Ага, проснулся! — обрадовался он. — Отлично!

Семен попытался улыбнуться и сел. Слабость почти прошла, но голова все еще кружилась.

— Ну как, можешь встать?

Он осторожно спустил ноги на пол. Верить ли своим чувствам? Ослабевшие мышцы с трудом приняли на себя вес тела. Семен пошатнулся и сделал несколько неуверенных шагов… Как будто время вернулось назад и он снова учится ходить в тесноте и полумраке крохотного отсека… Вот

сейчас откроется дверь, и войдет отец…

Ладони уткнулись в холодный пластик реанимационной камеры. Он прижался к нему щекой напротив неподвижного лица Яны.

Владимир осторожно взял его под руку.

— Без изменений, — ответил он на немой вопрос. — Мы ждем, что ответят со Стеллара. Ее нужно доставить туда.

— Это твоя планета? — спросил Семен, добравшись до кресла.

— Ну в некотором смысле… — неопределенно ответил медик, доставая из шкафа комплект полетной униформы. — С тобой хотел поговорить капитан, и еще наш компьютерный техник с нетерпением ждет, когда ты сможешь ходить. — Он испытывающе посмотрел на Семена, словно хотел что-то спросить, но, вспомнив запрет капитана, не решился. Ганс Фрайенберг пообещал лично оторвать голову любому, кто хоть словом обмолвится при Семене о целях патрулирования «Ио». Владимир мысленно три раза сплюнул. Хоть бы их пронесло, как в прошлый раз. Он даже и думать не хотел, что будет, если в этом секторе обозначится прорыв…

— Ну что, куда ты хочешь попасть сначала, к капитану или в лабораторию? — спросил он, когда Семен оделся. Опыт подсказывал, что парня нужно увести отсюда, подальше от неподвижного тела его юной спутницы.

— Я хочу увидеть Андора.

Брови Владимира удивленно взметнулись.

— Андроида, — поправился Семен. — Его зовут Андор.

— Ну что же, Хоули будет рад тебя видеть, — ответил Владимир, запирая дверь медицинского отсека. То, что Семен не имеет понятия о бортовой субординации, нисколько не удивило его. «Действительно, а почему бы капитану не подождать своей очереди?» — не без удовольствия подумал он, шагая вместе с Семеном к шахте межпалубного лифта.

«Ио» имел около километра в поперечнике и почти вдвое больше в длину. Внутреннее пространство корабля было разделено на десять автономных палуб.

Семен шел по коридорам, впитывая запахи и звуки живого корабля, и ему не верилось, что он действительно тут, среди людей, и все вокруг не мираж, а самая настоящая реальность…

…На второй палубе корабля находился внутренний космодром.

Они вышли на узкий балкон, обегавший весь периметр огромного зала на высоте десяти метров. Семен невольно остановился, осматривая

стартовые плиты, на которых застыли десять горбоносых АРК[6]. Малые корабли, закованные в серебристую отражающую броню, напоминали хищных птиц со сложенными крыльями, готовых в любую секунду сорваться с места. Люк одного из разведчиков был открыт, и оттуда на темное покрытие стартовой плиты падало яркое пятно света…

Владимир тронул его за плечо.

— Ты извини, у меня мало времени.

Семен неохотно кивнул и вслед за медиком свернул в боковой коридор.

В технической лаборатории было пусто.

— Хоули! — позвал Владимир. — Где ты?

Тишина. Он озадаченно огляделся.

Семен внезапно отстранил его, шагнул в глубину лаборатории и опустился на колени перед громоздким саркофагом, внутри которого в тисках амортизирующих захватов лежал робот-андроид.

Владимир понял, что совершил ошибку. Вид неподвижного робота причинил парню не меньше страданий, чем восковое тело Яны.

«Почему?! — бился в голове Семена безответный вопрос. — Что случилось с нами на корабле?!» — Его пальцы безотчетно скользили по прочному прозрачному пластику над телом Андора.

— …Ты побудь тут, а я посмотрю в соседних мастерских, — дошел до его сознания голос бортового медика. — Только ничего не трогай, ладно?

Семен машинально кивнул.

Сейчас его интересовал Андор. Стенки транспортного контейнера вмещали в себя целый комплекс аппаратуры. От многочисленных контактных разъемов к голове робота тянулись кабели интерфейсов и энерговодов. Два монитора, сияющие хаотичным мерцанием точек, отражали полную беспомощность систем тестирования и контроля. Андор был мертв…

Пальцы Семена легли на встроенный клавиатурный блок.

Активация…

Когда-то Андор заставил его выучить код доступа и программу полного перезапуска своих систем. Семен заметил, как дрожат пальцы, и мысленно приказал себе успокоиться. Не хватало еще ошибиться и запустить неправильную последовательность…

Программа работала. Мерцание точек на правом мониторе сменилось короткой надписью:

«Полная потеря активного заряда. Прошу внешний источник

питания».

Это еще был не Андор, но какая-то из его аварийных программ. Семен огляделся. Отсек был пуст, но ему и в голову бы не пришло ждать. Отключив какой-то прибор, он воткнул в освободившийся разъем кабель питания транспортного контейнера.

Надпись на мониторе мгновенно сменилась:

«Ждите. Идет зарядка основного накопителя. Переключение на встроенные источники питания через 618 секунд».

Семен присел на край саркофага, наблюдая, как на мониторе бегут цифры обратного отсчета. Он чувствовал тошноту и слабость…

«И все-таки мы вернулись…» — эта мысль наполняла его восторгом, несмотря ни на что…

Семен встал и склонился над саркофагом, представляя, как Андор выкарабкивается из бездны небытия, байт за байтом обретая сознание и память…

На панели интеркома внезапно заморгал сигнал вызова. Семен вздрогнул и огляделся. Отсек был пуст.

Он отжал кнопку связи.

— Эй, Хоули, черт бы тебя побрал! — прорычал скрытый динамик голосом капитана. — У нас неприятности. Код Альфа двенадцать! Давай пулей на космодром, там Сергей со Спайтом копаются в седьмом АРК. Чтоб через секунду все были тут!

Динамик щелкнул и отключился.

Семен ничего не понял из тирады Фрайенберга, но приказ был очевиден. Он посмотрел на монитор. Осталось триста секунд.

«Успею», — решил он, выйдя на балкон космодрома. Люк одного из разведчиков по-прежнему был открыт, и он не раздумывая перемахнул через низенькие перила, одним прыжком преодолев пятиметровый спуск.

Из распахнутого люка АРК доносились голоса. Семен подошел к основанию телескопического трапа и замер. Он не собирался подслушивать, но долетевшая до него фраза буквально пригвоздила его к месту:

— …повторяю — дерьмо! Неужели капитан не понимает — мы кусок пушечного мяса!

— Так на кой черт ты сунулся на борт? — поинтересовался другой голос.

— Я хочу заработать бабки и отвалить. Во где у меня сидит эта война.

— Тогда не ной.

— Тебе хорошо рассуждать. Ты один черт загнешься, сегодня или

через месяц, а у меня это — последний вылет…

— Слушай, заткнись. А то точно не доживешь до Стеллара, — в голосе говорившего прозвучала угроза.

— Ну ладно, что ты заводишься?.. Все вы какие-то психи… Слушай, а за что тебя? Говорят, ты был офицером в пятой Орбитальной. Ты правда охранял Стеллар?

— Правда… Не понимаю, — добавил этот же голос спустя секунду, — это же идиотизм — умирать за деньги!

— А что мне оставалось?! Добровольцем я имел хоть какой-то выбор! Знаешь, — внезапно признался его собеседник, — я всю жизнь боялся попасть в планетарную пехоту…

— Ладно, мудрец, заткнись. Давай работать.

Из АРК послышалось звяканье металла и сухой щелчок вставших на свои места захватов.

Семен стоял, оглушенный, словно на него обрушился непомерный, выше всяких сил, груз.

Война…

* * *

Капитан Ганс Фрайенберг ошалело смотрел в туманную сферу радара. Пять точек. Малая эскадра противника.

Гиперсфера выплюнула навстречу «Ио» его смертный приговор. Вступить в бой с пятью крейсерами — это верная смерть, но разве есть выбор? Лучше погибнуть в бою, чем попасть в штрафные батальоны форта Стеллар.

Секунды уже не решали ничего. Слишком мощной и внезапной оказалась атака.

По всему кораблю взвыли сирены. Автоматически включилась общая связь, и сотни динамиков интеркома зазвучали приятным женским голосом:

— Боевая тревога.

…

— Экипажу занять боевые посты согласно расчету.

…

— Пять тяжелых крейсеров противника. Дистанция — полтора миллиона километров. Режим атаки.

…

— Вот дерьмо! Господи, ну какой же ты… — Последнего слова Семен попросту не понял. — Это же был мой последний вылет! —

Полуистерический монолог сопровождался шелестом передергиваемого затвора импульсной винтовки.

В проеме люка АРК показалась мощная фигура.

— А ты что тут делаешь? — взревел десантник, заметив Семена. — Что, не слышал эту невидимую стерву с хорошим голосом? Нам крышка, так что дергаем отсюда!..

Закончить он не успел. Чудовищной силы удар обрушился на корабль.

«Ио» содрогнулся.

Где-то со звоном лопались экраны; на минуту погасло освещение, и под потолком вспыхнули зловещие красные цепочки аварийных ламп, затем энергоснабжение восстановилось, и оглушенные люди увидели горящую проводку и медленно расползающийся по коридорам удушливый дым…

…Семен рванулся назад, на балкон, но центральный компьютер «Ио» уже включил боевую программу. По всему кораблю одновременно захлопнулись все люки…

Ганс Фрайенберг понимал — им уже не спастись, и сопротивление лишь отодвинет неизбежный конец…

…Пять тяжелых крейсеров на экранах ходовой рубки внезапно укрупнились, превратившись из нематериальных точек в сверкающие навигационными огнями звездные крепости.

— Давай, Джон, разворачивайся! — приказал капитан, занимая место за пультом управления огнем.

Джон Селк, пытавшийся обуздать хаотичное вращение «Ио», не нуждался в понуканиях. Он сделал почти невозможное, и уцелевшие двигатели коррекции развернули покалеченный корабль бортом к противнику.

Пальцы капитана сновали по сенсорам наводки. Натужно взревели двигатели, разворачивая орудийные комплексы главного калибра. На мониторах в бешеном темпе мелькали цифры, пока Фрайенберг не утопил клавишу огня.

Первый залп пробил защиту флагмана, и в космос взметнулись фонтаны обломков. Бесноватые лучи лазерных орудий полосовали гиганта, пока ни один из них не попал в реакторный отсек.

Взрыв гиперпривода расцвел в космосе, но даже это удачное попадание не могло изменить участи «Ио». Залп четырех кораблей смел лазерные батареи малого крейсера, оставив на месте орудийных портов оплавленные дыры.

Еще истошнее взвыли сирены. Мягкий женский голос казался

издевкой над людьми, задыхающимися в удушливом дыму на борту искалеченного корабля.

— Разгерметизация пятого, седьмого, двадцатого и сорок седьмого модулей. Все уцелевшие отсеки блокированы. Потери тяжелого вооружения — девяносто процентов. Главная двигательная установка повреждена и будет отстрелена в космос. Всем перейти на аварийный режим…

…С момента появления эскадры на радарах «Ио» прошло не больше двух минут.

По периметру внутреннего космодрома ритмично вспыхивали злобные пронзительно-голубые огни. Что-то происходило на стартовых плитах девяти космических истребителей. Внезапно они вздрогнули и начали подниматься, подавая малые корабли к пусковым шахтам.

Спайт с разбега врезался плечом в запертый люк. Из глотки десантника вырвалось рычание:

— Чтоб тебе сдохнуть, жестянка чертова! — Он со всего размаха пнул толстую броню и, внезапно остыв, поплелся назад к распахнутому люку неисправного корабля.

Полуживой после реанимации, в недрах чужого корабля, чей компьютер отрезал его от Андора и Яны, Семен стоял у трапа. Он был безоружен, раздавлен, унижен. Словно неведомая сила саданула его в грудь, выбив оттуда весь воздух. Впервые за много лет он чувствовал отчаяние…

— Нас заперли! — буркнул Спайт, проходя мимо. — Эта чертова автоматика заблокировала космодром!..

От десантника исходил острый запах смерти.

Люк АРК вдруг начал закрываться.

* * *

Вторичная активация прошла мгновенно. Андору казалось, что он только что канул в небытие на борту их покалеченного корабля. Но ядерный хронометр мгновенно протрезвил машинный мозг. Прошло девяносто три года с того момента, как он отдал всю свою энергию двум накопителям криогенных камер.

За те секунды, пока происходило тестирование памяти и вторичная инициализация всех систем, внешние сканеры уловили красноватый свет аварийных ламп и характерные вибрации переборок.

Андор встал. Пластиковая капсула, в которую он был упакован, разлетелась вдребезги, до смерти напугав компьютерного техника.

— О, дьявол!.. — заорал Хоули, непроизвольно попятившись. Он не мог оторвать глаз от серебристой фигуры андроида, восставшей из транспортного контейнера. Рука техника шарила по верстакам, пока не наткнулась на приклад импульсной винтовки.

— Сэр, мне нужна любая информация о двух молодых людях, находившихся вместе со мной на борту! — проговорил андроид, молниеносным движением сжав его запястье. — Прошу вас…

Хоули выпучил глаза от боли. Винтовка со стуком упала на пол.

— Медицинский модуль!.. — непроизвольно прохрипел он.

— Благодарю вас, сэр! — Андроид подобрал оружие и, кивнув ошалевшему технику, шагнул к дверям техлаборатории.

* * *

Внутри АРК было светло и тихо.

— Черт, ну что этот визор, когда же он включится! — вырвалось у Сергея. Он копался в развороченной проводке.

На пульте управления что-то заискрило, десантник выругался, тряся рукой, но обзорные экраны все-таки ожили, высветив панораму внутреннего космодрома.

Девять космических истребителей уже поднялись к стартовым шлюзам, и те начали медленно открываться…

— АРК прикрытия стартовали, — сообщил интерком, когда последняя машина покинула космодром. — Противник начал массированную атаку посредством малых кораблей.

Стиснув зубы, Семен надевал боевой скафандр.

Где-то в недрах агонизирующего крейсера остались Яна и Андор.

Спайт смотрел на него расширенными от переизбытка адреналина глазами. Руки десантника нервно теребили приклад импульсной винтовки. Он чувствовал приближающуюся смерть, и от этого по животу разливался странный парализующий холод. Ему хотелось заорать, упасть на колени, сделать что угодно, лишь бы остановить неизбежное. «Господи, — отчаянно думал он, представляя, как приближаются к „Ио“ корабли противника, — ну почему это случилось, зачем?! Я не хочу умирать!!!»

Из глотки десантника вырвался лишь сдавленный хрип.

Семен повернулся. Его похудевшее лицо с заострившимися чертами было землисто-серым. Он не сказал ни слова, но Спайт невольно попятился от его взгляда. Эти глаза могли принадлежать кому угодно, но только не двадцатилетнему парню.

В эти секунды Семен испытывал горькую, безотчетную ярость. Мир,

который он толком не успел узнать, уже рухнул, выбивая почву из-под ног с окончательной, удручающей жестокостью.

«Мир, куда ты стремишься, породил роботов-убийц и этот сфероид…» — слова Андора пылали в его воспаленном сознании. Он не подозревал, что будет так больно расставаться с эйфорией и начинать осознавать реальность… слишком поздно, мучительно и бессмысленно…

Сергей на мгновение оторвал взгляд от приборов и хмуро посмотрел на искаженное страданием лицо Семена.

Никто из них не сказал ни слова. В кабине истребителя стояла гробовая тишина, лишь сдавленно попискивали сигналы пульта.

— Послушай, — хрипло произнес Спайт, сам понимая, что считанные минуты отведены им на последний вздох, — уходи. Это не твоя война. — Он постучал пальцем по монитору, указывая на огромные ворота в конце космодрома. — Там ангар с планетарной техникой, — торопливо пояснил он. — Роботы не будут обшаривать корабль. Они выдерут навигационный кристалл и уберутся.

Семен посмотрел в глаза Спайта. Он опять не мог найти названия своим чувствам. Словно мимолетный солнечный луч коснулся его судьбы, высветив на мгновение сокровенную мечту; он попытался разглядеть ее, замирая от новизны и восторга, но луч погас, оставив недоумение и боль. Вокруг сомкнулся смертельный мрак, привычный, как старая одежда.

Спайт почувствовал, как стягивает лицо, уродуя черты, судорога.

— Ты должен жить, понимаешь! — внезапно сорвавшись, выкрикнул он, отступая к люку орудийного купола. — Иди, мы с Серегой прикроем тебя!

Семен сделал шаг. Его сознание рушилось, переворачиваясь вверх дном. Он должен спасти Яну. Этот мир не принес ему ничего, кроме новой, бессмысленной войны, которую развязали эти люди. Тогда откуда эта волна горького тепла? Кто они для него? Двое мужчин, полузадохнувшихся от ужаса перед надвигающейся смертью, но готовых прикрыть его спину?

— Я вернусь, — внезапно сказал он.

* * *

В коридоре, куда попал Андор, царил вакуум, и он был блокирован герметичными переборками. Свободным оставался лишь вход в одну из блистерных башен. Отодвинув заклинивший люк, андроид протиснулся в образовавшуюся щель.

Сферическое помещение, выполненное из прозрачного бронесплава, тонуло во тьме, но Андор прекрасно обходился без света.

В выпуклой стене блистера зияла дыра, кресло стрелка пустовало. На пультах не горел ни один сигнал.

Андор перешел в режим сканирования, и через несколько секунд неисправность была обнаружена. Луч лазера, пробивший купол, рассек основной кабель питания.

Восстановив цепь, Андор уселся в кресло. Теперь он имел все необходимое. Радар вакуумного орудия развернул перед ним динамичную картину окружающего космоса, где шел ожесточенный бой между девятью АРК и истребителями прикрытия. Из пальцев андроида выдвинулись контакты. Он воткнул кисть в разъем пульта, слившись с процессором орудия.

Десять секунд ушло на то, чтобы сломать защиту центрального процессора «Ио», еще пятнадцать — чтобы завладеть основными программами.

Судя по развернувшейся перед ним схеме, Яна находилась в медицинском модуле, двумя палубами выше. Жизнь его подопечной пока была вне опасности. Модуль располагался под защитой других помещений и имел свои источники питания. С Семеном дело обстояло намного хуже. Его сигнал был обнаружен на внутреннем космодроме и сливался с двумя другими.

Внимание Андора переключилось на окрестный космос.

…Три десантных рейдера под прикрытием истребителей приближались к «Ио». Крейсеры дали еще один залп и развернулись кормой к умирающему кораблю.

«Ио» больше не представлял для них никакого интереса — теперь им займутся десантные группы.

Четыре тяжелых звездолета отошли на некоторое расстояние и, включив гиперсферный привод, скрылись с экранов.

АРК прикрытия были уничтожены.

Десять наносекунд фотонный процессор андроида анализировал обстановку. Траектории десантных машин вели к внутреннему космодрому. Сканирование показало, что они несут на борту девяносто штурмовых роботов неизвестной конструкции. Люди отсутствовали.

Собственно, «Ио» уже выполнил свою функцию. Он передал сигнал на Стеллар, и кораблю-смертнику оставалось лишь покориться судьбе. Он заранее был приговорен, и каждый на борту понимал это. Спасти корабль могло лишь сверхъестественное стечение обстоятельств.

Вторая рука андроида легла на клавиатуру боевой консоли.

Он был тем фактором, который не учла судьба.

…Несколько секунд в тесной кабине космического истребителя было тихо. Сергей продолжал возиться с пультом, соединяя напрямую толстые жгуты энерговодов. Автоматика протестовала, на дисплеях вспыхивали коды ошибок, но он не обращал внимания ни на них, ни на фейерверки искр, рвущиеся из недр развороченных приборных панелей.

Наконец ожил главный монитор корабля, показав окрестности агонизирующего крейсера. Рядом вспыхнул ровным голубым светом радар.

Три дискообразных аппарата, под прикрытием четырех тупорылых истребителей, приближались к «Ио». Других кораблей в зоне действия радара не было.

Сергей облегченно вздохнул.

— Они отвалили, — констатировал он. — Это всего лишь штурмовая группа!

— Да, но наших АРК тоже нет! — сумрачно заметил Спайт.

Сканеры пульта выкинули первые цифры и строчки машинных кодов.

В этот момент «Ио» задрожал, словно на его обшивке кто-то большой начал отбивать захлебывающуюся барабанную дробь.

Немногие из оставшихся в живых членов экипажа были потрясены. Ожила развороченная прямым попаданием лазера блистерная башня.

— Этого не может быть! — Фрайенберг застучал по клавиатуре, но компьютер отказывался воспринимать команды. По схеме распределения личного состава он видел, что в башне нет никого… по крайней мере, никого живого!..

Истребители прикрытия полным ходом влетели в зону заградительного огня, и в космосе расцвели четыре оранжевые вспышки, сопровождаемые фонтанами разлетающихся обломков.

Боковые мониторы показывали ирреальную картину: темный блистерный купол, с дырой в центре, внезапно развернулся, словно им управлял сам дьявол; расположенные по его периметру батареи вакуумных орудий синхронно повели стволами и задрожали, впечатывая снаряды в десантный рейдер противника.

Ближний космос взорвался. Ослепительная вспышка на мгновение погасила мониторы, а когда они ожили, возле «Ио» лениво разлетались обломки, сквозь которые с трудом продирались два атакующих рейдера..

Злое стаккато двадцати орудий не стихало, с чудовищной скоростью опустошая артиллерийские погреба. Одинокий, ничтожный блистер, управляемый неведомой силой, полыхал огнем, совершая невозможное, по крайней мере с точки зрения людей, уже поверивших в неотвратимость своей смерти. Вакуумные турели вращались, с нечеловеческой точностью,

отыскивая среди обломков уцелевших после взрыва роботов. Снаряды разносили их в клочья.

Схватка заняла не больше двадцати секунд. Люди на борту еще не опомнились от изумления, а второй штурмовой корабль развалился вслед за первым. Однако третий успел отвернуть и, прикрываясь обломками, спикировал на блистер.

Залп фазерных излучателей превратил последнюю надежду «Ио» в уродливую дыру.

Теперь корабль был в полной власти противника…

— Все, приехали, — злорадно ухмыльнулся Спайт. Он захлопнул забрало гермошлема и полез в узкий люк стрелкового отсека.

Прозрачный купол АРК развернулся вокруг своей оси; из открывшихся орудийных люков выдвинулось шесть стволов вакуумной турели.

— Серега, закрепи опоры истребителя! — прорычал в интеркоме голос десантника. — Клянусь змееедами Прокуса, там нет людей, а у машин сам знаешь, какие мозги. Они обязательно полезут через космодром!

Рейдер штурмовой группы приближался, рос на всех мониторах, и его движение было неумолимо нацелено на стартовые шлюзы внутреннего космодрома «Ио».

Сергей нажал клавишу, и опоры АРК намертво приросли к стартовой плите.

— Готово! Я выхожу наружу…

Его прервал грохот взламываемых шлюзов. Воздух со свистом рванул в безобразные отверстия, срывая оборудование космодрома и увлекая его за собой.

Сергей оцепенел, наблюдая, как вишневая от нагрева броня крейсера медленно вспучивалась под напором чудовищной силы атакующего корабля, — вот она не выдержала и лопнула, осыпаясь мягкими, раскаленными ошметьями, и на стартовые плиты наполз черный дискообразный корпус автоматического десантного рейдера.

Через мгновение его борт прорезала щель открывающегося люка.

* * *

Семен не видел дикой дуэли рейдеров с блистерной башней. Взломав электронный запор ангара, он запрограммировал компьютер тяжелого вездехода и затаился подле ворот. Он знал, что у него будет только одна попытка, чтобы прорваться внутрь «Ио».

В открывшемся люке рейдера сверкнул пандус, и на него наползла первая зловещая тень.

Боевые машины сильно эволюционировали за последнюю сотню лет. Тяжелые бронированные монстры Острова Надежды выглядели ископаемыми реликтами на фоне изящных, обтекаемых форм нового поколения кибернетических убийц. Базовая модель напоминала паука. Каплеобразное метровое туловище со вздутием в передней части оснащалось десятью манипуляторами толщиной с человеческую руку. Тросики и шланги сервоприводов оплетали их, как мышцы. Реактивный двигатель и генератор антиграва делали их стремительными и смертельно опасными.

Десантный рейдер напоминал матку, породившую из своего чрева три десятка детенышей. В этот момент они парили, растянувшись цепью во всю ширину внутреннего космодрома «Ио», дожидаясь какого-то сигнала. Шустро вращались радарные лопасти, видеокамеры сканеров обшаривали зал своими тусклыми глазницами, слегка вибрировали поджатые под брюхо конечности, да ритмично пульсировали зловещие пятна лепестковых диафрагм, скрывающие неизвестное количество вооружения…

В этот момент заговорила орудийная башня АРК.

Шесть стволов автоматической вакуумной турели захлебнулись остервенелым лаем, гулко отдававшимся внутри корабля. Шквал кумулятивных снарядов сметал роботов вместе с частью обшивки, обнажая изуродованную арматуру бронеплит. Сверху раздались звонкие шлепки падающих на пол стрелкового отсека отстрелянных обойм вперемешку с непристойными эпитетами, срывающимися с губ Спайта.

— Давай, Серега, уходи… — заорал он, плавно спуская гашетку. Орудие выплюнуло новую порцию огня и металла, но жалящий луч, вырвавшийся с рейдера, оборвал его очередь, перечеркнув блистер вместе со стрелком и орудиями.

— Уходи… — прохрипел Спайт, удивленно уставившись на нижнюю часть своего туловища, которая вдруг отделилась от верхней. Он еще пытался что-то сказать, но наступивший вакуум избавил его от мук.

Одинокая фигура в боевом скафандре скатилась по трапу АРК и затаилась под телескопическими опорами, среди путаницы шлангов и обслуживающих ферм.

Сергей понял, что ему уже не выбраться из этой передряги. Сколько веревочке ни виться… Он по очереди отвел затворы двух смотанных вместе куском провода импульсных винтовок, отпустил, проверяя, нет ли заеданий, вогнал магазины и полез по обшивке АРК к развороченному

стрелковому куполу.

Правая часть Спайта держалась скрюченными пальцами за гашетку уничтоженной лазером турели. Левая, вместе с головой и частью орудия, уплыла в неизвестном направлении…

Сергей включил холостой ход двигателей ранца. На прозрачном приборном планшете, расположенном перед выпуклым стеклом гермошлема, вспыхнула надпись: «Зажигание».

Черные фигуры боевых машин образовали полукруг, надвигаясь на АРК.

Сергей приготовился. Он понимал, что судьба уже свершилась и ему осталось лишь несколько секунд на последний вздох…

Он подался вперед, распластавшись по треснутому бронестеклу блистера. В паутине электронного прицела медленно проползала панорама развороченного космодрома. Наконец перекрестье сошлось на обсидиановой броне головного робота.

Сергей плавно потянул гашетку, с упоением наблюдая, как заплясали вспышки разрывов, кромсая корпус машины, отрывая манипуляторы и дробя неживое нутро…

Ответом был шквальный огонь, мгновенно подрубивший опоры АРК. Корабль вздрогнул, вбирая импульсы бьющих в него снарядов, и тяжело подался назад, сбивая стартовые штанги и заправочные фермы.

Сергей успел прыгнуть в сторону и теперь, оказавшись в путанице оборванных шлангов и беспорядочно разлетающихся ферм обслуживания, совершенно потерял ориентацию.

В следующее мгновение заправочная штанга ударила его в грудь, припечатав к полу. В глазах помутилось, но прежде, чем сознание покинуло его, Сергей успел заметить зловещую тень боевой машины, наползающую на его шлем…

* * *

Штурмовой робот, словно смерч, несся по главному тоннелю «Ио». Суставчатые лапы были вытянуты вдоль корпуса, из оружейных люков не умолкая били две автоматические пушки, прошивая снарядами широкий коридор.

Герметичные двери ходовой рубки вышибло внутрь.

Капитан Фрайенберг вскинул тяжелый излучатель, но два снаряда отшвырнули его на пульт.

Он умер мгновенно. Робот затормозил. Суставы манипуляторов расправились. Сканеры обследовали рубку. Центральный процессор

корабля был обесточен. Захваты навигационного кристалла пусты.

Робот подплыл к пульту управления. Отпихнув тело человека, его манипулятор вошел в разъемы навигационного терминала. На внутреннем дисплее боевой машины вспыхнула панорама окрестного космоса.

Пять ярких точек приближались к «Ио».

Это были корабли противника. Они только что вышли из гиперсферы и сближались с покалеченным крейсером в режиме боевого торможения.

Информация была тут же передана на базовый корабль.

Секунду спустя от центрального процессора рейдера пришел приказ о самоликвидации.

В рубке «Ио» расцвела голубая вспышка.

* * *

Передовая десантная группа ворвалась на космодром «Ио» спустя несколько минут.

Десантники, проникнув через взломанные стартовые шахты, падали на пол, группировались, заученными движениями откатываясь в сторону, и замирали в ожидании команд.

— Вперед!

Цепь перебежками начала движение.

Лейтенант первым налетел на остов боевой машины.

— О Господи!.. — не в силах скрыть изумления, прошептал он.

Десантники остановились. Они ожидали увидеть, что угодно, только не это…

Весь космодром был усеян боевыми роботами. У стены застыл изуродованный планетарный танк. Чуть в стороне возвышалась груда изувеченного металла, в которой с большой натяжкой можно было признать корпус АРК.

— Кто мне объяснит, что тут произошло? — не выдержал один из десантников, засунув палец в аккуратную дырку на корпусе робота. Кумулятивный снаряд пробил электронное нутро точно по центру. Рядом, завалившись на три скрюченные конечности, стоял его собрат… с простреленными видеокамерами!

— Похоже, здесь упражнялся в стрельбе взвод снайперов, — проворчал седоусый капрал, носком ботинка перевернув другого робота, которому чей-то выстрел выжег дырку в том месте, где сходились воедино все тросики сервоприводов.

— Мать вашу, откуда тут взяться снайперам?! Это же корабль-смертник! Тут экипажа-то на взвод не наскребешь!

Десантники двинулись вперед, непроизвольно озираясь по сторонам. Они привыкли смотреть в глаза смерти, но стоило взглянуть на эти расчетливо изуродованные машины, как в сердце закрадывался жуткий вопрос: способен ли на такое человек?..

— Господи, не хотел бы я оказаться тут полчаса назад!.. — поежился лейтенант. — Ладно, ребята, будем прочесывать корабль.

* * *

— «Ио», вас вызывает «Генезис»! Повторяю, всем, кто на борту, если вы живы, оставайтесь на местах, мы посылаем десантные группы. Держитесь, через несколько минут мы вас вытащим…

Семен в изнеможении опустился на пол медицинского отсека, наблюдая, как Андор терзает аппаратуру реанимационной камеры.

Яна была жива.

— Мы на подходе! — бился в коммуникаторе гермошлема незнакомый человеческий голос. — Рейдер противника самоликвидировался. Парни, вам больше не нужно прятаться…

Это были люди… Люди, о которых он мечтал в мрачных недрах сфероида.

По щеке Семена скатилась слеза.

Глава 12

Низкий горизонт, подпертый клубящейся грядой облаков, встречал восход голубого солнца. Красное уже клонилось к закату, желтое стояло в зените, и потому ослепительно сверкающие рощи, разбросанные по бескрайней равнине, отбрасывали сразу три тени — одну короткую и две длинные.

Благословенный край вечного лета, фантастических теплых дней, когда в небе поочередно сияют три звезды, редкие ночи, выпадающие всего два раза в месяц, когда меркнет сияние трех солнц и в посеревшее небо выползает Стеллар — гигантский, серебристо-желтый диск, на теле которого сверкающими спрутами растеклись кляксы накрытых силовыми куполами городов да зловещие тени защитных орбитальных станций — стальных гарантов безопасности планеты…

Планета Рори — родина знаменитых Зеркальных деревьев.

Планета Рори — благословенный щедрый край, горы которого так же смертельны для неподготовленного человека, как укус ядовитого фромга.

Мир, куда запрещено опускаться космическим кораблям, где не встретишь гигантские полу механические мегаполисы, окруженные свалками отходов. Здесь нет городов, и ни один сверхнебоскреб не соперничает с горными вершинами.

Причиной всему были Зеркальные деревья — настоящие хозяева планеты, появившиеся тут еще до того, как человек покинул пещеры и вырвался в космос.

Семен полюбил эту планету особой, неповторимой любовью. Все его мечты, детские грезы, навеянные сказками отца, обрели реальность, воплотившись в бескрайние ландшафты бархатно-зеленых равнин и сверкающих гор.

Он обернулся. Джедиан и Яна, оживленно беседуя, играли в некую разновидность большого тенниса.

— Джед, вы не устали? — спросил он, подойдя к ограждению площадки.

Яна звонко рассмеялась, вытирая полотенцем капельки пота.

— Чудесно. Я бы выпила что-нибудь прохладное.

— Пошли. Мы заслужили пару коктейлей! — подхватил Джедиан, с восхищением оглядывая девушку. Ему явно была по душе миссия, порученная командующим Стеллара.

Под крышей веранды шикарной одноэтажной виллы было прохладно. Они расселись в плетеных креслах.

— Завтра вечером в Форте Стеллар объявлен прием в честь внука командующего, — сообщил Джедиан. — Дед объявит тебя наследником.

— Что это значит?

— Должность командующего Фортом Стеллар передается по наследству. Собственно эта планета и ее спутник — частное владение Воронцова. За сотню лет он сумел прибрать к рукам почти все. Но титул не главное. Есть еще миллиарды в галактических банках и баснословный доход от монополии на торговлю Зеркальным деревом. Теперь ты — единственный прямой наследник, — заключил он.

— Значит, мое появление отодвинуло тебя на второй план? — спросил Семен.

Джедиан побледнел.

— Ты задаешь бестактные вопросы! — вспылил он.

— Извини. — Семен встал. — Я еще не научился говорить не о том, о чем бы хотел сказать. Это трудная наука.

Аллея тенистых деревьев привела его к террасе. Здесь, на открытой площадке, возвышались защитные отражатели. Пройдя мимо вышек с караульными роботами, он вошел в здание. Ноги сами несли его в библиотеку.

Андор, как и час назад, сидел в кресле. Кисть андроида тонула в недрах электронного блока. Он читал.

Семен сел в кресло.

Андроид внимательно посмотрел на юношу и покачал головой.

— Тебе плохо, — бесстрастно констатировал он.

Семен кивнул.

Андор извлек пальцы из контактного разъема.

— Теория вероятности говорит, что ты выиграл один шанс из миллиарда, — изрек он.

— Почему ты не пошел с нами?

— Твой троюродный брат ненавидит меня. Он считает личным оскорблением существование жестянки, которая разгуливает по его вилле с видом мыслящего существа. По его мнению, меня следует законсервировать или утилизировать.

Глаза Семена затуманились. Он был счастлив и несчастен одновременно. Окружающий мир природы казался ему простым и прекрасным, мир людей зачастую оказывался чужд и непонятен.

— Расскажи мне историю планеты, — попросил он.

Андор глубокомысленно развел руками.

— Ты полюбил этот мир.

— Да, — в голосе Семена прозвучал вызов. Он не понимал своего состояния. Как будто ему предстояло потерять все самое дорогое — он предчувствовал это, но ничего не мог сделать…

В центре библиотеки, в метре от пола вспыхнуло объемное изображение планеты.

— Этот мир уникален. Планета не имеет наклона оси, и, следовательно, времена года отсутствуют. Три солнца системы извергают на нее потоки своей энергии, сжигая экватор и оставляя полюса скованными вечным льдом. Трудно предположить условия, худшие для зарождения и развития органической жизни. Однако она возникла, и это произошло в узкой полосе между двумя пустынями — на границе света и мрака, нестерпимой жары и жуткого холода.

Андор щелкнул пальцами, и две полосы, в северном и южном полушариях, окольцевали планету. Рассказ андроида был интересен, и Семен полностью погрузился в него, забыв на время о терзавших его проблемах.

— Итак, первые организмы эволюционировали и вскоре заполнили тесный ареал обитания. Ветвь животной эволюции быстро зашла в тупик — слишком мало места и пищи, — и в итоге выжили более медлительные и неприхотливые представители растительного мира планеты.

Он прервался, чтобы сделать переключение на оперативном пульте, библиотеки. Семен утонул в кресле. Если прикрыть глаза, то можно мысленно вернуть те дни…

— Ты не ошибся, нажимая кнопки?

Рука Андора повисла в воздухе.

— Что-то я не заметил ни ледников, ни знойных пустынь, — пояснил Семен. — Или люди развернули планету?

— Нет, люди тут ни при чем. Иногда законы небесной механики попираются самой природой, вернее ее эволюцией. Растительные формы быстро заполнили тесный ареал обитания и начали гибнуть, пытаясь вырваться за пределы благоприятной климатической зоны. Миллионы лет они боролись с жарой, гибли, оставляя чахлое потомство, мутировали, пока наконец замысловатые пути эволюции не породили первое Зеркальное дерево. Если проводить аналогии, то это событие равнозначно появлению на Земле первых млекопитающих, — в обоих случаях новый вид становится доминирующим, и его появление предопределяет весь

дальнейший ход эволюции.

В пространстве перед Семеном материализовалась генеалогическая история Зеркального дерева — от первых приземистых вьюнов с кривыми стеблями и цепкими корешками до современных семидесятиметровых исполинов. Переходных форм было около сотни, и все растения объединяло одно — тонкий слой серебристой субстанции, покрывающий стволы и листья. «Как будто их окунули в жидкую ртуть», — подумал Семен.

— Исследования установили, что Зеркальным деревьям потребовался миллиард лет, чтобы полностью завоевать жаркий пояс и соединиться в зоне экватора. И на протяжении всего периода их наступления происходило постепенное изменение климата.

В центре библиотеки воздух сгустился, принимая очертания рельефной карты полушарий.

— Как видишь, экваториальный пояс планеты почти сплошь покрыт горами. На него приходится около семидесяти процентов энергии, получаемой планетой. Зеркальные деревья, завоевывая новое жизненное пространство, постепенно ползли по склонам, их полуметровые листья отражали свет трех солнц, посылая его далеко вокруг. Таким образом энергетический баланс, установленный законами небесной механики, был нарушен. Сегодня мы наблюдаем конечный результат процесса, который длился приблизительно три миллиарда лет. Основная часть Зеркальных деревьев сейчас сосредоточена в зоне экватора. Они принимают потоки излучения трех солнц и отражают его к горизонту. Там часть излучения рассеивается по равнине, превращая некогда умеренный пояс в субтропики, а часть переизлучается новыми массивами деревьев дальше к полюсам. Ледовые шапки обоих полушарий уже миллион лет принадлежат истории, и на их месте прекрасно себя чувствуют незеркальные растительные формы, долгое время безуспешно боровшиеся за выживание на границе льдов…

Андор выключил голограф.

— И это все? — Семен вопросительно взглянул на андроида.

Андор замер под пристальным взглядом юноши.

— Ты забыл упомянуть кое о чем… — Семен встал и прошел к бару. — Например, об этих огромных отражателях вокруг виллы, — он очертил рукой с бокалом воображаемый периметр. — Они, между прочим, управляются целым компьютерным комплексом. Или о том, почему тут нет ни одного здания выше двух этажей. Почему города строят на Стелларе, где нет воздуха и приходится прибегать к силовым куполам.

Андор пожал плечами. В обществе людей он вел себя как человек.

— Это уже другая часть истории.

— Вот и расскажи мне ее.

— Зачем? Ты задаешь вопросы по существу, а значит, сам уже пришел к определенным выводам.

— Извини, Андор. Я пытаюсь разобраться. Ты третьи сутки не вылезаешь отсюда. Твой процессор за это время способен проанализировать всю историю Рори и Стеллара.

— Хорошо, — андроид хотел улыбнуться, но не стал — овладение мимикой пластикового лица оказалось слишком сложной задачей, и он боялся экспериментировать, понимая, в каком состоянии находится Семен.

Юноша поставил пустой бокал и подошел к окну.

— Появление людей явилось катастрофой для этого мира, — не оборачиваясь, сказал он.

— Я не хочу делать выводы. Ты просил информацию. Так вот, планета Рори была открыта разведывательным кораблем Тройственного союза. Как известно, в него входило около пятнадцати планет, и потому изначально тут не оказалось единой власти. Колонизация этого мира скорее напоминала золотую лихорадку. Нетрудно представить, каким спросом пользуется на галактическом рынке Зеркальное дерево. Тройственный союз развалился спустя два года, и все, кто был в состоянии купить билет на межзвездный транспорт и лицензию на торговлю у стихийно возникших местных властей, устремились сюда, пока корпорации и организованные теневики не наложили лапу на разработки. За двадцать лет было вырублено около четверти Зеркальных деревьев. На вырубках росли бессистемные поселения.

В 2700 году Свободные колонии перешли к тактике активной обороны и укреплению своих космических баз. В то время военные флоты различных мелких союзов и группировок планет властвовали в пространстве. Чтобы обуздать их беспредел и как-то контролировать военное присутствие в различных секторах освоенного космоса, Колонии приступили к строительству так называемой «Сферы стратегических интересов», которая представляла собой сеть опорных баз и космических фортов, действительно замыкавших собой сферу пространства, в центре которой лежали скопления планет союза Свободных колоний.

Командор второго ранга Владимир Воронцов прибыл сюда в 2703 году во главе десяти транспортов и пяти боевых кораблей, для переговоров с правительством Рори, но разразившаяся катастрофа сделала их невозможными.

Бессистемная вырубка Зеркальных деревьев нарушила сложившийся на планете энергетический баланс. Оставшиеся деревья уже не могли отразить всей энергии трех солнц. В этой ситуации они внезапно обнаружили другую уникальную способность — взрослое дерево могло аккумулировать излишек энергии. Однако темпы вырубки нарастали. Наступил кризис, когда и живые накопители уже не смогли справиться с избытком излучения звезд…

Андор склонил голову и посмотрел в окно, где медленно вращались вокруг своей оси сверкающие пластины отражателей. Вокруг раскинулся умытый дождем тенистый парк, но процессор андроида рисовал совсем иные картины…

— Немногие оставшиеся в живых очевидцы рассказывали, что кроны деревьев светились от накопленной энергии, — продолжил он, — между ветвями били разряды, а в небесах плясали огни святого Эльма. Затем вся планета вдруг превратилась в гигантский разрядник, деревья начали сброс накопленной энергии. Дожди шаровых молний обрушились на города, испепеляя все, и в этом вихре могли уцелеть лишь исконные формы жизни, приспособленные к высокой энергетике плазменного уровня.

Колонии Рори больше не существовало. Корабли Воронцова, имевшие энергетическую защиту, смогли подобрать лишь три сотни несчастных. Вырубка прекратилась — планета жестоко расправилась с колонизаторами, но это не вернуло ей утраченного баланса…

Андор выключил голографический проектор и сел.

— Значит, разряды не прекратились? — спросил Семен. Он выглядел подавленным.

Андор отрицательно покачал головой.

— Теперь вырубка ведется очень осторожно, — пояснил он. — Под научным руководством центра Стеллар, и засаживаются огромные площади, но с увеличением количества Зеркальных деревьев стихийные разряды не прекратились, они лишь стали реже. Предсказать энергетическую бурю удается крайне редко — потому здания не поднимаются выше двух этажей. Зеркала-отражатели охраняют каждую постройку, а в небе могут летать только специально оборудованные корабли.

Семен встал и подошел к окну.

Он думал. Напряжение мысли выматывало его, и без того измученного криогенной камерой, реанимацией и схваткой на «Ио»…

— Ты не можешь отвечать за поступки цивилизации, — спустя некоторое время осторожно высказался Андор.

— Ты прав. Но я могу анализировать эти поступки, — ответил Семен. — Рори лишь эпизод, частность галактической Экспансии человечества.

— Ты не в силах что-либо изменить.

— Пока что я анализирую, — повторил Семен.

— Мне не нравится твое настроение. Я предупреждал тебя и Яну, что вам трудно будет вписаться в жизнь общества…

— Не нужно, Андор, — вздохнул Семен. — Я не собираюсь судить человечество. Я лишь пытаюсь обосновать для себя мотивы некоторых поступков людей. К тому же Яна чувствует себя совсем неплохо. — Семену не удалось скрыть горечь. — Спасибо, ты мне помог. Сегодня вечером мы с Яной и Джедианом улетаем на Стеллар. Ты составишь нам компанию?

— Боюсь, что нет. Во-первых, мне кажется, что андроид не приглашен на прием к адмиралу, а во-вторых, ты просил меня подготовить краткий обзор галактических войн. Могу я поинтересоваться — зачем?

— Пока что нет. Я сам еще толком не знаю зачем. Одни смутные мысли вот тут, — Семен похлопал себя по лбу, — ты, главное, не забудь скопировать звездные карты всех сражений, ладно?

— Хорошо. Все будет готово к вашему возвращению.

С террасы донесся смех Яны.

— Ну все. — Семен хлопнул Андора по плечу и заторопился к выходу. — До встречи.

Андроид кивнул. Его стремление понять мотивы некоторых поступков людей было не меньше, чем у Семена. Кое-что для этого он уже сделал, и, глядя вслед удаляющемуся воспитаннику, Андор вдруг отметил, что испытывает странный дискомфорт в некоторых цепях своего сверхсложного фотонного мозга. «Быть может, у людей это называется боль? — подумал он. — Или тревога?»

В коридоре, связывающем столовую и библиотеку, появился Джедиан, и Андор отступил в тень, чтобы лишний раз не попадаться на глаза формальному хозяину виллы. Подтянув к себе оперативную панель, он включился в цепь информационного хранилища и послал запрос: «Боевые действия в космосе. Полный обзор с периода 2600 года».

Глава 13

…Мы покидали сфероид с мучительной, трепетной надеждой. Нас ждала неизвестность, и у меня это вызывало некое подобие восторга. Я предвкушал ту новизну, что откроется перед нами в населенных человечеством мирах. Теперь я понимаю — для Семена и Яны было бы лучше, сгори цивилизация дотла в котле двух галактических войн, тогда они сохранили бы свою память о людях горькой, но светлой и нетронутой мечтой.

Впервые с момента активации я испытываю чувство, инициализированное моим процессором как СТРАХ. Моя сущность распадается на две половины, и трещина между ними катастрофически превращается в пропасть. С одной стороны, холодная логика базовых программ, с другой — жизненный опыт моей личности. Я человек и машина одновременно. Мое металлокерамическое тело мешает мне и доставляет массу неудобств.

Я жду. Страх гложет блоки логической памяти, мешая их работе. Два человека, которых я люблю, ушли, чтобы вернуться другими. Моя судьба меня не заботит: фотонный процессор — это все еще завтрашний день цивилизации. Ни одна машина просто не в состоянии тягаться со мной. Я боюсь за них, но вынужден бездействовать. Сейчас я начинаю понимать, почему существа, наделенные чувствами, неизбежно изобретают религии. Мне тоже хочется молиться, не важно, каким богам, лишь бы Семен и Яна не потеряли себя. Мое логическое восприятие мира распространяется далеко за пределы обозримого будущего цивилизации, и я понимаю — завтрашний день за ними. Вмешиваться в ход истории — это глупая самонадеянность. Я не в состоянии изменить мир — он не готов к переменам и не желает их. Но если не такие, как они, то кто?.. Кто сможет остановить человечество в его безумном падении в пропасть, в смертельной для цивилизации игре с беспощадными силами? Кто соберет осколки человечества, после того как грянет апокалипсис?

Я клянусь, что никогда не буду влиять на их решения. Они люди. Я был и буду их верным другом. Без них я — ничто. Просто отличная машина, равной которой нет… как нет равных Семену и Яне… Я — следующее поколение машин. Они — следующее поколение людей.

Боги, если вы есть, дайте им сил сохранить свои души…

* * *

Неуклюжий орбитальный челнок, покрытый тремя слоями отражающей брони, осторожно пробирался в небесах Рори. Его вела автоматика, но Джедиан на всякий случай занял кресло пилота в тесной кабине управления.

В душе его царил настоящий ад.

Он проклинал себя за минутную слабость. Всего на мгновение он поддался человеческому состраданию и тем самым разрушил свое будущее… Ему следовало сразу же уничтожить тот злосчастный кристаллодиск с расшифрованными воспоминаниями Семена…

На мгновение ему стало не по себе. Джедиан чувствовал, что стремительно теряет контроль над собственным разумом. Словно в душе разверзлась пропасть, о существовании которой он и не подозревал. Мысль о потерянном наследстве буквально сводила его с ума.

В довершение всех мук в кабину управления вошел Семен.

— Яна уснула, — пояснил он, найдя себе место сбоку от пилотского кресла. — Мы долго будем так ползти? — спросил он, наблюдая, как две шаровые молнии безуспешно пытаются догнать челнок, болтаясь в турбулентной струе его двигателей.

— Еще двадцать минут, — выдавил Джедиан.

Корабль входил в многокилометровый слой напитанных водой облаков, и обзорные экраны начала заволакивать серая муть.

— Ты бы шел в салон, — угрюмо посоветовал Ланге. — Впереди грозовой фронт, и скоро начнется болтанка.

— Почему мы не увеличим скорость? — Казалось, Семен намеренно игнорировал его последнюю фразу.

Джедиан мысленно сосчитал до десяти.

— Здесь полно электричества. Ты же не хочешь, чтобы сотня шаровых молний села нам на хвост?

— Их скорость слишком мала, — возразил Семен. — Расчет возможностей силовой установки челнока позволяет выставить задний экран, не нарушая питания двигателей.

— Ты откуда знаешь?

— Это простая арифметика, — улыбнулся Семен.

— Посчитал в уме, да?

Семен пожал плечами, наблюдая, как по правому борту челнока клубятся свинцовые облачные замки. С их вершин в серую муть то и дело били молнии. Раскаты грома ощутимо раскачивали корабль.

Джедиан с трудом сдерживал свой гнев. Что он тут корчит из себя? Подумать только, всего пару недель назад он держал в своих руках судьбу

этого найденыша! Уничтожь он тогда диск, и «Ио» канул бы в глубинах космоса изуродованным куском металла, в полном соответствии со своим предназначением!..

Теперь же все пошло прахом. Он с ненавистью посмотрел в спину Семена. Если этот старый маразматик Воронцов объявит его наследником, то он, Джедиан, уже ничего не сможет поделать. Придушить его сейчас, что ли, собственными руками?..

На мгновение он ухватился за эту безумную мысль, но тут же отрезвел, представив последствия. Адмирал распнет его без суда и следствия, если хоть один волос упадет с головы Семена. Он для него — тень из прошлого, грех, который не смыть ни слезами, ни кровью. Старый дурак решил откупиться от собственной совести…

Стоп!.. А знает ли Семен, кто приговорил его отца, бросив подыхать на обломке корабля? И вообще, сын ли он Андрею?.. Джедиана даже заколотило от таких мыслей. Он непроизвольно оглянулся, но Семен по-прежнему наблюдал за полетом, присев на край пульта. Мысли Ланге вернулись в прежнее русло. Нигде в воспоминаниях Семена не фигурирует его мать! Кто сказал, что среди уцелевших были женщины?

Проклятие Шииста!.. Даже если он тот, за кого себя выдает, стоит посеять у деда сомнения! Да, конечно! Он просто обязан столкнуть их лбами! «Зная характер адмирала, можно достичь поразительных результатов! — Джедиан наконец понял, что его мозг заработал в верном направлении… — Безусловно, — думал он, — нужно потребовать сравнения генотипов!»

Казалось, Семен уловил его мысли.

— Я вмешался в твою жизнь, — не оборачиваясь, проговорил он. — Но ты ошибаешься, если думаешь, что мне нужны миллиарды Воронцова.

Джедиан вцепился в подлокотники кресла.

Это уже выходило из ряда вон!

Семен повернулся.

— Мы просто хотели вернуться, понимаешь?! — с горечью проговорил он. — Все равно куда, лишь бы к людям.

— Твое счастье, что ты попал в систему Рори!.. — уже не в силах сдерживать себя, прохрипел Ланге. — Только поэтому ты до сих пор жив! Знаешь, что было бы с тобой, попади ты на любую другую планету? Ты уже сдох бы с голода! Твоего ублюдочного робота вышвырнули бы в утиль, а Яна никогда бы не очнулась, потому что у тебя нет ни гроша, чтобы платить за еду и лечение! Что ты можешь? — Джедиан привстал в кресле. — Вокруг полно нищих! С какой стати кто-то стал бы помогать

тебе? Из сострадания? Да на любой планете ты увидишь тысячи голодных детей! И они умирают!

Лицо Семена посерело.

— Мне не нужен ни твой мир, ни твои миллиарды! — повторил он. — Вы все свихнувшиеся идиоты, если позволяете унижать собственных детей и спокойно смотрите, как они умирают! Вы истребите сами себя!

— Тогда зачем ты летишь на Стеллар?! — в бешенстве выкрикнул Ланге.

— Это не твое дело. Я хочу увидеть Воронцова.

— Ага, значит, ты признаешь власть денег. Без них ты — ничто! А ты знаешь, что адмирал Воронцов обрек на смерть собственного сына — твоего отца?! — уже абсолютно не контролируя себя, выпалил Джедиан. — Да, да! Можешь поднять архивы! Он бросил своего сына умирать в обломках ради собственной карьеры! Во имя тех самых миллиардов!

— Хватит! — внезапно оборвал его Семен. — Я знаю об этом…

Джедиан выпучил глаза, в замешательстве рухнув назад, в кресло.

— Откуда?! — выдавил он.

Семен был бледен как смерть.

— Я читал дневники своего отца, — ответил он. — И можешь не сомневаться, у меня нет иллюзий относительно того, куда я вернулся!

Он развернулся, чтобы уйти, но задержался на пороге отсека.

— Не нужно впутывать сюда Яну, — проговорил он. — Умерь себя хотя бы до Стеллара. Это моя единственная просьба!

Двери сомкнулись.

Джедиан в бешенстве ударил кулаком по приборной панели.

— Я выведу тебя на чистую воду! — сквозь зубы процедил он. — Чего бы мне это ни стоило!

На обзорных экранах серая муть сменилась фиолетово-черной бездной, в которой, как драгоценный камень, сверкал Стеллар.

Челнок наконец вырвался в космос.

* * *

Джедиан едва дождался, пока челнок состыкуется с личным кораблем адмирала. Не обратив на встречающих внимания, Ланге прошел прямиком в свою каюту, оборудованную, как и его лаборатория на Стелларе.

Джедиан твердо решил бороться до конца.

Пока автоматика устанавливала связь со Стелларом, он вытащил копию кристаллодиска и вставил его в дисковод бортового компьютера.

Не все воспоминания Семена были расшифрованы.

Нет, только не торопиться… Джедиан удивлялся сам себе. Он всегда был так уравновешен, точно рассчитывал свои ходы и упорно, шаг за шагом, шел к своей цели, а тут… Внезапный крах надежд выбил его из колеи.

«Нет… — мысленно повторил он. — Так не пойдет». Пальцы Джедиана легли на клавиатуру. Он задержал запрос на Стеллар, заказал кофе и углубился в анализ воспоминаний Семена, которые бортовой компьютер считывал для него с кристаллодиска.

Он работал упорно, как никогда. Словно волк, почуявший близость добычи, он все глубже и глубже уходил в ирреальный мир мысленных картин, стремясь добраться до самых первых, еще полубессознательных впечатлений.

Это было нелегко. Даже совершенные процессоры двадцать восьмого века зачастую оказывались бессильны перед тайнами человеческого мозга. На кристаллодиске имелось несколько программ, разработанных в секретных лабораториях Стеллара. В основном они предназначались для мнемотических допросов. Это был венец всей работы Джедиана Ланге, его детище.

Десять лет назад все боевые скафандры флота Конфедерации по приказу Воронцова оснастили особыми сканерами. Они постоянно записывали электрические импульсы коры головного мозга человека, находившегося внутри скафандра. Каждый день тысячи дисков с такими записями стекались на Стеллар, в лаборатории Джедиана. Так постепенно он создал уникальную базу данных, анализ которой позволил опознать некоторые импульсы как чувства или же определенные зрительные образы.

Десять лет кропотливой работы сосредоточились сейчас в бегущих по экрану монитора кривых. Они переплетались в сложный узор, читая и анализируя который компьютер в какой-то момент вырисовывал сначала смутный, а затем все более четкий образ. Фигуры на экране принимали определенные черты и начинали жить…

Иногда картинки сопровождала бегущая текстовая строка, отражавшая мысли, но чаще Джедиан останавливал программу и переходил к следующему образу, как только понимал, что очередное воспоминание вновь привело его во мрак и хаос кладбища кораблей.

Он искал нечто другое.

И он нашел. Спустя сорок минут, бледный и измученный, он откинулся в кресле, впившись дрожащими пальцами в его подлокотники. Вот оно… именно то, что он искал. Все-таки Семен родился не на кладбище кораблей…

…Он сжался в комок. От камней шел холод. Этот холод постепенно захватил маленькое тельце, и оно перестало вздрагивать. Синяя травинка, качающаяся на легком ветру, тяжелые шаги, бряцание металла — вот все, что он запомнил.

И еще большая обида на теплый мир, ставший вдруг чужим и холодным…

Это было самое раннее из воспоминаний Семена, и оно явно доказывало, что он рожден на планете, а по изображению странной, почти фиолетовой травы можно попытаться определить его родину!..

Джедиану наконец удалось справиться с нервным возбуждением. Включив шифратор текста, он начал набирать первые строки докладной записки, предназначавшейся лично адмиралу.

В глазах Ланге метался лихорадочный, почти безумный блеск…

* * *

Дежурный офицер проводил Семена и Яну в салон для гостей.

Они попали в сферическое помещение, стены и потолок которого занимали сектора огромного экрана, дающего полный телескопический обзор. По желанию можно было управлять отдельными его участками, масштабируя изображение и ракурс по своему вкусу. Мягкие кресла и раскладные диваны у привинченных к полу резных столиков были напичканы чуткой электроникой; в салон не прорывался ни один посторонний звук, и судить о том, что корабль движется, удавалось лишь по беззвучному перемещению звезд на экране да редким отсветам от вспышек корректирующих дюз.

Яна села в кресло, украдкой взглянув на Семена, который склонился над терминалом компьютера. Вот уже несколько часов как он не проронил ни слова. Она с трудом воспринимала произошедшие в нем перемены. Очнувшись в реанимационном центре Рори, она с первых секунд видела вокруг себя именно ту мечту, которая жила в их сердцах. Почему же Семен так угрюм? Конечно, она знала о схватке на «Ио», но ведь хорошо все то, что хорошо кончается! В конце концов, разве на Острове ему не приходилось чуть ли не ежедневно вступать в схватки с боевыми машинами?!

Яна болезненно переживала тот внезапный холодок, который возник между ними… Нет, их не в силах разлучить никто и ничто, но она чувствовала в Семене перемены, словно он постарел…

Не в силах больше сдерживать своих чувств, она подошла и обняла его за плечи.

— Что с тобой?.. — прошептала Яна.

Семен накрыл ее руку ладонью.

— Ожидание праздника было счастьем… — внезапно признался он.

Яна заглянула в его глаза. Так разговаривать могли лишь они двое во всей Вселенной.

— Ты что-то знаешь…

Голубые глаза Семена таили сероватый оттенок. «Голубая сталь…» — подумала Яна. Ни он, ни она еще не понимали, что уже перешагнули границы детства и юности в своих отношениях.

— Я видел смерть.

Это прозвучало для нее как приговор, словно удар хлыста по нежной коже. Яна вздрогнула.

— Но мы вернулись… — попыталась возразить она.

— И что?

Короткий вопрос оглушил ее. Действительно, что?..

— Может быть, мы неудачно попали?

Семен отрицательно покачал головой. Он слишком много думал в эти дни. Их мечты, взращенные детским сознанием, были скомканы и выброшены на помойку. Он не мог объяснить это Яне. Но в его сердце стыл смертельный холод с того момента, когда началась атака на «Ио». Его мечты были втоптаны в грязь, их посекли лазеры вместе с телом Спайта, их разорвало в клочья, как Фрайенберга, удушило вакуумом, как Володю…

Люди не ведали, что творят. Но самое жуткое — им нравилось это!..

— Нет… — отчаянно прошептала Яна, вновь взглянув в его глаза.

Вместо ответа он бережно взял ее за плечи и повернул к тем секторам экрана, где проплывала лишенная воздуха поверхность Стеллара.

Корабль двигался по высокой орбите, и главный город планеты был перед ними как на ладони.

Гигантский мегаполис мог поразить воображение самого искушенного путешественника. Он располагался на дне стокилометрового лунного кратера, накрытого пузырем силового поля. Город сверкал и переливался огнями, окольцованный круглой горной цепью, на вершинах которой грозно застыли батареи противокосмических орудий. Собственно, именно изрезанная тоннелями и пещерами горная цепь первоначально именовалась Фортом Стеллар, который много лет был серой, функциональной и сугубо военной базой, очень удобно расположившейся на подступах к Рори. Город на дне котловины вырос позже.

Они летели над бесконечной, лишенной воздуха равниной, покрытой серыми квадратами стратегических космодромов. Часть из них пустовала,

на некоторых возвышались герметичные, наполненные воздухом ремонтные стапели, третьи покоили на пусковых площадках целые эскадры космических кораблей.

Это было сердце военной машины Конфедерации солнц. Десятки, сотни километров серой брони, неисчислимое количество металла и пластика, миллиарды галактических кредитов, сотни тысяч человеческих жизней и судеб, все во имя так называемой доктрины безопасности…

Семен смотрел на это, и его надежды таяли, как дым. Оставшиеся далеко внизу бархатные равнины Рори, равно как и десятки других планет, были не более как заложниками этого серого, угрюмого монстра, раскинувшегося на площади целой луны. Бесчувственный, механический страж жизни, создатели которого давно превратились в кучку копошащихся в его недрах муравьев.

Он посмотрел на Яну, которая, как и он, в полном молчании глядела в экран. Румянец исчез с ее лица, сменившись смертельной бледностью.

Ее губы беззвучно шевелились. В груди девушки застыл холод. Десять дней, что она провела на вилле Джедиана, после того, как ее выписали из реанимационного центра, казались ей сейчас далеким, розовым сном. Словно пелена внезапно начала спадать с ее глаз.

Яна невольно сдерживала рвущееся наружу дыхание. Она даже раньше Семена нашла единственное определение раскинувшейся внизу панораме. Это был их Остров, совершенно исправный, наполненный до краев кричащей механической смертью, управляемый бездушными машинами, а люди… Неужели они не понимали, что созданный ими механический мир принесет лишь горе, смерть и страдание в десятки других, пока еще живых миров?!

За спиной с легким шипением распахнулись створки дверей, и в салон вошел Джедиан.

Семен повернулся.

— Скоро посадка? — спросил он.

Ланге кивнул, садясь в кресло. Открыв стеклянные створки бара, он достал бокал.

— Присаживайтесь, — предложил он.

— Плохие новости? — Семен испытывающе посмотрел на него.

Джедиан вновь почувствовал острый приступ ненависти. Почему он так спокоен?

— Нет. Но прежде чем мы совершим посадку, я бы хотел задать тебе один вопрос.

Яна присела в кресло напротив. Семен оперся о его спинку.

Он был готов к неприятностям и не ошибся.

Джедиан отхлебнул из бокала.

— Скоро мы будем на Стелларе. Твой дед наверняка потребует полный отчет о моих исследованиях твоих воспоминаний. Я раскопал там кое-что интересное, — он ухмыльнулся. — Скажи, а в дневниках твоего отца не было упоминаний о планете с голубой травой?

Яна недоуменно посмотрела сначала на Ланге, потом на Семена.

— Нет, — ответил Семен. — И я совершенно не понимаю, о чем ты.

— Жаль. — Джедиан встал. — Ты все-таки подумай, пока у тебя есть немного времени, — посоветовал он уже на пороге. — Всего хорошего!

Дверь бесшумно закрылась.

Семен сел в кресло и застыл, обхватив голову руками.

Он боялся сойти с ума.

— Семен, милый, что с тобой? — с тревогой спросила Яна, присев рядом. — Ну, только не молчи!

— Трава… — в его голосе была мука. — Яна, я ведь действительно помню…

— Что?!

Семен зажмурился до радужных кругов, поплывших перед сомкнутыми веками. Ему казалось, еще миг, и его мозг не выдержит…

— Нет… — спустя несколько мгновений выдохнул он. — Не помню… Не могу вспомнить!.. — Он в отчаянии огляделся вокруг, словно ища поддержки у стен, ровно сияющих чередой огромных экранов.

— Оставь, не мучайся!

Семен кивнул.

— Что нам делать? — Яна по привычке взяла его за руку. — У меня такое чувство, словно я сорвалась без фала в открытый космос… — призналась она.

Поверхность Стеллара укрупнилась и теперь проносилась на экранах во всех подробностях. Корабль летел над искусственной корой планеты. Посадочные поля сменялись угловатыми орудийными башнями, потом они откатывались назад, и вместо них к черному небу поднимались прямоугольные коробки цехов какого-то автоматического завода. Серая броня повсюду, лишь россыпи габаритных огней разнообразили краски ландшафта, а впереди неумолимо надвигался сверкающий купол силового поля, накрывавшего гигантский супермегаполис.

— Ты хотела бы остаться и жить тут? — Голос Семена прозвучал глухо.

Яна ответила не сразу. Перед мысленным взором теплые равнины

Рори наслаивались на серый монолит ледяной брони, и сверкающие вьюны, нежные листья которых она целовала еще вчера, упиваясь этим счастьем прикосновения к живому, карабкались в вакууме по башням противокосмических батарей, словно ее сознание рисовало противоестественный коллаж под названием «Безысходность».

— Почему? — вырвалось у нее вместо ответа.

Семен горько усмехнулся.

— Мы покинули сфероид в поисках счастья. Мне казалось, нет места более противоестественного, чем Остров… потому что он создан несправедливостью и безумием. Так внушал мне отец. Но там был наш дом, понимаешь?

Обзорные экраны лизнуло пламя. Корабль заходил на посадку, и впереди уже вспыхнули две цепочки голубых солнц, обозначившие открытый проход в силовом куполе города.

Семен повернулся. В его глазах нежность смешивалась с яростью. Он вовсе не собирался отдавать этому монстру их жизни. Он совершенно не боялся машин, да и люди не внушали ему страха.

— Реальность Острова подчинялась законам. Мы привыкли играть по правилам и думали, что так будет всегда. — Он коснулся ладонью ее щеки. — Мы с тобой были и хотели остаться детьми. — Он улыбнулся. — Все разделялось, как линия терминатора — по одну сторону свет, по другую тьма.

— Нет… — Яна схватила его за руку. — Зачем ты порочишь людей, ведь мы столько мечтали о них! Подумай, может быть, не все так страшно?

Корабль несколько раз ощутимо дернулся, вплывая в створы огромного ангара. Семену казалось, что время вновь вернулось назад. Когда-то он заставил ее надеть скафандр, чтобы вывести в жуткую реальность сфероида. Теперь все было сложнее и больней…

Семен был устроен немного иначе, чем обыкновенные люди. Слова Джедиана явились для него лишь подтверждением горьких выводов, и ему не нужны были в качестве щита ни наивные надежды, ни утопические мечты. Боевые машины сфероида, воспитавшие его, не различали подобных уловок человеческого сознания.

За тридцать дней он прожил целую человеческую жизнь.

Учиться полутонам и получувствам, раболепствовать и лгать, приспосабливаясь то к толпе безликих, уставших от жизни трудяг, то к сильным мира сего, было для Семена равносильно смерти. Он привык к чистым, сильным и честным чувствам…

— Мы не можем тут жить, — произнес он. — И лучше признать это

сразу, чем прикрываться мечтами и надеждами…

Яна понимала, что он прав, но ей трудно было смириться. Признать реальность такой, как описал ее Семен, означало умереть. Внезапно до нее дошел весь ужас их положения.

— Мы обречены? — с тоской спросила она.

Семен стиснул зубы.

— Есть два пути, — проговорил он. — Но в конце концов нам уготована моральная смерть. Все, чем мы дышали до сих пор, будет выкинуто вон. Жизнь обяжет нас приспособиться к «цивилизации», — произнес он с горькой иронией.

Лицо Яны дрогнуло. Она не верила, что это говорит он!

— Есть другие планеты! — почти крикнула она.

— Нет. Мы с тобой выродки, — отрезал Семен.

— Ты предлагаешь изменить мир?

Семен посмотрел на нее с искренним удивлением.

— Изменить мир? — переспросил он. — Зачем?

— Он станет лучше!

Семен сокрушенно покачал головой.

— Сто семьдесят обитаемых планет… Две галактические войны… — Казалось, он размышляет вслух, обращаясь в никуда. — Родовые муки цивилизации. Потерянные поколения. Мы с тобой верили в утопию, а ее не существует! И никогда не будет существовать… Людям плевать на нас. Мы для них лишь эпизод, несчастный случай.

Он понимал, что говорит жестоко, но иначе было нельзя…

Несколько секунд они молчали.

— Ты прав… — По щеке Яны скатилась слеза. — Ну неужели тут нет никого, кто мог бы помочь?

Ей показалось, что почва уходит из-под ног…

На самом деле это корабль вошел наконец в захваты причальных штанг.

Они прибыли на Стеллар.

Глава 14

На вилле Джедиана в прохладной тиши библиотеки трижды звякнул зуммер электронной почты.

Андор повернул голову. Сообщение предназначалось ему.

От библиотечного процессора к вскрытой черепной коробке андроида тянулся кабель интерфейса. Он взглянул на монитор, пробежав визуальными сканерами по скупым строчкам кодированного сообщения.

Губы Андора тронуло подобие улыбки.

Один из охранников, заглянувший в этот момент в окно, непроизвольно отшатнулся. «Господи, — подумал он, — что за привычки у хозяина коллекционировать всякую дрянь! То мутанты с заброшенной орбитальной станции, теперь этот робот с кабелем в башке сидит и корчит рожи!..»

Охранник сплюнул и пошел дальше. Через час, делая очередной обход, он вновь заглянул в окно.

Андроида не было.

Охранник вошел в библиотеку и тщательно осмотрел все углы, но робот словно испарился. Кабели были аккуратно уложены в нишу. Процессор отключен, лишь на панели спутниковой связи горел сигнал, свидетельствуя о работе факса. Охранник проверил код и непроизвольно присвистнул — информация была передана непосредственно адмиралу.

Он еще немного потоптался на месте, мысленно выругался и пошел прочь. В конце концов Джедиан не оставлял никаких инструкций относительно робота. За периметр виллы ему не выйти, а остальное никого не волнует.

На взлетную полосу выруливал рейсовый шаттл. Машина медленно вползла в арку сканирующего устройства. Через секунду загорелся зеленый сигнал, означавший, что груз полностью декларирован. Никаких посторонних предметов, полный автоматический режим.

Взяв короткий разбег, машина оторвалась от бетонной ленты и начала медленно набирать высоту.

В тесной кабине управления Андор наблюдал, как уменьшается фигурка охранника на краю взлетно-посадочной полосы. В электронной декларации он числился как дополнительный блок навигационного контроля.

Пальцы андроида вошли в контактный разъем. Через несколько

секунд компьютер шаттла изменил курс; на мониторе вместо привычных навигационных данных мелькнули помехи, сменившиеся грифом «Абсолютно секретно». Затем появилось графическое изображение громадного боевого корабля.

«Крейсер дальнего радиуса действия „ГЕНЕЗИС“, — высветил монитор в командной строке. — Прошу код доступа».

Губы Андора вновь тронула улыбка.

* * *

С балкона банкетного зала открывался вид на Форт Стеллар.

Семен стоял, облокотившись о мраморные перила, задумчиво вертя в пальцах пустой бокал из-под шампанского. Резные двери за его спиной жалобно звякнули. Он повернулся.

— Адмирал?

Воронцов, в черном мундире космического флота, скрывающем детали спецкорсета, подошел к перилам. Титановый кортик адмирала глухо стукнул о мрамор.

— Хандришь?

Семен пожал плечами.

— Тебя трудно понять, — упрекнул адмирал. — Покидая свалку кораблей, ты мечтал о людях. И вот ты вернулся. Чему же ты не рад?

Семен пристально посмотрел в его лицо. Мелкая сеть морщин, как паутина, пролегла от глаз к вискам. Этого человека любил его отец… Как ирреально порой переплетаются судьбы…

— Я рад… — ответил он.

Воронцов не отвел взгляда. В желтоватых глазах адмирала таилась тщательно обуздываемая ярость. Он привык повелевать.

— Не лги мне! Я вижу — ты умен, но твоя голова повернута не в ту сторону! Не понимаю твоего циничного фатализма. Устроен прием в твою честь, а ты бродишь по залам с мрачной независимостью… От твоего вида бросает в дрожь. Ну прямо архангел смерти, получивший откровение о дне Страшного суда!..

Семен улыбнулся краешком губ.

— Bellum omnium contra omnes… — процитировал он, глядя в глаза деда.

Воронцов вопросительно поднял брови.

— Война всех против всех… — перевел Семен. — Я изучал латынь на той «свалке», которая была моим домом… Глядя на трупы, плавающие в вакууме, я думал о выживших. Я представлял, как они мучаются тем, что

совершили. Я оказался наивным глупцом.

— Не ты первый, — ухмыльнулся адмирал. — Реальность, мой мальчик, порой действительно — грязь, но от нее не скроешься за иллюзиями. — Мы живем в жестоком мире. Приходится считаться с реальностью. Человек — это животное, едва приподнявшееся над уровнем инстинктов…

— Я не животное, — резко оборвал его Семен. — Я — человек. Я вырос среди смерти и холода. Я знаю, что мог оказаться нищим, попади на другую планету, ходить не в этом, — он отогнул лацкан черного фрака, — а в лохмотьях, но я человек, и остался бы им!

Старый адмирал хмуро смотрел вдаль.

— Я могу многое для тебя сделать, — после затянувшейся паузы проговорил он. — Только не надо капать мне на мозги, понял, внук? — озлобился старик. — Это, — он махнул рукой в сторону диких скал Стеллара, меж которых вздымались купола лазерных батарей, — это моя реальность. Может быть, через миллион лет люди перестанут грызть друг другу глотки, в чем я, честно говоря, сомневаюсь, но для этого нужно взять новое поколение и вырастить его за тысячу парсек от этих башен! — гневно выдохнул он.

Семен непроизвольно вздрогнул.

— Это здравая мысль.

Воронцов почувствовал, как механическое сердце гулко бьется в его груди. Ярость, сожаление, запоздалое раскаяние — все смешалось в его душе. «Нервы ни к черту, — подумал он. — Зачем мне все это?» Теперь он понял, что отчаянно хочет лишь одного — забыть!

— Я сделаю для тебя все, что смогу, — глухо повторил он. — Но только не думай, что перевернешь мир. Он крепко стоит на ногах.

— Мне нужен корабль, — внезапно проговорил Семен.

Адмирал не смог скрыть удивления.

— Что это значит? Зачем?!

— Какая разница? — устало спросил Семен. — Зачем громоздить одну ложь на другую, адмирал? Вы всегда знали, чего хотите, так почему сейчас пытаетесь обмануть себя? Вам не нужны тени из прошлого! Приступ человеческого сострадания был и прошел, и теперь все вокруг отчаянно хотят, чтобы мы оказались дурным сном и все вернулось на круги своя!

— Ты… Ты не смеешь! — прохрипел Воронцов. Он вцепился в мраморные перила побелевшими пальцами. Казалось, силы вот-вот покинут его.

Семен повернулся к Форту Стеллар.

— Адмирал, это ваш мир. И я не собираюсь оспаривать это. Пусть каждый получит свое. Мое место не здесь. Мне претит каждый дюйм этой поверхности.

Воронцов боялся отпустить перила. Далекие огни кружились перед глазами в бешеном хороводе. Кровь буквально ломилась в виски, раздирая их болью. Никто и никогда, по крайней мере за последнюю сотню лет, не разговаривал с ним с подобной беспощадной ясностью. Читать приговоры и вершить судьбы было его неотъемлемым правом… Щенок! Он предлагает ему сделку. Воронцов чувствовал, что бессилен возразить против голой правды. Внук не пытался шантажировать его, а просто облек в слова затаенные, порочные чувства…

— Хорошо… — взяв себя в руки, ответил он. — Ты имеешь право. Какой корабль?

— «Генезис».

— Это невозможно! Он стоит в сухом доке. Принято решение о его консервации.

— Но ведь он полностью готов лететь, в любую секунду! — возразил Семен.

— Там нет экипажа, — пояснил адмирал. — Он расформирован. Чтобы управлять таким кораблем, нужно как минимум тридцать человек!

— Не имеет значения. Мы с Яной справимся.

Воронцов ухмыльнулся. Вот, значит, как… Самонадеянный мальчик! Он почувствовал, что вновь обретает почву под ногами. Легкое разочарование сменилось предвкушением моральной победы. Что ж, пусть попробует. Потерпев неудачу, он придет… нет, уже не придет, а приползет к нему! Адмирал знал, что ни вдвоем, ни вдесятером с «Генезисом» не совладает никто…

Он достал коммуникатор:

— Альфа четыре, мне нужен флайер. Передайте на восьмой терминал, чтобы сняли блокировку «Генезиса» и обеспечили стартовый коридор… — Он повернулся и с вопросительной усмешкой взглянул на Семена.

— Через час, — подсказал он.

— Через час, — повторил Воронцов.

Он спрятал коммуникатор и похлопал Семена по плечу.

— Сейчас тут будет флайер. Тебя и Яну доставят на «Генезис». А через пару часов ты… — Он не договорил, резко развернувшись на каблуках. — Счастливого пути, внук!

Глава 15

Маленький корабль стремительно несся над искусственной равниной Стеллара. Город и горные вершины остались далеко позади. Вокруг расстилались бесконечные квадраты старто-посадочных полей.

Минуты казались Семену бесконечностью. Наконец аппарат притормозил и спикировал к приземистому зданию терминала.

Круглый люк раскололся на четыре сегмента, пропуская флайер. Переходную камеру начал заполнять воздух. Наконец пришел в движение внутренний люк. Колпак машины плавно отскочил вверх, и они спрыгнули на бетонный пол.

— Ты ввела код возврата? — спросил Семен.

Яна кивнула, взяв его за руку.

Они шагнули в открывшийся проход.

Семен почувствовал, как по ее телу прокатилась дрожь.

Ангар тонул в полумраке, который с трудом рассеивали гроздья прожекторов, подвешенные где-то вверху. Мерно вспыхивали голубые и красные огни, обозначая периметр стартовой площадки.

«Генезис» лежал на брюхе. Три километра покатой, абсолютно черной брони, от которой не отражался свет, даже близкие вспышки сигнальных огней тонули в этой черноте, как в омуте.

Семен шагнул вперед, чувствуя, что от этой затаившейся мощи по позвоночнику пробежали мурашки. Резко взвыли сервомоторы, и в носовой части крейсера, прямо под рубкой управления, обозначился проход. Часть обшивки опустилась, образовав пологий пандус. Внутри призывно горел свет.

В полном молчании они вошли в шахту лифта. Легкий толчок, и кабина понеслась вверх. На вмонтированной в стену панели мелькали цифры уровней.

«15»… Кабина плавно остановилась.

— Рубка управления, — сообщил голос. — Прошу экипаж занять свои места. Полная стартовая готовность будет объявлена через шестьсот секунд.

Двери открылись.

Семен и Яна ступили в сердце «Генезиса».

Пространство полусферического зала было плотно забито пультами управления, экранами, компьютерными консолями и прочей электроникой.

Семен насчитал пятнадцать основных постов и еще пять вспомогательных. Все кресла были пусты, зато приборные панели перед ними призывно сияли огнями, требуя присутствия людей.

— Но как?.. — вырвалось у Яны.

Внезапно одно из кресел за центральным пультом, перед которым раскинулся многометровый обзорный экран, чуть повернулось вокруг своей оси.

— Достаточно просто! — проговорил Андор.

Его черепная коробка была вскрыта, и от нее в недра пульта змеились десятки кабелей. Одна кисть андроида тонула в разъеме, пальцы другой лежали на клавиатуре. — Добро пожаловать на борт!

— Ну и видик у тебя! — прыснула Яна.

Андор пожал плечами. Других телодвижений он делать попросту не мог.

Семен сел в соседнее кресло.

— Получилось? — спросил он.

— Твоя идея сработала. Процессор «Генезиса» введен в режим речевых команд. Мы поговорили с ним по душам, и теперь я являюсь ретранслятором. Конечно, временно, — добавил он.

Семен кивнул, наблюдая, как неумолимо бегут секунды на дисплее обратного отсчета.

— Яна, твое кресло — шестое от меня по правому крылу пульта! — распорядился он. — Это навигационная консоль. У тебя ровно сорок секунд.

— Ясно!

Она села.

— Курс?

— Удаляемся от Стеллара на ионной тяге. Траектория произвольная. Ориентируй по какой-нибудь яркой звезде. Радиус зоны безопасности системы для включения гиперпривода — три астрономические единицы.

— Андор?

— Тестирование систем окончено. Мы в автоматическом режиме. С пультов нужны только вводные данные.

— Отлично.

Пальцы Яны легли на клавиатуру.

Пошли последние десять секунд отсчета.

Купол ангара дрогнул, разделившись на десяток клиновидных сегментов. Из-под брюха «Генезиса» показалось малиновое сияние.

— Отрыв! — сообщил Андор.

— Два метра!.. Пять! — Голос Яны был ломким от волнения. — Пятнадцать!..

Над серой поверхностью Стеллара показался черный силуэт, облитый малиновым пламенем, словно из недр планеты поднимался, глухо ворча и содрогая равнину, могучий космический зверь.

— Сорок метров… Входим в сектор обстрела батареи Дзета пять…

— Двигатели синхронизированы. Активность систем противокосмической обороны отсутствует…

Палец Семена на мгновение застыл над клавишей.

— Ты отправил факс? — спросил он у Андора.

— Да, — лаконично ответил андроид.

— Тогда нам нечего тут больше делать.

Корма «Генезиса» вспыхнула, залив поверхность Стеллара нестерпимым голубым светом.

Еще секунда, и корабль слился с бездной, почти мгновенно превратившись в одну из крохотных звезд.

* * *

Направляясь к апартаментам адмирала, Джедиан пребывал в отличном настроении. Ему удалось определить планету, на которой родился Семен. Это был Богом и людьми забытый планетоид в системе Эпсилон-32, на котором когда-то добывали урановую руду. В начале Первой галактической штурмовой отряд Земного альянса уничтожил рудник, но, к счастью, сохранились копии компьютерных файлов. Там были ДНК всех колонистов. Значит, определить, кто такой Семен, теперь не составит никакого труда…

В комнатах адмирала горел свет. Ланге прошел через приемную и остановился на пороге кабинета. Вокруг ни души. Странно. Пятнадцать минут назад он разговаривал с дедом по интеркому, предупредив, что зайдет.

Джедиан толкнул дверь кабинета и остолбенел.

Адмирал Воронцов сидел в кресле за рабочим столом. Перед ним лежали исписанные от руки страницы. Судя по характерному отпечатку, они были получены по факсу.

Но не это в первые мгновения привлекло внимание Ланге. Голова адмирала как-то неестественно свесилась набок, словно он уснул в неудобной позе. Но кто же спит с открытыми глазами! Джедиан почувствовал панический страх. Он крадучись, словно боясь вспугнуть Воронцова, подошел к столу.

На панели систем жизнеобеспечения бесновались огни. Ему хватило беглого взгляда, чтобы понять — у адмирала приступ.

Ноги Джедиана подкосились. Схватившись за край стола, он едва не смел с него бумаги с факсимильным текстом. Взгляд Ланге скользнул по строкам, почерк которых был чем-то похож на его собственный…

«… Каждый из нас, прежде чем умереть, должен был сойти с ума…» — прочел он первую, попавшуюся на глаза строчку. Внутри все похолодело. Он понял, что это за листки, но…

«… Но я помню. Помню беззаботный смех матери, добрые глаза отца… Теплую воду пурпурного океана родной планеты. Помню свое ощущение безграничного покоя и счастья, какое бывает только у маленьких детей. Мир лежал у моих ног, такой огромный, удивительный и теплый. Он был моим… но все наши мечты оказались втоптаны в грязь, смешаны с пеплом, заморожены вакуумом…»

«Неудивительно, что нервы старика сдали…» — подумал Джедиан, чувствуя, что сам не в силах оторваться от рукописных строк…

«… Я не обвинитель и не пацифист. Я профессиональный солдат, легализованный государством убийца, силой обстоятельств вырванный из порочного круговорота смерти и брошенный посреди ледяного, великого ничто подыхать и думать…»

Это был дневник Андрея Воронцова.

Рука Джедиана непроизвольно потянулась к проводкам, идущим от систем жизнеобеспечения к креслу адмирала. Дрожащими пальцами он выдернул их. Голова Воронцова конвульсивно дернулась. По контрольным мониторам поползли ровные линии — от края до края.

Он воровато оглянулся и вставил проводки на место.

Круг замкнулся.

Эпилог

В глубинах космоса, далеко от оживленных галактических трасс, медленно дрейфовало циклопическое сооружение.

Звездная Крепость колонистов…

Двадцать обитаемых планет принимали участие в ее сооружении. Двести лет назад, когда разгорелся конфликт Земли и колоний, последние не питали надежд победить в надвигающейся войне и создали Крепость как последнее прибежище на случай оккупации родных планет.

Первая галактическая война ввергла обитаемый космос в хаос. После сокрушительных поражений Союз Свободных колоний распался под ударами эскадр Земного альянса.

Это было мрачное для цивилизации время. В космосе царствовал беспредел. Сотни сражений вспыхивали в пространстве, создавались и разрушались союзы планет, бесчинствовали каперы, гибли целые планетные системы…

Те, кто находился на борту Крепости, не питали никаких иллюзий относительно будущего. Среди старших офицеров нашлись разумные люди, и после первых поражений колоний, когда хаос еще только начинался, они повернули циклопический корабль-станцию в сторону незаселенной и неисследованной части пространства.

Это были мужественные люди. Они вели Крепость в неизвестность, надеясь бежать от всеобщего безумия и найти новую родину для своего бесценного груза.

У колонистов был богатый опыт заселения чуждых миров. Прототипом Крепости стали колониальные транспорты старой Земли, к которым добавился весь опыт выживших колоний.

Крепость канула в никуда. Несколько раз ее видели случайные корабли, но постепенно она стала легендой. Правительства некоторых планет даже предпринимали попытки поиска затерявшейся станции, но безрезультатно.

Трагическая разгадка была проста, и ее следовало искать в архивах ныне покойного Земного альянса…

* * *

В рубке «Генезиса» было темно.

Десятиметровый лобовой монитор создавал ощущение окна,

распахнутого в бездну.

Яна, затаив дыхание, следила, как растет в его стереообъеме нечто невероятное.

Издалека это выглядело как миниатюрная планета, окруженная темными, зловещими кольцами, но, чем ближе они подлетали, тем четче становились видны леденящие подробности.

В центре ирреальной конструкции находилась сорокакилометровая сфера Крепости. То, что издалека казалось несколькими темными кольцами, на самом деле представляло собой целое поле, составленное из изуродованных кораблей. Почти пятьдесят километров сплошного металла, окольцовывавшего станцию.

— Это печально известный своим таинственным исчезновением Пятый флот Земного альянса, — проговорил Андор, указывая на жуткое кольцо из погибших кораблей.

— Они пытались захватить Крепость? — спросила Яна, запуская программу компьютерного видения. Прожектора «Генезиса» были бессильны осветить исполинскую конструкцию, и в отсутствие иных источников света нарисовать четкую картинку мог только процессор их корабля.

Андор внимательно рассматривал проступающие изображения.

— Адмирал Пятого флота был весьма амбициозен и к тому же — жаден. Он понимал, что командование не одобрит его рейд, но… победителей не судят. Захват легендарной Крепости мог вознести его на вершину славы, не говоря о баснословной стоимости этого сооружения и уникальности его бортового оборудования. Поэтому он, получив разведданные о ее местоположении, решился на самостоятельные действия.

В этот момент процессор «Генезиса» окончил сканирование, и на обзорном экране вместо мрака и смутных контуров проступила четкая картинка.

— Нужно позвать Семена! — выдохнула Яна. Она привыкла к подобным картинам еще на Острове, но разыгравшееся воображение неумолимо воскрешало далекие события. — Это ведь именно то, что мы искали целых пять лет!..

Андор кивнул, отжав клавишу интеркома.

— Семен, мы приближаемся. Поднимись в рубку, на это стоит посмотреть.

— Иду. Рейдер почти готов.

Руки Яны легли на клавиатуру.

«Процесс: сканирование» — ввела она директиву.

На дисплее вспыхнуло изображение Крепости, считанное из памяти бортового компьютера.

— Перед вами базовая модель космической межзвездной станции, — раздался голос бортового компьютера. — Диаметр по горизонтали 42 километра, по вертикали 47 километров. Обшивка выполнена из керамлитового сплава. Станция имеет три внутренних космодрома, сто двадцать постов управления, системы противокосмической обороны и планетарной атаки. Штатный экипаж — тысяча двести человек. На борту имеется пять криогенных залов, банк генофонда, инкубаторы воспроизведения и неустановленный набор планетарной техники. Данные по загруженности криогенных залов отсутствуют…

Яна услышала шелест распахнувшихся дверей и нажала паузу. Голос компьютера смолк.

Семен подошел к ее креслу.

— Ну как дела?

Яна взяла его за руку.

— Посмотри на это. Мне кажется, я никогда не привыкну…

Крепость приближалась. В ее обшивке зияли безобразные пробоины, обломки надстроек окружал зацепившийся за них мусор. Ни одного огня, никаких признаков жизни, лишь неподвижный изуродованный металл вокруг.

На экране появилась выделенная красным окружность. «Генезис» приближался к ее краю.

— Это зона безопасности, — пояснил Андор. — Неизвестно, так ли мертва станция, как кажется. Колонисты отбивались до последнего, уничтожив целый флот. — Он красноречиво указал на окольцовывавшие Крепость обломки. — Так что тут, как и на Острове, могут оказаться боевые машины, не говоря о системах обороны самой Крепости.

— Ясно. — Семен подошел к экрану, словно это могло ему помочь рассмотреть нечто, ускользающее от взгляда других.

— Яна, ты остаешься тут. Вы с «Генезисом» должны быть готовы к любым неожиданностям. Возможно, нам придется экстренно отступать. Мы с Андором попытаемся проникнуть внутрь.

— Но зачем? Что ты надеешься там найти?

Семен покачал головой.

— Пока рано об этом. Нет ничего хуже пустых надежд. — Он коснулся губами ее щеки. — Мы уже проходили такое, верно?

* * *

Маленький десантный корабль осторожно приближался к Крепости.

— Три километра, — проговорил Андор. Перед андроидом светился экран радара. — Никакой активности.

Семен, устроившись в кресле стрелка, напряженно вглядывался в проплывающие под брюхом корабля обломки звездолетов. Кольцо не было однородным, как казалось издали, и глыбы металла, лишь отдаленно напоминающие творение человеческих рук, пребывали в медленном, хаотичном движении, словно гигантские молекулы…

Пять лет они смотрели один и тот же кошмарный, однообразный сон… «Генезис» посетил десятки подобных кладбищ. Но ни на одном они не нашли жизни…

— Два километра. Похоже, системы обороны Крепости не функционируют.

Андор на секунду включил дюзы коррекции, подтолкнувшие корабль к огромной пробоине в борту.

Семен закрыл забрало гермошлема и встал.

Провал приближался, словно черная пасть мифического монстра.

— Пятьсот метров…

От рейдера отошли две телескопические штанги причаливания.

— Двести метров…

Глухой удар возвестил о контакте. Сработали автоматы вакуумной сварки, разбрызгивая ослепительные искры, и корабль намертво пристыковался к станции.

— Яна, как слышишь нас?

— Слышу нормально. Изображение устойчивое. Удачи!

Семен открыл люк.

Звездная Крепость занимала все обозримое пространство вокруг. Ее выпуклый борт уходил в бесконечность.

Медленно перебирая руками по причальной штанге, Семен пересек провал и коснулся ногами края безобразной пробоины. Следом за ним двигался Андор.

Преодолев нагромождение взломанных взрывом бронеплит, они оказались в просторном радиальном коридоре, ведущем в недра станции.

Два фонаря резали тьму столбами света.

Здесь когда-то кипел бой. Видимо, все, кто уцелел после гибели космического флота, пытались штурмом овладеть цитаделью колонистов… Семен шел по коридору, заглядывая через сорванные взрывами двери в

отсеки, но видел лишь разбитую аппаратуру, взорванные пульты да посеченные лазерами стены.

— Нужно найти транспортный тоннель, — проговорил он. — Иначе мы можем шагать по этим коридорам до скончания века.

Андор согласно кивнул. Перейдя в режим сканирования, он быстро отыскал вход в транспортную систему станции.

— Все цепи обесточены, — предупредил он.

Семен шагнул в указанный проход и оказался в просторной трубе. Под треснувшей пластиковой облицовкой виднелись жгуты проводки. Когда-то здесь работали электромагниты, создававшие подъемную силу в транспортном колодце.

Он оттолкнулся руками от стен и продолжал отталкиваться, пока не набрал необходимую скорость.

Сзади Андор повторял его движения. Андроид продолжал сканировать, передавая изображение на оперативный планшет Семена.

— Триста метров в минуту. Думаю, что достаточно.

Мимо проносились огромные плоскости палуб. Никакой электрической активности, лишь мрак и мертвый металл.

Спустя некоторое время разрушения вокруг закончились.

— Бои продолжались долго, — прокомментировал Андор. — Видимо, колонисты во что бы то ни стало пытались удержать центр станции…

Семен не ответил. Он устал от безумия. Конечно, он понимал, что, если еще какое-то время им придется исследовать уродливые обломки войны, можно запросто сойти с ума. По крайней мере однобокое и превратное отношение к цивилизации будет гарантировано. Нельзя забывать, что люди создали много доброго и прекрасного, это Семен повторял себе достаточно часто…

Бытие определяет сознание… Древний постулат заставлял его думать, снова и снова… Люди имели право на жизнь, но не такую. Миллиарды детей рождались в обстановке противоборства, их души калечила пропаганда, низкий социальный статус и еще сотни уродливых обстоятельств. И лишь единицы могли пройти через это, не потеряв себя…

— Семен, вы приближаетесь к какому-то источнику энергии! — прервал его мысли голос Яны. — Это семьдесят пятая палуба станции.

— Понял.

Семен перевернулся и затормозил двигателями реактивного ранца.

Андор пролетел еще с десяток метров и остановился у закрытого палубного люка.

— Я пойду первым, — предупредил он.

Через минуту они вышли в кольцевой коридор семьдесят пятой палубы.

Тут вообще не было разрушений. Стены облицовывал белоснежный пластик, бликующий в свете фонарей.

«Криогенный зал номер один», — прочел Семен надпись у массивных бронированных ворот.

Андор тщетно возился с замком.

— Источник энергии расположен дальше, — подсказала Яна. — Подключитесь к любому разъему палубы, и я скажу точнее.

Андор быстро нашел распределительный щит, снял облицовочную панель и включился в цепь.

— Так… Это триста метров вправо по коридору! Сейчас… — Голос Яны на мгновение смолк. — Вот, нашла! По схеме это будет криогенный зал номер три!

Семен почти бегом бросился по коридору.

У внушительных створов шлюза, запирающего вход в криогенный зал, горел зеленый сигнал. Это была первая искра света среди мертвого мрака Крепости.

Андор, не говоря ни слова, склонился к кодовому замку.

Наконец тяжелые створки дрогнули и поползли в стороны.

Семен, сгорая от нетерпения, вошел в просторную камеру.

Мучительно долго тянулись секунды, пока заработавшие компрессоры нагнетали воздух. Внутренний люк начал открываться, но застрял, — что-то хрустнуло в его механизме. Семен с трудом протиснулся в образовавшуюся щель и оказался в операторской.

Перед прозрачной стеной находилось несколько пультов управления. Ровные шеренги зеленых индикаторов наполнили сердце Семена радостью и смятением.

Чуть в стороне стоял пустой письменный стол. В кресле, за ним, полулежало тело человека в истлевшей форме. Длинные седые пряди волос обрамляли лицо мумии, но даже иссохшие и искаженные черты красноречиво свидетельствовали о том, что перед ними — глубокий старик, скончавшийся естественной смертью. На пустом столе призывно желтел лист бумаги.

«Вверяю их вам», — прочел Семен.

— Что все это значит?! — раздался в коммуникаторе взволнованный голос Яны.

Вместо ответа Семен толкнул прозрачную дверь и вошел в криогенный зал. Он чувствовал всю сверхъестественную древность этого

помещения. Шаг, который он сделал, был самым важным в их жизни.

Ровные шеренги подсвеченных изнутри низкотемпературных капсул гиперсна терялись в бесконечности зала. Их были сотни, и в каждой лежал… ребенок!

Казалось, впервые в голосе Андора послышалось смятение:

— Ты знал об этом?!

Семен кивнул, не в силах оторвать взгляд от концентрических кругов, составленных из пятен бледно-голубого света.

— Это дети колонистов. Чтобы спасти от ужасов войны, родители отправили их на борт Крепости. Теперь ты понимаешь, почему экипаж станции сражался до конца?!

Андроид подошел к ближайшей камере и заглянул внутрь сквозь прозрачную крышку.

Он увидел белокурую девочку лет пяти, укутанную клубящимся саваном консервирующего газа.

Семен повернулся.

«Нужно взять новое поколение и вырастить его за тысячу парсек от этих башен!» — вспомнил он слова Воронцова, сказанные на далеком Стелларе.

Его губы тронула улыбка. Некоторые страшные сказки все же имеют счастливый конец.

Перед ним лежали те, кому было суждено стать завтрашним днем цивилизации.

notes

Примечания

1

«ФЛАУ» — импульсная автоматическая винтовка. Снаряд или граната разгоняются в стволе за счет электромагнитного поля.

2

Великая Экспансия — период массового исхода из перенаселенной Солнечной системы после первых опытов полета в гиперсфере.

3

Агорафобия — боязнь открытого пространства (прим. автора).

4

21 см — длина волны излучения нейтрального водорода (прим. автора).

5

ПЗУ — постоянное запоминающее устройство (прим. автора).

6

АРК — автоматический разведывательный корабль (прим. автора).